

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

№ 8
Часть V

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 НОЯБРЯ 2015 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
VIII Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 30 ноября 2015 г.

В десяти частях
Часть V

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий :
С 56 сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 30 ноября 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – № 8, часть V. – 148 с.

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 ноября 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по филологии, истории, философии, культурологии, политологии, журналистике, юриспруденции.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Ахмедова З.Г.</i> СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ.....	6
<i>Блажевич Ю.С.</i> ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОРТУГАЛИИ	8
<i>Губарь И.А.</i> ВОПРОСО-ОТВЕТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПИСЬМАХ Б.Л. ПАСТЕРНАКА	11
<i>Гурова Ю.И.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ЛЕКСИКИ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ НА РУТВЕЛЬСКОМ КРЕСТЕ И ЛАРЦЕ ФРЭНКСА.....	15
<i>Дадаева А.Р.</i> ЖЕНСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПАРЕМИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)	19
<i>Долженков В.Н.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	24
<i>Есина Е.А.</i> О НЕКОТОРЫХ ПРИЁМАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ.....	26
<i>Жигалина Е.В.</i> ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО	30
<i>Землякова Н.В.</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ВИД ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА.....	35
<i>Зуева Е.А.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМОЦИИ «УДИВЛЕНИЯ» СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	44
<i>Иванова Т.В.</i> ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РЕКЛАМНОМ МЕДИАТЕКСТЕ	46
<i>Ишкинина Л.К.</i> ИСЛАМСКИЙ МИСТИЦИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ТЮРКСКОГО СУФИЙСКОГО ПОЭТА АХМАДА ЯСАВИ.....	51
<i>Мартынова Е.В.</i> АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА КАК ОБЛАСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ЯЗЫКА	55
<i>Моргоева Л.Б.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В ОСЕТИНСКИХ ПАРЕМИЯХ.....	57
<i>Назарова Л.В.</i> СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ ЯКУТОВ И ЯПОНЦЕВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ХОККУ ЯКУТСКОГО ПОЭТА КСЕНОФОНТА УТКИНА-НУНУЛГЭН).....	62
<i>Ненарокова М.Р.</i> ПЕРСОНАЖИ ДЕТЕКТИВОВ Р. ВАН ГУЛИКА: СПЛЕТЕНИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ.....	66
<i>Новак М.В., Бирючинская А.А., Посупонько А.Н.</i> РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРЕССЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В АМЕРИКЕ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКОВ)	72
<i>Сивенко А.В.</i> КОНЦЕПТ «БЕССМЕРТИЕ» В АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	75

<i>Шарафутдинова Л.Р.</i> АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРОПОВ В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ В.В. МАЯКОВСКОГО «ЛИЛИЧКА» НА АНГЛИЙСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫКИ.....	78
<i>Шишкина Т.С., Вагина В.О.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ МИМИКИ И ЖЕСТОВ.....	83
<i>Шишкина Т.С., Вагина В.О.</i> ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.....	85
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	87
<i>Астраханцев О.Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ ШКОЛ ПИЛОТОВ В г. ЧИТЕ В 1930-е ГОДЫ	87
<i>Лопатина Н.Л.</i> УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ КАК ОСНОВА МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ	89
<i>Мермянина А.С.</i> РИМ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ОКТАВИАНА АВГУСТА. РЕСПУБЛИКА ИЛИ МОНАРХИЯ.....	91
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»	94
<i>Пащак И.В.</i> «ЧЕЛОВЕК В НЕСПОКОЙНОМ МИРЕ» (ОБРАЩЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ФИЛОСОФИИ СЕНЕКИ)	94
<i>Степанов А.Н., Бочкова Т.И.</i> ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЭКФРАЗИС МАТЕМАТИКИ	98
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	104
<i>Братухина Я.С., Худяков К.С.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ИНТРОВЕРСИИ И ЭКСТРАВЕРСИИ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО КИТАЯ.....	104
<i>Зубов С.В.</i> КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРНЫХ БРЕНДОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	107
<i>Пальгов С.Ю.</i> ОБРЯДЫ ДОВЕНЕЧНОЙ ЧАСТИ СВАДЕБНОЙ ИГРЫ НИЗОВЫХ КАЗАКОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	110
<i>Худяков К.С., Братухина Я.С.</i> ОБРАЗ КАК ЧАСТЬ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	114
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	118
<i>Блинов А.В.</i> УКРАИНА КАК ПЕШКА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ.....	118
<i>Комарова А.А., Киричѣк П.Н.</i> ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ	120
<i>Пшегорский А.С., Пеньков А.И.</i> КОНЦЕПТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА США	123
<i>Шановалова А.М., Кочетов Р.Г., Вагина В.О.</i> ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	126
СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»	129
<i>Цараева Л.А.</i> ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАК СИНТЕЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ «НОВОГО ВТОРНИКА»).....	129
<i>Цараева Л.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАГоловочной ПОЛИТИКИ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ФИДИУАГ» РСО-АЛАНИЯ	131

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	133
<i>Бурцев А.С., Оганесян К.О.</i> ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА	133
<i>Васильева Е.А.</i> К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПЕДАГОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	135
<i>Косян М.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЬМИ-СИРОТАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	138
<i>Митин Ф.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ	141
<i>Николаенко Т.Г.</i> ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА МЕЖДУ СТРАНАМИ	143
<i>Нинциева Т.М.</i> ПРИОБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА	145

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Ахмедова З.Г.

доцент кафедры английской филологии, канд. филол. наук,
Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала

В статье рассматривается проблема научного освещения синтаксиса предложения даргинского языка. На основе рассмотрения научных трудов отечественных лингвистов автор подвергает анализу наиболее крупные труды по дагестанскому языкознанию, в которых освещается проблема синтаксиса даргинского языка.

Ключевые слова: научное освещение, кавказские языки, даргинский язык, синтаксис предложения.

Наряду с другими кавказскими языками, даргинский язык стал объектом научного исследования ещё в XVIII в. С тех пор проблемы даргинского языка становились объектом многих научных исследований. Если другие уровни языка более или менее рассматривались в этих научных трудах, вопросы синтаксиса даргинского языка долгое время оставались вне внимания исследователей. Во второй половине XX века ряд учёных обратился к исследованию синтаксиса дагестанских языков, в том числе и даргинского.

С.Н. Абдуллаев в книге «Грамматика даргинского языка» [6] рассматривает не только вопросы фонетики и морфологии, но и узловые вопросы синтаксиса, а также даёт значительные сведения о диалектах даргинского языка.

В монографии «Кубачинский язык» [9] А.А. Магометов один раздел посвящён основным вопросам синтаксиса.

Б.С. Сулейманов на даргинском языке подготовил специальное учебное пособие «Синтаксис даргинского языка» [14], предназначенное в качестве учебника для студентов вузов республики.

Значительный вклад в изучение синтаксиса даргинского языка внёс З.Г. Абдуллаев. В монографии «Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке» [2] наряду с другими вопросами освещается и категория падежа как одна из центральных проблем синтаксиса, и соотношения субъектно-объектных понятий, с синтаксическими понятиями подлежащего и объекта. В его же работе «Категория падежа в даргинском языке» [1] исследованы теоретические вопросы, касающиеся формы и содержания падежей. Первой монографической разработкой вопросов синтаксиса даргинского языка является труд З.Г. Абдуллаева «Очерки по синтаксису даргинского языка» [3]. Изучаемые синтаксические структуры сопоставляются с аналогичными фактами и других языков народов Дагестана. Здесь рассматриваются простое предложение, осложнённое предложение сложное предложение. Исследуя простое предложение, учёный описывает его грамматические при-

знаки, типы предложений по модальности, синтаксические взаимоотношения членов предложения. Вопросам типологии падежной парадигмы и конструкции предложения, разработке принципов определения членов предложения, формальной и контенсивной маркировке компонентных величин эргативности, их соотношению в синтаксическом функционировании и другим вопросам посвящена монография З.Г. Абдуллаева «Проблемы эргативности даргинского языка» [4].

В пособии М.Р. Багомедова «Методика изучения простого предложения на уроках даргинского языка» [7] описываются как общетеоретические положения по синтаксису словосочетания и простого предложения даргинского языка, так и методические рекомендации по изучению данных единиц на уроках родного языка в старших классах дагестанской национальной школы.

Наряду с другими вопросами синтаксис даргинского языка освещается в трудах М.-С.М. Мусаева «Даргинский язык» [10], «Даргинский язык» [на даргинском языке; 11].

В кандидатской диссертации Р.М. Расуловой [12] рассматриваются структурные типы простого предложения в даргинском языке.

Квалификационная работа А.И. Исраповой «Сопоставительный анализ синтаксических структур даргинского и английского языков» [8] посвящена сопоставлению отдельных синтаксических структур даргинского языка с соответствующими структурами английского языка. В исследовании, посвященном сопоставительному анализу двух структурно различных и генетически неродственных языков, рассматриваются вопросы не только синтаксиса предложения даргинского и английского языков, но и синтаксиса словосочетаний, что само по себе говорит о невозможности детального анализа этих сложных структур обоих языков.

В пособии А.А. Сулейманова «Методика даргинского языка. Синтаксис и пунктуация» [13] описаны методы и приёмы, применяемые в обучении синтаксису и пунктуации даргинского языка в школе и в вузе.

В коллективной монографии «Современный даргинский язык» [5] дается анализ звуковой системы даргинского литературного языка, его грамматического строя – частей речи, их словоизменительных систем, словосочетаний, типов простых и сложных предложений.

Данный вопрос рассматривается и в учебниках даргинского языка для школ и педагогических училищ (колледжей) Республики Дагестан, в статьях и тезисах докладов научных конференций, на которых здесь подробно не будем останавливаться.

Важнейшие проблемы синтаксиса дагестанских языков на сегодня исследованы не в полной мере. К ним относятся: сущность предложения, типы по коммуникативной целеустановке, характеристика синтаксических конструкций, критерии выделения членов предложения, особенности связи между компонентами и др. По ряду вопросов дагестанские лингвисты придерживаются различных, подчас противоположных точек зрения.

Таким образом, подробное знакомство с рассматриваемыми выше работами лингвистов, убедило нас в том, что синтаксис предложения даргинского языка нуждается в дальнейшем и тщательном исследовании.

Список литературы

1. Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961. 201 с.
2. Абдуллаев З.Г. Субъектно-объектные и предикативные категории даргинского языка. Махачкала, 1969. 200 с.
3. Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971. 478 с.
4. Абдуллаев З.Г. Проблемы эргативности даргинского языка. М., 1986. 372 с.
5. Абдуллаев З.Г., Абдусаламов А.А., Мусаев М.-С.М., Темирбулатова С.М. Современный даргинский язык. Махачкала, 2014. 614 с.
6. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. 216 с.
7. Багомедова М.Р. Методика изучения простого предложения на уроках даргинского языка (на даргинском языке). Махачкала, 2006. 237 с.
8. Исрапова А.И. Сопоставительный анализ синтаксических структур даргинского и английского языков. Махачкала, 2004.
9. Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. 341 с.
10. Мусаев М.-С.М. Даргинский язык. М., 2002. 184 с.
11. Мусаев М.-С.М. Даргинский язык (на даргинском языке). Махачкала, 2014. 408 с.
12. Расулова Р.М. Структурные типы простого предложения в даргинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 171 с.
13. Сулейманов А.А. Методика даргинского языка. Синтаксис и пунктуация (на даргинском языке). Махачкала, 2007. 301 с.
14. Сулейманов Б.С. Синтаксис даргинского языка. Пособие для студентов (на даргинском языке). Махачкала, 1966. 173 с.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОРТУГАЛИИ

Блажевич Ю.С.

доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации,
канд. филол. наук, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются основные функции переключения кодов (ПК) в речи русскоязычного населения Португалии, приводятся конкретные примеры ПК в различных ситуациях, разграничиваются переключение кодов и другие явления, характерные для ситуации билингвизма.

Ключевые слова: переключение кодов, билингвизм, язык эмиграции, португальский язык, языковой контакт.

В Португалии при наличии государственного языка – португальского – наблюдается ситуация одновременного бытования множества языков. Определенные группы населения попеременно объясняются на двух или более языках, т.е. являются билингвальными или мультилингвальными.

Н.Б. Мечковская, говоря о социолингвистическом аспекте двуязычия, подчеркивает, что два языка не могут быть функционально тождественны. Например, в семейном общении обычно преобладает один язык, хотя все члены семьи могут в принципе хорошо владеть и другим языком данного двуязычного социума [2, 105]. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в речевой практике за пределами семейного общения также наблюдается тенденция к дифференцированному выбору языка в зависимости от ситуации общения, темы, собеседника. Так происходит функциональная специализация языков в индивидуальной речевой практике. Применительно ко всему двуязычному социуму это оборачивается тенденцией к функциональному разграничению языков.

В настоящий момент португальский язык имеет функциональный статус единого языка в сфере политики, бизнеса, экономики, СМИ, любых форм письменного дискурса, т. е. обладает признаками «высокой» языковой системы, а за русским языком в Португалии остается сфера устного бытового или неформального внутриэтнического общения.

Русский язык используется в следующих ситуациях:

- для внутриэтнического и внутрисемейного общения;
- для профессиональных целей (преподаватели, переводчики и т.д.);
- для религиозного общения;
- выполняет символическую функцию (связь с родиной, напоминание о происхождении).

Возникновение такой неравновесной двуязычной ситуации связано с функциональным разграничением языков, поскольку «использование двух языков в тождественных ситуациях и функциях оказывается избыточным, функционально неоправданным» [2, 105]. Данную ситуацию можно охарактеризовать как несбалансированное двуязычие определенной социальной группы (а именно русскоязычной диаспоры).

В любом обществе, где наблюдается языковой контакт, в речи билингвов наблюдается переключение кодов (ПК).

Под ПК мы будем понимать попеременное использование в речи единиц двух языков, результатом которого являются последовательные отрезки речи, принадлежащие разным языковым системам. ПК отличается от таких явлений языкового контакта, как заимствование и интерференция. Таким образом, о ПК можно говорить, когда в текст другого языка вносятся фразы или целые предложения, сохраняющие свою собственную внутреннюю синтаксическую структуру. Тем самым мы отделяем понятие ПК от заимствования. Соответственно, однословные наименования, высказанные на другом языке, представляют собой обычное использование заимствований (либо вошедших в словарь языка-реципиента, либо окказиональных иноязычных вкраплений). Отличие переключения кодов от интерференции состоит в том, что кодовое переключение способствует реализации акта коммуникации (если не считать ошибочное соскальзывание на другой язык), тогда как интерференция состоит в перекрещивающемся применении норм разных языков к одному и тому же явлению, что может привести к непониманию.

Приведем примеры разницы между ПК и использованием иноязычных вкраплений:

Русский мужчина обращается к другому русскому коллеге: «Вчера Порто играл с Брагой, ты смотрел?» – «Нет, (обращаясь к коллеге-португальцу), o Rui, viste o jogo ontem? Quem é que ganhou? (перевод: Руй, ты смотрел вчерашнюю игру? Кто выиграл?) (переключение кодов).

«Загородить своими велосипедами лестничные площадки моего согласия не требуется. А антенна, установленная на моей стене, кому мешает? Гайвота (перевод: gaivota – чайка) в полете может зацепить крылом и пораниться? Или соседям сверху стало неудобно через окно трепать грязные дорожки?» (иноязычное вкрапление).

Функции ПК определяются параметрами и целями коммуникации. Основными из них являются адресатная, цитатная, юмористическая, фатическая, эзотерическая функция экономии речевых усилий, эмоциональная, функция самоидентификации, предметно-тематическая, металингвистическая и воздействующая [3, 73].

Среди обозначенных функций ПК наиболее часто встречаются ситуации ПК с целью экономии языковых усилий. Особенно это характерно для случаев, когда одинаково активизированы оба языка билингва, что позволяет прибегать к стратегии облегчения и использовать первый из эквивалентов, который вспомнился, особенно если он лаконичнее.

Объявление: «Продаётся спальный гарнитур (2-спальная кровать с матрасом, 2 тумбочки, комод). Está tudo em condições (перевод: Всё в хорошем состоянии). Цена – 450 €»;

Некоторые из выделенных функций по нашему мнению переключаются. Например, предметно-тематическая функция, актуализируется в связи с предметом разговора, когда говорящему привычнее или легче называть какие-то объекты на языке переключения кода. По сути она дублирует функцию экономии речевых усилий с той лишь разницей, что говорящий может в принципе и не владеть лексикой, связанной с темой разговора, на одном из языков (например, родном).

Что касается цитатной функции (иногда называемая «декоративной»), которая используется для того, чтобы украсить свою речь цитатами или афоризмами из другого языка, то здесь необходимо отличать ПК и инкрустацию. Поскольку при «инкрустации» говорящий может в принципе не владеть иностранным языком, а знать лишь отдельные фразы, которые он включает в свою речь.

Иными словами, способность к переключению кодов (за исключением случаев ошибочного соскальзывания на другой язык) «свидетельствует о высоком уровне языковой компетентности, коммуникативной и общей культуры говорящего. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или

субкоду) воспринимаются как аномалия и могут приводить к коммуникативным конфликтам» [1, 30].

Список литературы

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учеб. для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 439 с.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект-Пресс, 2000. 207 с.
3. Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец, 2000. 86 с.

ВОПРОСО-ОТВЕТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПИСЬМАХ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Губарь И.А.

аспирант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), Россия, г. Таганрог

В статье представлен качественно-количественный анализ функционирования вопросо-ответных конструкций монологической речи. В качестве материала исследования избраны письма Бориса Пастернака.

Ключевые слова: монолог, эпистолярные тексты, вопросо-ответные конструкции.

Интенсивное развитие антропологистики и все усиливающийся интерес к «человеческому фактору» в языке привлекли особое внимание исследователей к тем речевым жанрам, где языковая личность может выражать себя наиболее полно, в том числе к письму. Эпистолярные тексты являются специфической формой общения. При всем многообразии подходов к их типологизации преобладающей разновидностью большинство ученых (В.В. Виноградов, А.Г. Балакай, И.А. Еременко, И.Б. Барцевич, Н.А. Ковалева и др. исследователи) называют письмо.

В литературном наследии Б.Л. Пастернака письма занимают огромное место и по объему, и по числу адресатов, и, главное, по значительности затронутых тем и вопросов. Они представляют собой литературное воплощение его жизни и времени, не менее важное, чем стихи и проза Б.Л. Пастернака. Совершенно справедливым нам представляется замечание И.В. Голубевой о том, что «без обращения к эпистолярному наследию трудно приблизиться к личности художника слова (особенно человека другой эпохи), постичь его творческие замыслы и особенности мировосприятия» [3, с. 1].

Эпистолярное наследие Б.Л. Пастернака уже становилось предметом изучения отечественных и зарубежных ученых (например, труды Л. Флейшмана, Э. Моссмана, Е.Б. Пастернака, работы М.А. Сулеймановой, В.А. Чикриной, вызвавшая неоднозначную реакцию читателей и критики книга Т. Катаевой «Другой Пастернак» и т.д.), однако функционирование в письмах отдельных синтаксических конструкций, в том числе вопросо-ответных в монологе, пока предметно не изучалось, что и обусловило выбор проблематики нашего исследования.

Н.А. Ковалева определяет письмо как «целенаправленное индивидуально-социальное речевое явление, возникающее во взаимодействии субъекта и объекта речи и находящее свое выражение в письменной форме» [4, с. 8]. Путем переписки происходит общение в письменной форме, дистантное во времени и в пространстве. Однонаправленность общения требует обдумывания, даже подготовки текста, чтобы сделать его ясным, полным и предвосхитить возможные вопросы, уточнения, исключить непонимание. В самом общем виде под эпистолярным текстом понимают монолог, информативно наполненный и оформленный в соответствии с эпистолярной традицией своего времени.

М.Н. Кожина высказала мысль, что идеально чистой формы монолога, вероятно, вообще не существует. Монолог – это только фрагмент диалогической речи, а диалогичность – фундаментальное свойство речи, всеобщий ее признак, выступающий как речевая реализация коммуникативной функции языка.

О взаимодействии и взаимосвязи диалога и монолога говорит А.К. Михальская: «Диалогическая и монологическая речь чередуются в процессе естественного общения, переходят друг в друга ... настоящий диалог сменяется более или менее развернутыми монологическими высказываниями» [7, с. 110].

Т. Г. Винокур отмечала, что «любой отрывок монологической речи в той или иной мере «диалогизирован», т. е. содержит показатели ... стремления говорящего повысить активность адресата» [6, с. 310]. Одним из способов диалогизации монологической речи является введение в монологическую речь вопросо-ответных конструкций, семантика которых отражает адресованность, обращенность речи (мысли) к другому субъекту.

В исследованиях многих ученых (Н. Д. Арутюнова, Л. Ф. Бердник, А. В. Логинов) рассматриваются различные виды вопросительных предложений, в том числе и вопросо-ответные конструкции в монологической речи, являющиеся способом синтаксического расчленения текста и повышения его экспрессивности. Вопросо-ответные конструкции в монологе включаются исследователями (например, Г.Н. Акимовой [1, с. 79-103]) в список так называемых конструкций экспрессивного синтаксиса.

Выделяют следующие признаки таких конструкций:

1. Высказывание расчленяется на две и более частей: вопросительное предложение и предложение, содержащее ответ. Как правило, сформулированный вопрос в структурном плане представляет собой отдельное предложение, иногда, в единичных случаях, он включен в сложное предложение как его последняя часть.

2. Порядок следования частей (вопрос-ответ) строго закреплён.

3. Синтаксическая связь между частями высказывания отсутствует, но в ответном предложении могут дублироваться компоненты из вопросительного предложения.

4. Части имеют самостоятельную интонацию – вопросительную и ответную. В письменной речи это выражается в употреблении вопросительного знака в конце первой части и точки, восклицательного знака, многоточия – в конце второй.

5. Функция такой конструкции состоит в выделении какой-либо мысли.

Диалогичность формы писем заключается не столько в смене ролей адресат/адресант, сколько в организации текста, который часто строится как ответы на вопросы, поставленные в полученном письме. Видимо, этим обстоятельством, прежде всего, объясняется преимущественное обращение Б.Л. Пастернака к вопросо-ответным конструкциям в монологе. Их в письмах около 40% по отношению к другим конструкциям экспрессивного синтаксиса, а в лирических текстах того же автора вопросо-ответные конструкции занимают по частотности далеко не первое место и составляют около 7 % от всех конструкций экспрессивного синтаксиса [2, с. 65].

Собственно вопросо-ответные конструкции условно можно разделить на несколько групп:

1. Конструкции, содержащие неразвернутый ответ.
2. Конструкции, содержащие развернутый ответ, представляющий собой несамостоятельное высказывание.
3. Конструкции, содержащие развернутый ответ, представляющий собой самостоятельное высказывание.

Связь ответа с вопросом остается неоспоримой и очевидной. Всякий ответ изначально имеет своей функцией обеспечение информации, запрашиваемой вопросом. Кроме того, ответ далеко не всегда отвечает той формуле, по которой образован вопрос, не всегда логически обусловлен, и в этом проявляется богатство и вариативность языковых форм, уникальность ситуации речевого общения, неповторимость свойств языковой личности. Иногда ответная часть может содержать просто ответ на вопрос, но чаще ответная мысль может оказаться сложнее вопросной по своему содержанию.

Для выяснения специфики представленности вопросо-ответных конструкций нами были проанализированы письма Б. Л. Пастернака. Все выборки из текстов писем имеют равный объем (по 100 предикативных единиц каждая). Результаты анализа отражены в таблице.

Таблица

Представленность вопросо-ответных конструкций в письмах Б. Л. Пастернака

Характеристика выборки	Констр., содержащ. неразвернутый ответ	Констр., содержащ. разверн. ответ (несамостоят. высказывание)	Констр., содержащ. разверн. ответ (самостоят. высказывание)
О. М. Фрейденберг	2	4	3
В. Т. Шаламову			
М. И Цветаевой	2	4	2
А. С. Эфрон			
О. Э. Мандельштаму		1	1
Н. С. Тихонову			
Л. О. Пастернаку		4	
А. М. Горькому		2	
А. А. Фадееву			
Р. Н. Ломоносовой		4	1
Сумма	4	19	7

Как видно из приведенной таблицы, наиболее частотны (63,3% от всех вопросо-ответных конструкций) в письмах Б. Л. Пастернака конструкции, содержащие развернутый ответ, представляющий собой несамостоятельное высказывание. В таких конструкциях ответное предложение непосредственно связано с вопросом, к которому оно относится, так как обычно составляет с ним единство, например:

К чему я пишу это тебе? К тому, чтобы ты не упорствовала на своем отношении к этому делу, вернее на одной детали своих планов или предположений (О. М. Фрейденберг).

Следующими по степени употребительности (23,3% от всех вопросо-ответных конструкций) являются конструкции, содержащие развернутый ответ, представляющий собой самостоятельное высказывание. В таких конструкциях ответное предложение не соответствует вопросному предложению по содержанию:

Вас не обидит, что Вы не в одиночестве? Но среди неотложных работ, вдруг скопившихся к концу этого года, за писаньем прозаической повести я не расстаюсь с мечтой написать несколько настоящих, т. е. достойных Вас и Ваших соседей посвящений (Р. Н. Ломоносовой).

Значительно реже встречаются конструкции, содержащие неразвернутый ответ (13,3% от всех вопросо-ответных конструкций):

Ты спрашиваешь, легче ли или труднее мне одному? Страшно трудно (М.И. Цветаевой).

Итак, вопросо-ответные конструкции в письмах Б. Л. Пастернака разнообразны по тематике и могут определяться как проблемные вопросы, исходящие от самого адресанта/адресата, на которые отвечает сам адресант предположительно – адресат. Использование вопросов в письменном тексте предполагает его социальную значимость. С помощью вопросо-ответных конструкций передается ход размышлений не только самого адресанта, но и адресата по поводу той или иной ситуации.

Список литературы

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. Голубева И.В., Губарь И.А. Конструкции экспрессивного синтаксиса в лирике Бориса Пастернака// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Часть III. С. 63 – 66.
3. Голубева И.В. Марина Цветаева в письмах (синтаксис эпистолярных произведений// Русский язык («Первое сентября»). 2002. № 37 (349). С.1.
4. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура: автореф. дисс. ... докт. филол. н. М., 2002. 48 с.
5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта, Наука, 2008. 464 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ЛЕКСИКИ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ НА РУТВЕЛЬСКОМ КРЕСТЕ И ЛАРЦЕ ФРЭНКСА

Гурова Ю.И.

доцент кафедры английского языка, канд. фил. наук, доцент,
Гуманитарный университет профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург

Цель работы – анализ языковых особенностей англосаксонской рунической письменности на материале текстов надписей на Рутвельском кресте и ларце Фрэнкса. Письмена на Рутвельском кресте и ларце Фрэнкса имеют множество отсылок к скандинавским сюжетам, легендам, законам письменности и т.д. Лексический состав надписей неоднороден и представляют собой сложный и плодотворный материал для анализа рунической письменности.

Ключевые слова: руны, англосаксонская письменность, символы, лексический состав, артефакт.

Рутвельский крест – это 18-ти футовое (5,5 метров) каменное древнеанглийское распятие, приблизительно датированное VIII в. н.э., когда Рутвел еще входил в состав Нортумбрии. Рутвельский крест считается самым известным и замысловатым англо-саксонским памятником, а текст на нем – самым древнейшим сохранившимся образцом английской поэзии. Установление Рутвельского креста связано с усилением культа Креста в VII в. после возвращения его в Константинополь.

В 1642 г. крест был разбит Пресвитерианскими иконоборцами, и его осколки лежали на церковном дворе вплоть до 1823 г., когда преподобный Генри Дункан отреставрировал его и снова установил на прежнем месте. После реставрации церковники обратили внимание, что, кроме распятия и некоторых других вырезанных символов, на кресте присутствуют высеченные руны. Традиционная теория гласит, что рунами записано несколько строф религиозного стихотворения, так называемого «Видения Креста». Полная версия данного стихотворения сохранилась в более поздних источниках, таких, например, как Верчелльский кодекс. Среди историков есть мнение, что руническая надпись была добавлена позднее изготовления креста [1, с.40].

Приведем перевод на современный английский язык с параллельным переводом на русский тех строк, которые были высечены на Рутвельском кресте:

Then the young hero (who was God almighty)

Тогда же юный своей одежи Господь Вседержец сбросил,

Got ready, resolute and strong in heart.

Добротвердый и доблестный,

He climbed onto the lofty gallows-tree,

Всходил на крест высокий,

Bold in the sight of many watching men,

Храбрый посередь народа

When He intended to redeem mankind.

Во искупление рода человеческого;

Notharmthem. They reviled us both together.

Но смолчал я тогда перед врагами. Надо мной и над мужем они глумились,

I was made wet all over with the blood

Весь промок я господней кровью

Which poured out from his side,

Текущей справа из-под ребер,

After He had Sent forth His spirit. And I

underwent

Покуда храбрый не умер. На холме то мне малую

I trembled as the warrior embraced me.
Он прильнул ко мне, муж, и я содрогнулся,
But still I dared not bend down to the earth,
Но не смел шевельнуться, не преломился,
Fall to the ground. Upright I had to stand.
Ни склонился тогда я долу, но стоял, как долж-
но, недвижно,
A rood I was raised up; and I held high
Крестным древом я воспринял небесного
The noble King, the Lord of heaven above.
Государя-Владыку.
I dared not stoop. They pierced me with dark
nails;
Я не склонился долу. Прободили меня черными
гвоздями,
The scars can still be clearly seen on me,
И поныне дыры остались
The open wounds of malice.yet might I
От мучителей злочинные раны,

Full many a dire experience on that hill.
Муку принял, претерпел я пытку,
I saw the God of hosts stretched grimly out.
Darkness covered the Ruler's corpse with clouds
Тут мга набежала по-над земью, застыла зарное
сияние
His shining beauty; shadows passed across,
Тела Христова; тень подоблачная мглой налег-
ла,
Black in the darkness. All creation wept,
И все во Вселенной твари возопили
Bewailed the King's death; Christ was on the
cross.
О Пастыре: Господь на кресте!
And yet I saw men coming from afar,
Но пришли издалека люди к нему
Hastening to the Prince. I watched it all.
Ко Владыке радетели – все-то видел я...

Лексический состав этой надписи наполнен словами, типичными для героических и эпических сочинений: *ealdegwyrhtum* – «былые времена»; *aergewin* – «родовая вражда», *middangeard* – «Серединный мир», *wyrd* – «Судьба»; но введенные в христианский сюжет языческие клише приобретают новую семантику. «*Krist waes on rodi Hweprae per fusae fearran kwomu aebpilae til anum*» – «Христос был на этом кресте. Но пришли издалека люди к нему, ко Владыке радетели», – гласит надпись на изваянии, стоявшим на пути многих пилигримов. Несложно сделать вывод, что характерная народным сказаниям лексика должна была облегчить восприятие сакрального христианского сюжета англосаксами, не так давно ставших христианами [3, с. 38].

Таким образом, лексический состав надписи на Рутвельском кресте имеет в себе как типичные для христианской лексики языковые единицы, так и уходящие корнями в языческое прошлое слова, употреблявшиеся в прославляющих героев сочинениях.

Ларец Фрэнкса – это небольшая (22,9 см в длину, 10 в ширину и 10,9 см в высоту) шкатулка, сделанная из китовой кости. Довольно распространено мнение, что она сделана из китового уса, но это неверно.

Ларец с плоским двухмерным рельефом богато украшен близко расположенными друг к другу рисунками, вырезанными в кости ножом. Изображение обрамляет руническая надпись [2, с. 126]. В сценах, изображенных на шкатулке, смешивается христианское, античное и языческое начала: среди образов присутствуют Ромул и Рем, основатели Рима, волхвы и, по меньшей мере, один герой германских легенд Велунд. Надпись дает основание предположить, что шкатулка датирована первой половиной VIII в. н.э. Предположительно, ларец имел крепления, выполненные из драгоценного металла, и был выкрашен разными цветами. В стиле явно ощущается влияние позднеантичных мотивов: ларец имеет много сходства с обнаруженной в Брешии позднеантичной шкатулкой.

Традиционная теория гласит, что ларец был сделан в некоем монастыре для некоего получателя. В ней, по-видимому, хранились церковная утварь,

возможно, святые дары; либо она предназначалась для хранения какой-либо книги, например, псалтыря, принадлежащего персоне высокого происхождения. Недавние исследования В.Х.Вила подтверждают, что до середины XIX в. шкатулка принадлежала церкви Сен-Жюльен в Бриуде и по неизвестной причине она была разобрана (одна из боковых панелей была отделена от шкатулки), возможно, во время Французской революции, а затем хранилась у семьи в деревне Аузон, находившейся в Верхней Луаре, и использовалась для хранения швейных принадлежностей. Затем ее серебряные крепления были проданы, и шкатулка распалась на части. Затем она перешла к профессору Матье, жившему неподалеку от города Клермон-Феррана, который продал их в антикварный магазин в Париже. В 1857 их купил сэр Огастус Волластон Франкс, хранитель британской и средневековой коллекций в Британском музее, куда в 1867 г. он ее пожертвовал. Отсутствующий правый край панели позже был найден в ящике стола семьи в Аузоне и продан в музей Барджелло во Флоренции, где он был идентифицирован как часть ларца в 1890 г.

Считается, что на передней панели, где первоначально располагался замок, слева изображены образы из германской легенды о легендарном герое Велунде, а справа узнается сцена поклонения волхвов. Сцена из германской легенды иллюстрирует эпизод «мести Велунда», описанный в Старшей Эдде. Другие исследователи считают, что там изображена сцена допроса некоего подозреваемого. Фигуры в длинных одеяниях слева от центра признаются то женскими, то мужскими. Сцена справа от центра традиционно толкуется как поклонение волхвов Деве Марии и Христу. Над тремя согнутыми фигурами вырезана надпись MFXI – «magi» и расположена большая звезда, а впереди первого из волхвов изображена птица [1, с. 37].

Вокруг панели вырезана надпись, которая согласно официальной трактовке является загадкой о том, из чего сделана сама шкатулка. Надпись гласит:

Fisc flodu ahof on fergen-berig

И выбрасывали большие воды рыбу на горный утес

Warþ gas-ric grorn þær he on greut giswom.

И успокаивалась буйная тварь, когда плавала по камням (плыла в могилу)

Hronæs ban.

Китовая кость.

На левой панели изображены мифические основатели Рима Ромул и Рем вместе с волчицей, вскормившей их. Выше изображен еще один волк, возможно, тот же самый, и, кроме того, мужчины с копьями. Согласно предположению Керол Л. Неуман де Вегвара фигуры основателей Рима должны были ассоциироваться с братьями Хенгистом и Хорсом, которые, якобы, привели в Англию людей и были первыми, кто пытался организовать здесь некое государство. Надпись вокруг сцены гласит:

Romwalus and Reumwalus, twægen gibroþær,

Ромул и Рем, два брата,

afœddæ hia wylif in Romæcæstri,,

И волчица, вскормившая их

Oþlæ unneg.

Далеко от родины.

На задней панели изображено взятие Иерусалима Титом во время первой Иудейской войны с Римом. В левой части сверху римляне, возглавляемые Титом в шлеме и с мечом, атакуют купольное здание, вероятно Иерусалимский храм. В верхней правой части люди бегут из Иерусалима, оглядываясь назад. В левой нижней части, по-видимому, изображен сидящий судья, рядом с которым вырезано отдельное слово «dom», что означает «суд». В правой нижней части вырезано слово «gisl», которое переводится как «пленники», и изображены люди, которых уводят прочь. Слова здесь написаны и латинскими буквами, и рунами:

her fegtaþ titus end giuþeasu

Это битва Тита и иудеев.

HIC FUGIANT HIERUSALIM afitatores

Это жители Иерусалима бегут прочь из города

dom / gisl

Суд/пленники

Крышка сохранилась не полностью. На пустом круглом пятне в центре, вероятно, размещалась металлическая ручка. На крышке изображен лучник, над которым вырезано FHLN – «Ægili». В 1886 году Софус Бугг предположил, что данная сцена изображает Эгила, брата Велунда, что подтверждает надпись над лучиком. Иосиф Стржиговский выдвинул теорию, что крышка украшена сценами падения Трои, а Карл Шнайдер позднее развивал идею, что вышеупомянутое слово над лучником – это не что иное, как англосаксонская транслитерация имени Ахиллес, употребленного в дательном падеже единственного числа, что указывает либо на крепость, принадлежащую ему, либо на стрелу, предназначенную ему. Другие авторы видят библейское или христианское послание в крышке: Марианн Осборн считает, что некоторые детали в Псалме 90, особенно в старом английском переводе, сходятся с образами на крышке, а Габриэле Кокко в 2009 выдвинул мысль, что крышку, скорее всего, украшает история из 2 Царства 13:17 о пророке Елисе, побуждающем царя Йоаса пустить стрелу в открытое окно, что символизирует его борьбу против сирийцев [2, с. 121].

Изображения и письма на правой панели, также называемой панелью Барджелло по названию музея, в котором она находилась, вызывают больше всего споров, и ни одна из точек зрения не считается официальной. Слева некое существо, похожее на животное, сидит на небольшом округлом возвышении, а перед ним стоит вооруженный воин в шлеме. В центре изображено некое животное, похожее на лошадь, стоит лицом к лицу с фигурой, держащей палку или меч и находящейся за чем-то, что изображено кривой линией. Справа вырезано еще три фигуры, две из которых крепко держат ту, что находится по центру. Приведем здесь надпись:

Her Hos sitiþ on harmberga

Здесь Хос сидит на горе-кургане,

agl[.] drigiþ swa hiræ Ertae gisgraf

Она страдает, так как Эрте стережет ее тут,

sarden sorga and sefa torna.

Несчастный den (дерево?) печали и духовных страданий

risci / wudu / bita

мчится ... дерево ... тот, кто кусает

Следует заметить, что и этот перевод не является окончательным, поскольку распознать и перевести руны на правой стенке практически невозможно: руны следуют друг за другом без каких-либо пробелов и разделений между словами, две руны сломаны и отсутствуют. Кроме того, попыткам прочесть письмена препятствует то, что гласные зашифрованы другими символами.

В нашей статье было выявлено, что рунические письмена на данных артефактах совмещаются с латинскими словами, что свидетельствует о взаимодействии христианской и языческой германской культуры.

Рутвельский крест – важнейший артефакт англосаксонской культуры, сохранивший свидетельства взаимодействия христианского и языческого начала и являющийся плодотворным материалом для анализа рунической письменности.

Ларец Фрэнкса является не менее важным памятником нортумбрийской культуры, сочетающим в себе огромный материал для исследования англосаксонской письменности и культуры.

Список литературы

1. Гурова, Ю.И. Культура языка перевода в античности и средневековье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011 (входит в перечень ВАК). № 6. Ч. 2. С. 36-41.
2. Гурова, Ю.И. Многоаспектный анализ лексико-грамматического развития инфинитива с диахронной точки зрения // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания. Монография. Краснодар: АНО ЦСПИ «Премьер», 2012. Книга 2. С. 1-140.
3. Гурова Ю.И. Историческое развитие аналитических способов связи слов в английском предложении // Literature, language and culture influenced by globalisation. Монография. Vienna: "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2014. Vol. 2. 240 с.

ЖЕНСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПАРЕМИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Дадаева А.Р.

ст. преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания,
Чеченский государственный педагогический университет,
Россия, г. Грозный

В статье рассматривается статус женщины в пословицах и поговорках (на материале русского, немецкого и чеченского языков). В зависимости от социальных ролей, исследуемый материал разделен на следующие образы: *невеста, мать, жена, свекровь, дочь, сноха, девушка, старуха*.

Содержание концепта *женщина* в том виде, как оно представлено в паремиологии, имеет неоднородный и противоречивый характер. Это объясняется его зависимостью от культурного опыта русского, немецкого и чеченского народов.

Ключевые слова: гендер, социальный пол, паремиология, концепт, феминистская теория языка.

Новые исследования языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью привело к развитию изучения *гендера* как социального пола.

«Национально-культурная специфика в пословицах и поговорках четко прослеживается при рассмотрении специфики репрезентации концептов *маскулинность* и *женственность*. Многие пословицы и поговорки семантически многогранны. Поэтому конкретная семантическая область может быть очерчена достаточно четко лишь на высоком уровне обобщения: мужское видение мира – женское видение мира. В рамках каждой из этих областей просматриваются разные семантические группы, однако они не могут считаться определенными окончательно» [2, с. 80].

В данной статье мы рассматриваем паремиологию с гендерной позиции, в частности концепт «женщина» в русском, немецком и чеченском языках. Материалом исследования послужили пословицы и поговорки, собранные исследователями Ю.И. Алироевым [1], А.Т. Мацеевым [5], В. Далем [3], а также немецкие словари: Duden Deutsches Universalwörterbuch [9], Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten : Wörterbuch der deutschen Idiomatik [10], A. E. Graf «Deutsche und russische Sprichwörter» [8].

В зависимости от социальных ролей, выполняемых слабым полом, мы разделили исследуемый материал на следующие образы: *невеста, мать, жена, свекровь, дочь, сноха, девушка, старуха*.

Образ свахи был обнаружен только в русском паремиологическом фонде, образ уродины и независимой женщины – исключительно в немецком, а понятие второй жены обнаруживается в чеченском языке. С положительной и отрицательной стороны одновременно женщина рассматривается в образе свахи в русских паремиях, так как сватовство – это исконно русское искусство сведения женихов и невест. В России вплоть до 1917 года все браки заключались с помощью свахи. Молодые люди не имели права выбора будущего супруга или супруги и полностью зависели от своих родителей и «женщин-сводниц». Поэтому неудивительно, что в паремиологии им тоже отведено своё место. С одной стороны, подчёркивается её роль в заключении браков: «Без нашей свахи и девка не заневестится». С другой стороны, раскрываются её личные недостатки – словоохотливость и хитрость: «В свахиной хвасты нет сласти», «Под добрую сваху комар нос не подточит», «Сваха лукавая – змея семиглавая» [6]. В немецкой и чеченской языках данный образ отсутствует.

Особое внимание привлекают немецкие пословицы и поговорки, формирующие образ уродины. Они несут в себе положительную характеристику с элементами сочувствия и встречаются только в немецкой лингвокультуре: «Ein häßlich Weib ist eine gute Haushälterin» / Некрасивая баба – хорошая хозяйка. В данном случае непривлекательная внешность рассматривается не как наказание, а как положительная черта.

В отличие от русской и немецкой паремиологий, в чеченских пословицах и поговорках можно встретить понятие второй – четвертой жены: «Цхъа зуда – зуда, ши зуда – жима базар, йиъ зуда – йоккха базар» / Одна жена – хозяйка, две жены – маленькие проблемы, четыре жены – большие проблемы, «Шолг1а зуда – йома» / Вторая жена – заплатка, «Шолг1а зуда хьалха ялийначул ши плеллиг оьшуш хьлу» / Вторая жена бывает с недостатками, чем первая.

Многие пословицы задают социальный статус женщины в русском, немецком и чеченском языках – она низшее создание, над которым мужчина утверждает свою власть. Такое положение вещей можно объяснить достаточно длительным существованием патриархального общества, которое повлияло на становление религиозных и общественных взглядов этих народов. Образ женщины не человека является ярким свидетельством принижения слабого пола общественным мнением: «Курица не птица, а баба не человек», «Fische und Frauen sind am besten am Sterz» / Рыбы и женщины являются лучшими в штерц, «Зудчун карадахана ц1а-дайна ц1а» / Дом, в котором главенствует женщина, – потерянный дом.

Образ распутной женщины мы находим во всех трех языках: «Мужнин грех за порогом остаётся, а жена все домой несёт», «Frauenfleisch ist leichter zu bekommen denn Kalbfleisch» / Женское мясо (тело) легче получить, чем телятину, «Дерриг дуьне хьан хилча а пайда бац, хьуна юххехь тешаме х1лусамнана яцахь» / Если у тебя нет верной жены, никакие богатства тебе не нужны.

В русском и немецком языках следует особо разграничить термины: *баба* – *Weib* относятся к разговорному стилю, которые несут в себе пренебрежительный или ироничный отзыв о женщине в целом; *женщина* – *Frau*, употребляется в литературной сфере. В чеченском же языке оба эти понятия обозначаются одним словом – *зуда*.

Не обошли вниманием в русской, немецкой и чеченской культурах и такой психологический аспект как мышление. «В русском обыденном сознании женский интеллект служит своего рода образцом ума неразвитого, необъемного. На этом фоне явно просматривается культурно-национальная трактовка всех выражений: «женский ум – ум инфантильный» [7, с. 267-268]. Обозначение интеллектуальных особенностей женщины характеризуется ироничным отношением. Женский ум противопоставляется мужскому как недостаточно развитый: «Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца», «Die Weiber haben einen Witz mehr als die Gänse: wenn es regnet, so gehen sie ins Trockne» / Бабы имеют шутка больше, чем гуси: когда идет дождь, они идут в сухую, «Зудчун хьекьал, пхьидан ц1огганал бен дац» / У женщины столько ума, сколько хвоста у лягушки, «Зудчун хьекьал, ч1аба сана деха ду» / Ум женщины измеряется длиной ее косы.

В трех рассматриваемых культурах основной ячейкой общества издавна считалась семья. Это одна из наиболее интересных тем русских, немецких и чеченских пословиц и поговорок. Создание семьи является важным шагом в жизни каждого человека и в большинстве своём определяется выбором

партнёра. Для того чтобы брак сложился удачно, в народе составили целый свод фольклорных предупреждений и рекомендаций об избрании второй половинки: «Умную взять – не даст слова сказать», «Худую взять – стыдно в люди показать», «Хорошую взять – много будут люди знать». Девушка в образе невесты предстаёт как безропотное создание, не имеющее право голоса: «Kluge Männer suchen wirtliche Frauen» / Умные мужчины ищут женщин не-далеких, «Nimm ein Weib um das, was sie hat, einen Freund um das, was er tut, und eine Ware um das, was sie gilt» / Бери женщину за то, что у нее есть, друга за то, что он делает, а товар за то, что он значит.

С институтом семьи связан и образ вдовы – социальный феномен человечества. Патриархальная мораль была столь жестока, что не могла и не хотела сохранять за вдовой её человеческие права на общественные блага, личное счастье, порой даже на жизнь. Поэтому не удивительно, что в паремииологии этот феномен рассматривается далеко не с положительной точки зрения: «На вдове жениться, что старые штаны надевать: не вошь, так гнида», «Einer Witwe Andacht währt nicht länger, als bis sie eineraufnestelt» / Вдове гарантирован траур не дольше, чем до того, пока кто-то не развяжет.

В паремиях отражаются традиционные черты семейных отношений, характерные для обыденного русского, немецкого и чеченского менталитетов, поэтому образ жены является самым многоаспектным и разносторонним. В нём сочетается как положительное, так и негативное отношение к женщине. Этот образ связывает два совершенно противоположных мнения о слабом поле. С одной стороны, женщина предстаёт как духовно сильная личность, на фоне которой мужчина слаб и беспомощен: «Мужик без бабы пуще малых деток сирота», «Der Mann ist das Haupt, die Frau sein Hut» / Муж – глава, жена – его шляпа, «Зуда а йог1ур ю, дог а дог1ур ду» / Придет жена, придет и уверенность, – с другой стороны, как униженное и безропотное создание, находящееся в полном подчинении у мужа: «Чем больше жену бьёшь, тем щи вкуснее», «Wenn man Nussbäume und Weiber nicht schwingt, so tragen sie keine Frucht» / Если баб не тряссти как зеленых ореховых рощ, так не носить плоды; «Зуда дик а хиллийт, уйран аравале етта еза» / Чтобы жена была хорошей, утром перед выходом бить надо.

Малочисленную группу с концептом *женщина* составляют пословицы и поговорки с положительной коннотацией. Одним из параметров, позволяющих создать концептуальный образ женщины в картине мира носителей исследуемых языков, является внешность. Красота – это такая черта человеческой натуры, которая ценилась во все времена: «Всего милее, у кого жена всех белее», «Feuer brennt in der Nähe, ein schönes Weib nah und fern» / Красивую женщину видно издали как огонь, горящий в непосредственной близости, «Хаза йо1 тишна коч юьхича а товш хуьлу» / Красивая девушка и в старом платье хороша.

С чувством прекрасного ассоциируется и образ матери. Он связан с понятиями эмоционального тепла, внимания и заботы. Мать защищает и оберегает: «Нет лучшего дружка, чем родная матушка»; «От солнышка – тепло, от матушки – добро», «Wenn's Kind zahnt, soll die Mutter den Unterrock verkaufen, um ihm Wein zu geben» / Когда ребенок болеет, мать продаст все,

чтобы его вылечить, «Догах йилхинчу ненан б1аргех ц1ий деана» / Слезы матери льются как кровь.

Высокая активность феминистского движения обусловила возникновение новых пословиц и поговорок, направленных на повышение статуса женщины и её самоутверждение. Так, образ женщины обретает признаки, ассоциативно связанные с мужественностью. Однако независимость и самодостаточность женщины подчёркивается только в немецких паремиях, например: «Frau ohne Mann ist wie ein Fisch ohne Fahrrad» / Женщина без мужчины – это как рыба без велосипеда, «Х1ума йолуш ю аьлла зуда ялор, маре вахар сана х1ума ду» / Жениться на самостоятельной девушке равносильно тому, что выйти за нее замуж.

Данный образ отсутствует в русском паремиологическом поле. Возможно, это связано с тем, что само понятие самодостаточной женщины появилось в России совсем недавно, и новые тенденции ещё не закрепились в языке [4, с. 93-96].

Таким образом, можно сделать вывод, что в сопоставляемых лингвокультурах большинство образов совпадают. Исключение составляют образ свахи, специфичный только для русской культуры, образы независимой женщины и уродины, уникальные для немецкой культуры. В основном все образы несут отрицательную коннотацию. Положительная коннотация прослеживается только в образах красавицы, уродины, матери, сильной и независимой женщины.

Следовательно, содержание концепта *женщина* в том виде, как оно представлено в паремиологии, имеет неоднородный и противоречивый характер. Это объясняется его зависимостью от культурного опыта русского, немецкого и чеченского народов.

Список литературы

1. Алироев Ю.А. Кувшин мудростей. Чеченские пословицы и поговорки. Издательство «Книга», 1990.
2. Бахаева Л.М. Маскулинность и женственность как отражение национально-культурной специфики в немецких, русских и чеченских пословицах и поговорках // Проблемы преподавания словесности в школах и вузах северо-кавказского федерального округа: Материалы региональной научно-практической конференции. г. Грозный, 7-9 ноября 2014. С.80–86.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1957.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб., пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Мациев А.Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка. Чечено-Ингушское книжное издательство – Грозный, 1973.
6. Русские пословицы и поговорки /сост. А. М. Жигулев. – Устинов: Удмуртия, 1986. 512 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. Graf A. E. Graf – 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter, 1958.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski, Mannheim, 1989.
10. Duden – Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverl, 1992.

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Долженков В.Н.

доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается речевое взаимодействие участников коммуникации, имеющее признаки социального характера. Процесс взаимодействия сам по себе является частью социальной ситуации, где участники речевого общения могут исполнять определенные функции или роли. Подчеркивается необходимость того, чтобы участники общения идентифицировали предстоящую коммуникативную ситуацию, как социально ориентируемую.

Ключевые слова: социальный характер, взаимодействие, социальные признаки, процесс общения, социальная позиция.

В современной прагматически ориентированной лингвистике и психолингвистике речевая коммуникация рассматривается как взаимодействие (интеракция), имеющее **социальный характер**. Для этого есть достаточные психологические основания. «Было бы неверно, – писал Б.Ф. Ломов, – представлять себе процесс общения просто как последовательность перемежающихся актов, выполняемых каждым из его участников поочередно. Общение – это не сложение, не наложение одна на другую параллельно развивающихся индивидуальных деятельностей, а именно взаимодействие субъектов. Поэтому все включенные в него акты (действия или операции) выступают как сопряженные и обладающие специфическими качествами, которые в частности выражаются в том, что общение детерминирует каждого из его участников по-разному» [6, с. 243-244]. Психолог отмечал, что общение как взаимодействие между людьми, в котором проявляется отношение «субъект – субъект(ы)», составляет существенную сторону реальной человеческой жизни. Поэтому оно выступает как важнейшая детерминанта формирования и развития всей системы психических явлений, в том числе и познавательных процессов. Эта детерминанта имеет системное строение, то есть является многомерной, многоуровневой, полифункциональный и весьма динамичной [6, с. 242].

Коммуникативный анализ дискурса позволяет проследить **процесс социальной детерминации** языка в самых его базовых, первичных звеньях, а именно, в коммуникативных актах, где, как отмечает Е.Ф. Тарасов, “объективная система **общественных отношений** реализуется и усваивается субъектом и одновременно субъективное в этой системе объективируется в интеракционное” [8, с. 47-48]. Сходных взглядов придерживаются Т.А. ван Дейк и В. Кинч, считающие, что процесс взаимодействия участников коммуникации сам по себе является **частью социальной ситуации**. Участники речевого общения могут исполнять определенные функции или роли; могут иметь место особые правила, условия или стратегии, контролирующие взаимодействие в такой ситуации [4, с. 160]. Коммуникативная деятельность – это речевая деятельность **в социально-ролевом исполнении** [5, с. 146].

Фактор адресата в речевой коммуникации имеет философский аспект осмысления. При этом подчеркивается не случайный или субъективно-произвольный, а необходимый характер определенности речевой деятельности говорящего со стороны адресата коммуникации. Эта закономерная тенденция связана с непреложной данностью «Другого», о которой один из глубочайших умов XX века писал следующее: «Мы постоянно наталкиваемся на сложную действительность других, а не на простое о них понятие. Наша извечная растерянность перед самодовлеющей тайной другого и упорное нежелание ближнего соответствовать нашим о нем представлениям и составляют его полную независимость, заставляя ощущать как нечто реальное, действительное, неподвластное любым усилиям нашего воображения» [7, с. 139]. «Другой», которым в речевой коммуникации является адресат сообщения, обретает статус наиболее важной области реальности, с которой приходится считаться говорящему. В частности, отмечается [7, с. 54], что «другой» означает того, с кем я могу и должен – уже независимо от моего желания – меняться местами, ибо даже в том случае, когда я предпочел бы, чтобы его вообще не существовало, я для него все равно существую. Это и заставляет меня как-то считаться с «другим», с его намерениями, даже если они носят враждебный характер. Вот это «считаться с кем-то», иначе говоря, взаимность, и выступает первым фактором, позволяющим квалифицировать подобные отношения **как социальные**. И далее: взаимный характер действия – взаимодействие – возможен лишь потому, что «другой» подобен мне, то есть в некотором смысле у него есть свое «Я», играющее в нем ту же роль, что и мое «Я» во мне. Иными словами, он живет своей жизнью: думает, чувствует, любит, преследует свои цели, блюдет свои интересы и т. д. точно так же, как и я. Но, разумеется, я обнаруживаю все это благодаря жестам и движениям «другого»: только в них я вычитываю, что он мне взаимен. Следовательно, «другой», или Человек, изначально предстает мне как взаимодействующее со мной лицо, – и только. Остальное – вторично по сравнению с данным признаком и выявляется лишь в следующую очередь. Важно, что быть «другим» – не случайность, не казус, которые могут произойти с человеком или нет; это его изначальные качества. Реальность, представленная словом «человек», явлена мне лишь тогда, когда другое существо мне отвечает, со мной взаимодействует. Об этом хорошо сказал Э. Гуссерль: «Смысл термина «человек» предполагает взаимное существование одного для другого, то есть общность людей, сообщество». И наоборот, добавляет философ: «точно так же понятно, что люди могут быть восприняты только когда вокруг (реально или потенциально) находятся другие» [3, с. 86]. Человек никогда не является в одиночестве (хотя одиночество – его последняя истина), а **только в обществе**, как «Другой», как соответствующий кому-то еще.

Отмечая влияние образа другого человека на речевое поведение говорящего, Ш. Балли писал, что то, что чуждо личности говорящего, инстинктивно рисуется ему как препятствия, которые нужно преодолеть, чтобы его «я» предстало перед собеседником во всем блеске и своеобразии. Однако может случиться также, что в сознании говорящего возникнет представление

о каком-то другом лице или других лицах с присущими ему или им **социальными признаками**, и это оказывает на характер речи совершенно особое влияние [1, с. 331].

Подчеркивание двусторонности речевого общения и его инструментального характера свойственно сторонникам школы символического интеракционизма в социолингвистике. В частности, один из видных сторонников данной школы А. Бриттен писал, что «язык является средством регуляции человеческого взаимодействия. Люди используют язык как средство, дабы произвести впечатление, обмануть, принудить, обнаружить истину, выработать новый смысл деятельности. Он представляет собой как средство взаимодействия, так и механизм конфликта» [9, р. 102].

Перед вступлением в коммуникативное взаимодействие участники общения должны идентифицировать предстоящую коммуникативную ситуацию, как социально ориентируемую и самоидентифицироваться в ней, т.е. уяснить свою роль, **социальную позицию**, цели, ожидания партнера по коммуникации, его психологическое состояние, возможные установки в общении [2, с. 82].

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика [Текст], М.: УРСС, 2001. – 365 с.
2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика [Текст], М.: Ком Книга, 2005. – 320 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления [Текст], Пер. с нем. Д.В. Складнева – СПб: Наука, 1998. – 105 с.
4. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике [Текст] – Выпуск XXIII. – Когнитивные аспекты языка / Сост., ред. и вступ. статья В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С.153-211.
5. Долженков В.Н. Коммуникативная среда и ее деятельностная природа [Текст] – Казанская наука, 2013, № 10. – С. 144-146.
6. Ломов Б.Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Ломов Б.Ф. Системность в психологии. – Избранные психологические труды [Текст] Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко / Вступ. статья В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной и В.А. Пономаренко. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 220-245.
7. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания [Текст] – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 269 с.
8. Тарасов Е.Ф. Проблемы анализа речевого общения // Общение [Текст] Высказывание. – М.: Наука, 1989. – С. 7-49.
9. Brittan A. Meanings and Situations. – London, 1973. – 178 p.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЁМАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Есина Е.А.

аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород

В статье анализируются основные приёмы трансформации прецедентных феноменов и фразеологических единиц в медиатексте «Шоу “Уральские пельмени”». Подобные

явления характеризуются повышенной экспрессивностью и имеют прагматическую установку на привлечение внимания реципиента. Автор делает вывод о том, что проанализированные авторские языковые аномалии являются не только изобразительным приёмом, но своеобразным экспериментом для выявления скрытых потенций русского языка.

Ключевые слова: медиатекст, языковые аномалии, прецедентный феномен, фразеологическая единица.

Стремление к проявлению авторской лингвокреативности в медиатекстах соответствует запросам современности. Медиатекст, как «дискретная единица медиадискурса» [7, с. 376], обладает следующими признаками: «медийность <...>, массовость <...>, интегративность, или поликодовость, текста <...>, открытость текста» [Казак]. Многочисленные лингвистические исследования, посвященные анализу языка медиадискурса, фиксируют повышение экспрессии, установку на прецедентность, пародийность. Так, в последние десятилетия лингвистами отмечена «карнавализация» языка, т.е. образование новых устойчивых сочетаний слов и активная «реанимация» старых [2, с. 3], в результате которой возникла проблема изучения индивидуально-авторского употребления и трансформация прецедентных феноменов/фразеологических единиц медиатекстах.

В современной научной литературе существует несколько подходов к рассмотрению данного явления. Так, Т.А. Гридина рассматривает его с позиции «лингвокреативного мышления» такого типа словесного мышления, «при котором, используя различные ассоциативные связи, человек довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связи между формой и содержанием. Обычное, стандартное использование языка индивидом предполагает общепринятый для коллектива код, перевод с собственного языка на язык общепринятой семантики. Лингвокреативное мышление с неизбежностью порождает возможность творческого отхода от стандартных способов выражения самосознания языковой личности» [4, с. 10]. Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, Е.А. Земская, Т.Б. Радбиль оперируют понятиями языковой нормы – аномалии – антинормы, где «языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму» [6, с. 9]. Т.Б. Радбиль в монографии «Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие» рассматривает три типа языковых аномалий: аномалии языковой концептуализации мира, аномалии языка, аномалии текста. Ю.Д. Апресян в статье «Языковые аномалии: типы и функции» [1, с. 54] среди языковых аномалий выделяет намеренные авторские и экспериментальные. Автор отмечает, что авторские аномалии используются как выразительное средство, экспериментальные же аномалии создаются намеренно с целью получения нового знания о языке.

В данной работе мы рассматриваем трансформацию прецедентных феноменов/фразеологических единиц как одно из проявлений аномальных явлений. Языковым материалом исследования являются названия выпусков

«Шоу «Уральских пельменей», а также письменные расшифровки звучащей речи участников телепередачи с 2009 -2015 гг.

Так, мы выделили следующие приёмы трансформации прецедентных феноменов и фразеологических единиц в медиатексте «Шоу “Уральские пельмени”»:

1. Вставка конкретизирующего компонента, например, образование аномалии *«По уши в ЕГЭ»* (№ 6(8) от 15 мая 2010). В данном случае конкретизация денотативного содержания фразеологической единицы *по уши* ‘в чём (во что); весь, целиком; снизу доверху’ компонентом ЕГЭ, не только намечает тему выпуска, но и имеет субъективно-эмоциональную оценку, поэтому, несомненно, вызывает интерес у реципиента. Следует отметить, что в данном случае структура фразеологизма не была нарушена, а вставочный компонент является лишь конкретизатором его основного значения.

2. Контаминация (совмещение) в одном высказывании двух устойчивых оборотов (иногда с трансформацией их структуры) является сложной операцией. Мы отметили один случай трансформации: *Семь богатырей и храпящая красавица* (№ 7 (28) «Очень страшное смешно!») Так, прототипами аномалии являются два прецедентных текста – названия сказок, имеющих единый метасюжет о спящей или похищенной красавице – «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина и «Спящая красавица» в редакции, например, Ш. Перро. Субституция синонимичного компонента прототипа «Спящая красавица» повышает эмоционально-оценочную окраску аномалии, создаёт комический эффект (храпеть ‘крепко спать (обычно издавая храп)’).

3. Обыгрывание структурно-семантической модели фразеологической единицы/прецедентного феномена, в результате которого реципиент восстанавливает в памяти компоненты оригинального прецедентного текста/фразеологической единицы, его/её содержание, например, «На Гоа бобра не ищут» (№ 11,12 (47,48) от 4 и 7 октября 2013): от добра добра не ищут; «От томата до заката» (№ 8 (19) от 23 октября 2011): «От заката до рассвета», «Не вешать хвост, ветеринары» (№ 6 (27) от 18 мая 2012): «Не вешать нос, гардемарины!»; «Женское — щас я!» (№ 3,4 (39,40) от 8 марта 2013): женское счастье; «Адам в хорошие руки» (№ 1,2 (55,56) от 7 марта 2014): отдам в хорошие руки; «Пель и Мень сМешат на помощь» (№ 5,6 (59,60) от 18 апреля 2014): «Чип и Дейл спешат на помощь»; «О спорт, нам лень!» (№ 9(77) от декабря 2015): «О спорт, ты – мир!». В целом, данный приём рассчитан на то, что реципиент обладает достаточными компетенциями, чтобы расшифровать прототип, так как зачастую от него остается только ритмико-синтаксическая организация.

4. Субституция из компонентов прецедентного феномена/фразеологической единицы. Замечено, при данной операции, «корреляты могут находиться в синонимических, антонимических, паронимических, несистемных отношениях» [5, с. 138].

Так, целью синонимической субституции является адаптация к конкретной ситуации, повышение эмоционально-оценочной окраски общеиз-

вестного высказывания, пример синонимической субституции рассмотрен нами выше (см. аномалию «Семь богатырей и храпящая красавица»).

Эффект антонимической субституции заключается в антиномичности созданного автором образа, придающему высказыванию иронический смысл. Например, антонимический эквивалент прецедентного феномена – названия картины А. Саврасова «Грачи прилетели» – название выпуска «Грачи пролетели» (№3, 4 (57, 58) от 14 марта 2014). Замена компонента прототипа прилетели ‘прибыть куда-нибудь, появиться где-нибудь’ на антонимичный пролетели ‘совершить путь мимо кого-, чего-л., куда-л. или где-л.’ радикально переводит семантику прототипа в другой план.

В современном языке активно функционируют два типа операции замещения, основанной на звуковом подобии субститута: а) замена на созвучный контекстно обусловленный компонент и б) замещение окказиональным компонентом.

В научной литературе замечено, что «паронимические замены обусловливают ассоциативный параллелизм восприятия фоносемантов, когда «замещающая» лексема вводится во фразеологизированный контекст употребления «замещаемой» лексемы [5, с. 142]. Например, задачей автора выпуска «Тень знаний» (№ 10, 11 (31, 32) от 12 октября 2012) является не только упоминание государственного праздника РФ, но и апелляция к определённым когнитивно-оценочным признакам субститута (тень в переносном значении ‘слабый след или слабое подобие чего-л., намек на что-л.’), который характеризует незамещённый компонент. Таким образом, возможна такая интерпретация значения аномалии тень знаний ‘слабый след знаний’, ‘подобие знаний’, ‘намёк на знания’. С помощью операционального принципа замены компонента образуются следующие аномалии: «Падал прошлогодний смех» (№ 1 (3) от 3 января 2010); «Как я провёл это» (№ 8 (10) 9 октября 2010; «Из грязи в стразы» (№ 3 (14) 5 февраля 2011; «День смешного Валентина» (№ 4 (15) от 12 февраля 2011; «Пинг-Понг жив» (№ 9 (20) от 30 октября 2011); «Год в сапогах» (№ 3 (24) 19 февраля 2012); «Очень страшное смешно!» (№ 7 (28) от 25 мая 2012); «Назад в будущую» (№ 12,13 (33,34) от 7 декабря 2012); «Снега и зрелищ» (№ 14,15 (35,36) от 31 декабря 2012); «Люди в белых зарплатах» (№ 13,14 (49,50) от 18 октября 2013 и 1 ноября 2013); «Ёлочка, беги!» (№ 17,18 (53,54) от 31 декабря 2013); «В вуз не дуем» (№ 9,10 (63,64) от 23 мая 2014 «Журчат рубли» (№ 4 (72) от 11 мая 2015); «Всё лето в шляпе!» (№ 8 (76) от 22 ноября 2015).

Т.А. Гридина отмечает, что «экспрессивизация и преимущественная отрицательная оценочная квалификация обозначаемого достигается путем паронимастической подмены» [4, с. 107]: «В гостях у скалки» (№ 4 (6) от 28 марта 2010); «Отцы и эти» (№ 7 (18) от 21 мая 2011); «Красота спасёт мымр» (№ 4 (25) от 8 марта 2012); «Бухали два товарища» (№ 7 (28) от 25 мая 2012); «Дарёк на двоих» (№ 7 (28) от 25 мая 2012); «Утомлённая внуком» (№ 7 (28) от 25 мая 2012); «Вялые паруса» (№ 8,9 (29,30) от 28 сентября 2012); «Музыка нас слизала» (№ 13 (67) от 26 декабря 2014); «Когда носы в 12 бьют» (№ 14 (68) от 31 декабря 2014).

Обыгрывание фразеологизма или прецедентного феномена также может осуществляться за счёт окказиональной субституции: «*Волшебники страны Ой*» (№12 (66) от 19 декабря 2014), «*Восстание Мущин*» (№1 (69) от 27 февраля 2015), «*В поисках Асфальтиды*» (№7 (75) от 15 ноября 2015); «*50 друзей СОКОЛОушена*» (№ 5 (73) от 22 мая 2015).

В.Н Вакуров отмечает, что субституция компонентов «преследует несколько стилистических целей: приспособить фразеологическую к конкретной ситуации, оживить и видоизменить фразеологический образ, создать комический эффект, выразить свое отношение к изображаемому» [3, с. 27]. В целом, субституция компонентов является активным и продуктивным приёмом трансформации прецедентных феноменов и фразеологических единиц в языке современных медиатекстов.

Анализ приёмов трансформации прецедентных феноменов/фразеологических единиц показал, что авторские аномалии осуществляются с различной степенью сложности, и характеризуется интенциональностью, креативностью мышления как перцепиента, так и реципиента. Нам представляется, что авторы телепередачи «Шоу «Уральских пельменей», используют (сознательно или бессознательно) эти и авторские языковые аномалии, не только как изобразительный приём, но и как своеобразный эксперимент для выявления скрытых потенций русского языка.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica. М.; Л.: Наука, 1990, С.50-71.
2. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Логоепистемическая составляющая современного языкового вкуса // Филологические науки. 2008. №2. С.3-11.
3. Вакуров В.Н. О языковом мастерстве фельетонистов «Правды» (на материале фразеологии) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1980. С. 27-31.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Урал. гос. пед.ун-т. – Екатеринбург, 1996. 214 с.
5. Куклина И.Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 251 с.
6. Радби́ль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
7. Стеценко Н.М. О соотношении понятий текст – медиатекст – медиадискурс // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 24 (63). 2011 г. № 4. Часть 2. С.372-378.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО

Жигалина Е.В.

студентка 4 курса факультета психолого-педагогического и специального образования, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются жанровые особенности произведений Л. Н. Толстого для детей (былей, басен, сказок), анализируется содержание соответствующих литературоведческих понятий, их интерпретация в научной и учебно-методической литературе.

Ключевые слова: жанр, жанровая специфика, литературное чтение, литературоведческая пропедевтика.

Проблема литературоведческой пропедевтики стала одной из самых актуальных проблем методики начального литературного образования в связи с необходимостью реализации требований ФГОС НОО. Она поднимается в ряде статей Л. И. Черемисиновой и О. В. Астафьевой [2, 13, 14, 15], где указывается, что современные образовательные программы содержат специальные разделы «Литературоведческая пропедевтика», в которых перечислен «распределенный по классам обязательный минимум литературоведческих понятий, необходимых для практического освоения в начальной школе. Объем этих понятий, – отмечает Л. И. Черемисинова, – впечатляет: кажется, выпускник средней школы не столь обременен знаниями, как выпускник начального звена» [14, с. 339].

Литературоведение для младших школьников недостаточно разработано, не произведена адаптация научных знаний о литературе для усвоения начинающим читателем. Методический опыт в этой области, как показано в статье Л. И. Черемисиновой и Е. В. Жигалиной «Формирование жанровых представлений младших школьников в процессе изучения творчества Л.Н. Толстого», постепенно накапливается и реализуется в современных учебниках и системах обучения [16, с. 132-138].

Одной из важнейших задач современного начального литературного образования является проблема изучения художественного произведения с учетом своеобразия его рода и жанра. Совершенствование методики анализа произведений в их родовой и жанровой специфике предполагает развитие способности наслаждаться искусством, воспринимать произведение в его художественной целостности и неповторимости [4]. На практике часто наблюдается игнорирование родо-видо-жанровой специфики словесного искусства [11, с. 3], замена анализа *«беседой по поводу»* содержания литературного текста.

Произведения Л. Н. Толстого широко представлены в современных учебниках по литературному чтению. Они относятся к разным жанрам: басням, былям, рассказам, сказкам. Рассмотрим специфику этих жанров, обратим внимание на то, как интерпретируется их содержание в различной учебно-методической литературе.

Басня. Литературный энциклопедический словарь дает такое определение данному жанру: «Басня – жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл» [7, http://www.rubricon.com/led_1.asp]. Как видим, здесь выделяются следующие жанрообразующие признаки басни: двухчастная композиция (рассказ и мораль), наличие нравоучения и аллегории. Аналогичную трактовку термина находим в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой: «Басня – краткое иносказательное нравоучительное стихотворение, рассказ» [8, с. 37]. Однако в данном определении не указана композиционная особенность жанра.

В словаре литературоведческих терминов Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева говорится: «Басня – краткий рассказ, более всего в стихах, главным обра-

зом сатирического характера» [11]. Налицо сужение жанрового определения и некоторое размывание его границ. Наиболее удачным, соответствующим жанровой природе басен, представляется определение в «Литературном энциклопедическом словаре».

Басни Л.Н. Толстого имеют свою специфику. Они относятся к прозаическому типу басен, в котором доминирующее положение занимает иносказание, мораль. Даже если эти басни не содержат морали как структурной части, нравоучение вытекает из содержания рассказа [8], и это обуславливает однозначность трактовки толстовских произведений.

Толстой считал, что в произведениях для детей не должно быть абстрактной дидактики. Моральное воздействие оказывается на юных читателей не нравоучительными сентенциями, а тем, что басни или рассказы бичуют дурное и ярко показывают хорошее. Толстой обращал внимание на то, что «дети любят мораль, но только умную, а не глупую» [1, с. 241].

По словам писателя, его басни взяты из трех источников: «1) Эзопа переведены буквально, 2) с индийского из 2-х французских переводов – переделаны *defondencomble*и 3) мои – при которых не обозначено откуда» [12, с. 556]. Наряду с прямыми переводами Толстой создавал вольные рассказы и переложения. К своим переводам для детей он предъявлял самые высокие художественные и моральные требования. Басни, созданные великим писателем для детей, несут в себе глубокий смысл, обращают ребенка к постижению основного нравственного правила: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой [1, с. 240].

В настоящее время существует много подходов к изучению басен Толстого в школе. Наиболее продуктивным нам представляется методика анализа, разработанная М. П. Воюшиной (образовательная система «Диалог»). Знакомство с миром литературы начинается у первоклассников именно с изучения басен Толстого. На первом уроке дети изучают два произведения писателя: «Муравей и голубка», «Осел и лошадь». Одной из задач урока является создание условий для того, чтобы учащиеся получили представление о прозаической басне. Во время урока дети анализируют каждый из названных текстов в отдельности, потом сравнивают их, а в конце урока дают такое определение басни: «Басня – это маленький поучительный рассказ, созданный писателем и имеющий переносный смысл, или иносказание» [3, с. 80]. Так у детей формируется первоначальное представление об образном языке словесного искусства и о специфике басенного жанра.

Быль. Особое место в творчестве Толстого занимает жанр были. Название этого жанра отсылает к фольклорной традиции. В литературном энциклопедическом словаре можно найти следующее определение: «Быль – в русском народном творчестве короткий устный, так называемый суеверный, рассказ о каком-либо случае, якобы имевшем место в действительности» [7, http://www.rubricon.com/led_1.asp]. Были (былички, бывальщины) рассказывают о встречах человека со сверхъестественными существами (лешими, Русалками, Домовыми, Мертвецами, оборотнями, водяными и пр.) [7, http://www.rubricon.com/led_1.asp].

Толстовская быль не повествует о персонажах «низшей мифологии» и имеет совсем другую природу. Он использует название жанра в прямом значении: быль – это то, что было на самом деле; это рассказ о реальных жизненных событиях. Толкование специфики толстовских былей отражает определение были в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «1) то, что было в прошлом; 2) то, что было в действительности, действительное происшествие, в отличие от небылицы» [8, с. 65].

Былями Толстой называет и многие короткие рассказы о животных. Он создает их на основе личных наблюдений. Эти рассказы как бы выхвачены из действительности. Однако писатель в них не фотографировал, а художественно воспроизводил облики животных [12, с. 233].

Проводя анализ были на уроке литературного чтения, можно опираться на методику работы с рассказом, т.к. быль и рассказ Толстого очень трудно отличить друг от друга.

Сказка. Сказки Толстого изучаются на уроках литературного чтения в меньшем количестве, чем басни и были. «Сказка – вид устных повествований с фантастическим вымыслом, формы которого исторически складывались в первоначальной связи с мифологией и в художественно-преображенном виде сделались неотделимым свойством этой фольклорной прозы» [11].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой дается такое определение сказки: «Сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [8, с. 721].

Оба определения трудны для усвоения младшими школьниками. Из них целесообразно отобрать такие свойства сказочного жанра, которые будут отражать его специфику и вместе с тем доступны школьникам по возрасту. Учителю необходимо сделать более простое *«рабочее определение»* жанра. В качестве него можно предложить следующее определение Журовой Л. Е.: «Сказка – древнейший жанр повествовательной литературы преимущественно фантастического характера, имеющий целью нравоучение или развлечение» [6, Данное определение в большей степени отражает специфику сказок Толстого. В нем выделены главные черты сказки: это древний жанр устного народного творчества, характерной особенностью которого является вымысел, а обязательным элементом – фантастичность; подчеркнута важность нравоучения для поэтики толстовской прозы.

Сказки Л. Н. Толстого разнообразны: сказки о животных («Волк и мужик»), социально-бытовые («Праведный судья»), сказки географического характера («Шат и Дон»), волшебные сказки. Наиболее близкими к традиции русской фольклорной сказки являются сказки на социально-бытовые темы. В центре сюжета – одно событие (эпизод), действие развивается быстро, отсутствуют повторы эпизодов, конструктивным элементом сказки является диалог. Социально-бытовые сказки Толстого комичны и завершаются торжеством справедливости [1, с. 212].

В сказках Толстой старается внушить детям те понятия, которые будут важны и во взрослой жизни: добро не только лучше, но и «выгоднее» зла; к

другому нужно относиться так же хорошо, как ты хочешь, чтобы относились к тебе; если поможешь кому-то в беде, то это воздастся сторицей [1, с. 212]. Таким образом, сказки Толстого, так же, как и его басни, являются поучительными.

Подведем итоги. При изучении произведений Л. Н. Толстого на уроках литературного чтения необходимо учитывать специфику толстовской прозы и поэтику тех жанров литературного творчества, в рамках которых творил писатель. Формирование жанровых представлений на этих уроках происходит в процессе анализа художественных произведений. Жанровые определения должны быть доступны для восприятия младших школьников и в то же время научны, в них должны отражаться специфические свойства того или иного жанра.

Список литературы

1. Арзамасцева И.Н. Детская литература М.: Издательский центр «Академия», 2005. 578 с.
2. Астафьева, О. В. «Литературное чтение»: взгляд на учебник филолога и родителя (о литературоведческих знаниях в системе преподавания литературы в начальной школе // Языковое и литературное образование в современном обществе 2013: Сб. науч. статей по итогам Международной научно-практической юбилейной конференции, 12–14 декабря 2013 г. СПб.: Изд-во ВВМ. 2014. С. 300-309.
3. Богданова, О.Ю. Методика преподавания литературы. М.: Академ А, 1999. 307 с. URL: http://pedlib.ru/Books/2/0497/2_0497-1.shtml (дата обращения 11.11.2015)
4. Воюшина, М.П. Литературное чтение. 1 класс. Методическое пособие. Дрофа, 2014. 256 с.
5. Воюшина, М.П. Методика обучения литературе в нач. школе. М.: Изд. цент «Академия», 2010. 288 с.
6. Журова, Л. Е. Беседа с учителем: 3 класс четырехлетней начальной школы М.: Вентана-Граф, 2009. 384 с. URL: <http://www.uchportal.ru/publ/23-1-0-1948> (дата обращения 29.10.2015)
7. Литературный энциклопедический словарь. Под ред. П.А. Николаева, В.М. Кожевникова. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. 752 с. URL: http://www.rubricon.com/led_1.asp
8. Ожегов, С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП». 2010. 944 с.
9. Сидорова, М. В. «Азбука» Л. Н. Толстого и басни Эзопа. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/azbuka-l-n-tolstogo-i-basni-ezopa/> (дата обращения 29.11.2015)
10. Стремек, И.М. «Литературное чтение» в начальных классах: особенности изучения учебного предмета // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа. 2008. №4. С. 3-7.
11. Тимофеев, Л.И., Тураев, С. В. Краткий словарь литературоведческих терминов. Книга для учащихся: М.: «Просвещение». 1985. URL: <http://razym.ru/spravochniki/slovar/154954-timofeev-li-turaev-sv-red-sost-kratkiy-slovar-literaturovedcheskih-terminov.html> (дата обращения 20.11.2015)
12. Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 21. Новая азбука и русские книги для чтения (1874-1875). М.: РГБ, 2006. 731 с.
13. Черемисинова, Л. И. Изучение литературоведческих понятий в начальной школе // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2014: Сб. научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (13-14 ноября 2014 г.). СПб.: Изд-во ВВМ, 2014. С. 180-188.
14. Черемисинова, Л. И. Литературоведческая пропедевтика в начальной школе: основные проблемы // Современное общество: человек, власть, экономика Материалы III

Международной научной конференции (4 апреля 2014, г. Саратов). Разделы 10-15: Сб. науч. статей. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 338-345.

15. Черемисинова, Л. И. Стиховедческий анализ текста: к проблеме формирования читательской компетентности младших школьников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Вып. 4 (12). С. 432-439.

16. Черемисинова, Л. И., Жигалина, Е. В. Формирование жанровых представлений младших школьников в процессе изучения творчества Л.Н. Толстого // Современные тенденции развития науки и технологий 2015. № 2-4. С. 132-138.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ВИД ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА

Землякова Н.В.

канд. филол. наук,

ФГБОУВО «РГУП», Северо-Кавказский филиал, Россия, г. Краснодар

В статье метафорическая номинация рассматривается как основной вид образной характеристики человека. Уподобление, сближение двух понятий, образность – все это говорит не о мысленном приравнении одного предмета к другому, а лишь о том, что в языке лексически закрепилось наименование одной вещи применительно к другой. Изучение системности метафорических переносов позволяет проникнуть в структуру мышления и понять, каким образом мы представляем себе окружающий мир и свое место в нем.

Ключевые слова: ассоциативный признак, интеракционистская метафора, картина мира, категория метафоричности, концептуальная метафора, метафорическая номинация, семантический посредник метафоры.

Языковая картина мира во многом базируется на метафоре, как известно. Несмотря на то, что изучение метафоры восходит к античности (ее исследовали Аристотель, Квинтилиан и др.), в современной лингвистике интерес к метафоре не ослабевает, что связано с новыми подходами когнитивной семантики к познанию картины мира и структуре отражения в языке окружающей действительности.

Познание достигается с помощью метафоры, и метафорические средства языка не только отражают и эксплицируют метафорическое восприятие действительности, но и во многом формируют его, поскольку означаящим или вспомогательным субъектом метафоры становятся явления, уже концептуализированные и отраженные в значениях слов. Поэтому изучение системности метафорических переносов в рамках различных сфер опыта позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, каким образом мы представляем себе окружающий мир и свое место в нем. Подобные идеи формулировались и обосновывались в теории концептуальной метафоры, что именно метафора создает, а не выражает сходство. Развивается так называемая «интеракционистская» точка зрения на метафору, которая отходит от классической аристотелевской схемы подмены слов. Акцент делается на семантическое взаимодействие внутри метафоры неродственных ранее концептов, что

влияет на значения каждого из них. Таким образом, метафора становится особым средством обогащения опыта человека, теория связывает метафору с общепринятыми ассоциациями, имеющимися в сознании говорящего, или нестандартными импликациями, устанавливаемыми автором [4, с.24-164].

Интеракционистская метафора основана на отношении предметно-логического значения и значения контекстуального [9, с. 139], она содержит скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго. [2]

«Метафора – троп или механизм речи, состоящий из употребления слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин *метафора* применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [3, с. 296].

Переосмысление языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции наименования, зависит от предшествующих, опосредующих значений, призванных дать новому явлению наименование, и от других синтагматически связанных с ним единиц.

Итак, в современной лингвистике метафора получает прежде всего функциональную характеристику и рассматривается как автономная или неавтономная косвенная номинация, которая может быть выражена словом или словосочетанием со связанным значением.

Метафорические номинации представляют собой семантическую универсалию, и на этом основании возможно говорить о существовании категории метафоричности в языке. Категория метафоричности отражает одно из всеобщих существенных свойств и отношений явлений действительности и ее познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними и их отражением в познавательной абстрактной аналитико-синтетической деятельности человека [10].

Метафорические значения подвергаются акту первичной категоризации, а к языковым категориям относится «любая группа из элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; это параметр, признак, по которому обширная совокупность однородных языковых единиц разбивается на ограниченное количество непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного параметра/признака» [5, с. 215–216].

При выделении универсальной категории метафоричности возникает необходимость соотнесения ее с такими понятиями, как «категориальное множество», «категориальное значение», «категориальные признаки», «категориальный принцип системно-языковой организации и категориальные функциональные характеристики» [6]. *Категориальное множество*, которое выражает категорию метафоричности, – это неавтономные косвенные номинации, отражающиеся в лексикографической практике как лексико-семантические варианты значения слова (ЛСВ) с пометой «перен.». *Катего-*

риальным значением является значение сравнения, подразумевающее изменение денотативной соотнесенности слова. Оно возникает в результате перегруппировки семантических признаков в объеме актуального значения слова таким образом, что доминирующими становятся некоторые второстепенные семантические признаки. *Категориальными признаками* выступают признак одновременного соотнесения двух денотатов, признак переноса с одного денотата на другой, признак ассоциативного сходства, аналогии, противопоставления или отрицания между первым и вторым денотатами, признак косвенности и вторичности значения [6].

Обобщим характерные черты категории метафоричности:

1) метафора проявляется как способность номинативной единицы (лексемы или словосочетания) иметь переносное значение; 2) в высказывании у лексемы способность иметь переносное значение реализуется в определенном контексте – в позиции предиката; у номинативного словосочетания – в составе определенной синтаксической конструкции – генитивной, атрибутивной, предикативной, т.е. значение устойчивой образной номинации человека является синтаксически обусловленным; 3) устойчивость (регулярность, узуальность) метафоры, способствующая метафорической деривации на основе связанного значения ЛСВ определенного слова, в том числе – серии метафорических переносов, образованию метафорических полей.

Поскольку метафорическая номинация представляет собой реализацию категории метафоричности, отражающей в сознании мыслительные, языковые и культурные процессы, существенные свойства и отношения явлений действительности путем нахождения между ними ассоциативных связей, постольку целесообразно специально рассмотреть метафорическую (узуальную) составляющую национальной языковой картины мира, отражающую творческий потенциал носителей данного языка, а возможно, и самого языка [6].

Пока нерешенной остается задача выявления структурно-семантической упорядоченности номинативных единиц, реализующих категорию метафоричности, и ее последующего сравнения со структурно-семантической упорядоченностью единиц первичной номинации. Это позволит изучить универсальные свойства и национальные особенности мыслительной деятельности человека, вскрыть механизм образования узуальных и возникновения окказиональных метафор; выявить семантические сферы реализации категории метафоричности, а значит – углубить научные представления о сущности метафорической номинации с позиций ономаσιологического подхода.

Мыслители древности порой именовали метафору скрытым сравнением. Рассмотрение метафоры с точки зрения лежащего в ее основе сравнения, аналогии восходит к Аристотелю: «Сравнение есть также метафора, так как между ним и метафорой существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт говорит об Ахилле: *«он ринулся как лев»*, это есть сравнение. Когда же он говорит: *«лев ринулся»* – это есть метафора: так как оба – Ахилл и лев – обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла *львом*. Очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время

сравнениями, а сравнения, наоборот, будут метафорами, раз отсутствует слово сравнения («как») [1].

Итак, метафора рассматривается как сокращенное сравнение: т.е. это сравнение, из которого исключены предикаты подобия (*похож, напоминает* и др.) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно, точно, ровно* и др.). Вместе с ними устраняются основания сравнения, его мотивировка, обстоятельства времени и места, а также другие модификаторы. Метафора лаконична; она сокращает речь, в то время как сравнение ее распространяет. Формальному различию соответствует различие в значении. Сравнение привлекает внимание к любому – постоянному или преходящему – сходству (или его отсутствию): *Вчера в лесу он вел себя, как заяц*; метафора выявляет постоянное, глубинное подобие: *Он – заяц*; при неправильности: *Вчера в лесу он был заяц*. Обозначая сущность предмета, метафора несовместима с субъективными установками: *Мне кажется (я думаю), что он – заяц*.

Метафорическая номинация отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов.

Сравнение чего-то с чем-то в метафоре происходит при включении в механизм человеческого восприятия чувства сходства. Опосредующее звено, в роли которого выступает предшествующее «структурно-семантическое значение» языковой единицы, снимается с новой предметно-понятийной связи не полностью. Необходимая, существенная часть информации для вновь отображаемого объекта переносится в новое формирующееся понятийно-языковое содержание языковой единицы. Снятые же признаки не исчезают, они остаются у данных единиц в потенции и функционируют каждый раз в зависимости от контекста. Часть информации, переходящая в новый сигнификат переосмысливаемого слова, вносит элемент сходства метафорического и общепотребительного значений одного слова [13, 74-86].

Ассоциация между исходным и метафорическим значениями лексемы представляет собой признак, задающий область сходства субъекта и объекта метафорической номинации, иными словами, ассоциативный признак, а под областью (сферой) сходства – тематическую группу, в которую входит тот или иной ассоциативный признак. Например, в метафорических номинациях *лиса, Лиса Патрикеевна* реализуется АП «хитрый», который входит в область сходства «характер, поведение».

Семантические признаки, которые в исходном значении метафоризируемого слова относятся к сфере коннотации, в метафорическом значении входят в его денотативное содержание в качестве ядерных, дифференциальных сем и служат основанием смысловых преобразований при метафоризации. Так, потенциальная сема «глупость» для номинативного значения лексемы *осел* в метафорической номинации *осел* «глупый человек» становится ядерной [6].

Признак, который лежит в основе метафоризации, можно логически выделить и обозначить. Он соответствует некоему общему или сходному впечатлению, производимому сопоставляемыми предметами. Полисемия метафорической образной антропохарактеристики выражается в том, что об-

разная номинация может реализовать целый набор семантических признаков, иногда близких, иногда достаточно разнохарактерных:

дуб: крепкий + сильный + здоровый + тупой (о мужчине);

ремень: бесчувственный + чёрствый + волевой + твёрдый (о человеке);

кувалда: грузная + неуклюжая + неповоротливая (о женщине);

петух: задиристый + надменный + самодовольный (о мужчине);

сапожник: пьяный + грубый + неумелый (о мужчине);

тесто: возгордившийся + чванный + мягкий + уступчивый (о человеке) и т.д.

Психологически реальное значение слова может либо вовсе не содержать семы, развивающей метафорическое значение (как в слове *корова*, либо содержать противоречивый набор сем (как в слове *медведь*: сильный, опасный, неуклюжий, проворный, быстро передвигается) [11, с.56]. Вполне понятно, что языковое сознание говорящих исключает из семантической структуры метафорической номинации *медведь* такие признаки, как проворность и способность к быстрому передвижению.

Сумма таких признаков и составляет чувственный компонент или эмпирический компонент значения в котором, кроме денотативного /денотат – предмет или явление окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица/ признака, выделяется чувственно-эмпирический конкретизатор [12, с.73-79]. Именно этот компонент и создает в метафоре обобщенный чувственный образ.

По этому принципу создаются целые разряды метафорической лексики, в частности, все экспрессивные наименования-характеристики человека: *выдра, петух, овца, корова, медведь, каракатица, ехидна змея, лиса, осел, орел, паук, теленок, тюлень, столб, бревно, чурбан, кисель, размазня, тюфяк, кипарис, дуб, веточка, Аполлон, Геракл* и другие. Называя человека подобным именем, мы не имеем в виду какое-либо одно конкретное свойство, а отражаем общее, часто не поддающееся точному определению впечатление, которое только в словаре расчленяется на частные признаки и ассоциации.

Развитие метафоры – это путь постепенной утраты внутренней формы и все большего отвлечения от исходного понятия. Только на стадии сравнения одно понятие непосредственно приравнивается к другому, один предмет воспринимается подобным другому. «Но как только метафора сформировалась и стала фактом языка, она отрывается от конкретного предмета, послужившего источником переноса, и начинает восприниматься как вполне самостоятельное обозначение <...> Уподобление, сближение двух понятий, образность – все это говорит не о мысленном приравнивании одного предмета к другому, а лишь о том, что *в языке лексически закрепилось наименование одной вещи применительно к другой* (курсив автора статьи – Н.З.)». Итак, существует мнение, что «живые» метафорические значения у части существительных получают статус устойчивых, т.е. воспроизводимых, а это определяет возможность создания словаря устойчивых образов в языке, возникших на базе имен существительных.

В отдельных случаях обобщенный чувственный образ в процессе метафоризации расчленяется, создавая дифференцированные метафорические

значения: слово *свинья*, метафорически употребленное применительно к человеку, распадается на ряд самостоятельных метафорических значений: 1) неопрятный, 2) низменный, 3) невежественный, 4) непорядочный, 5) неблагодарный; слово *автомат* – 1) механический, 2) бессознательный, 3) бездумный; *актёр* – 1) красивый, 2) подтянутый, 3) модно одетый, 4) привлекательный, 5) умелый, 6) наигранный, 7) неискренний, 8) неестественный, 9) притворяющийся и т.д.

В семантической структуре номинации *свинья* метафорическое значение основано на прямой ассоциации с нечистоплотностью этого животного (объективное это свойство или приписывается человеком – в данном случае значения не имеет); второе метафорическое значение выводится из первого – здесь уже само качество «нечистоплотность» дает вторичное значение – низменные свойства личности. Следующий перенос совершается так же линейно, вытекая из предыдущего значения на основе более отдаленных, опосредованных ассоциаций (*низменный* – *невежественный*). Наконец, последнее метафорическое значение далеко отходит от остальных, ни логически, ни образно не соотносится с номинативным и формируется на основе абстрагирования уже не конкретных признаков, так или иначе связанных друг с другом или с исходным понятием, а общего эмоционального восприятия (в данном случае отрицательного).

Не только зооморфные, но и предметные характеристики человека не связывают эксплицитно исходное значение и образно характеризующую метафорическую номинацию:

Столб 1. Бревно или брус, установленные вертикально.

2. Перен. О недалеком, тупом или бесчувственном человеке.

Кисель 1. Студенистое кушанье из какой-либо муки или ягодного сока, молока, с добавлением крахмала.

2. Перен. О мягком, вялом, безвольном человеке.

Кряж 1. Короткий кусок толстого бревна, из части дерева, близкой к корню.

2. Перен. О человеке здоровом, коренастом, крепкого сложения.

3. Перен. О человеке неподатливом, упорном или прижимистом.

Шляпа 1. Общее название головного убора с тульей (обычно с полями).

2. Перен. О вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке.

Как видно из примеров, в образно характеризующей метафорической номинации актуализуется потенциальная сема, отражающая некие «коллективизированные ассоциации», весьма далекие от денотативного содержания исходного лексического значения, при этом наблюдается либо устранение родовой архисемы (если метафоризация происходит за пределами исходной семантической семы, например: *столб* – о человеке), либо ее ослабление (при метафоризации в пределах одной семантической сферы).

Такие семантические преобразования последовательно совершаются во всех типах метафорических переносов, и нам не удастся в денотативном содержании исходного лексического значения обнаружить семантический элемент, «общий» для исходного и метафорического значений:

Автомат 1. Аппарат (машина, прибор, устройство), после включения самостоятельно выполняющий ряд заданных операций;

2. Перен. О человеке, действующем механически, бессознательно;

3. Ручное автоматическое скорострельное оружие для стрельбы с большого расстояния.

Бегемот 1. Крупное парнокопытное млекопитающее, живущее в пресноводных бассейнах тропической Африки.

2. Перен. Разг. Об очень громоздком, неуклюжем человеке.

Кубышка 1. Широкий глиняный сосуд.

2. Перен. О толстой, маленького роста женщине.

Леший 1. В славянской мифологии: человекообразное сказочное существо, живущее в лесу, дух леса, враждебный людям.

2. Перен. О заросшем, лохматом, грязном, плохо одетом, потрепанном человеке.

Хамелеон 1. Пресмыкающееся тёплых стран отряда ящериц, меняющее свою окраску при цветовых изменениях в окружающей среде.

2. Перен. Человек, который, приспосабливаясь к обстановке, легко меняет своё поведение, взгляды, симпатии.

Не обнаруживается общий семантический элемент в метафорической номинации *жук* «пронырливый, жуликоватый»; *зяблик* «замёрзший, дрожащий»; *херувим* «миловидный, благостный, кроткий»; *барсук* «одиноким, угрюмый, нелюдимый»; стрекоза «живой, подвижный; легкомысленный, непостоянный»; *корова* «толстый, неуклюжий, неповоротливый»; *пчела* «назойливый, надоедливый» и т.д.

Итак, в результате анализа можно сделать вывод, что признак, актуализованный в метафорической номинации, не может быть определен как общий семантический компонент, объединяющий исходное и метафорическое значение, на том основании, что он является либо периферийной семой (и нерелевантен для исходного значения), либо потенциальной семой (и вовсе не входит в смысловую характеристику исходного значения, репрезентируя разного рода ассоциации). И в том и в другом случае этот признак остается за пределами денотативного содержания лексического значения – в сфере коннотации. Такой признак является *семантическим посредником* метафоры (термин Ж. Вардзелашвили).

Этот термин удобен потому, что связывает субъект и объект метафоры и представляет их в единстве. Ведь признак, который в семантической структуре исходного слова является коннотативным, существует в виде потенциальной семы, в метафорическом слове выдвигается на передний план и становится ведущей, дифференциальной семой. Таким образом, семантический посредник метафоры – это коннотативный признак исходного слова, преобразованный в процессе метафоризации в определяющий признак метафоры.

Семантический посредник метафоры представляет собой эмпирический /исследовательский метод, основанный на описании фактов, без последующих заключений и теоретических обобщений/ компонент значения чувственно воспринимаемый признак или комплекс признаков, отражающих об-

раз предмета; семантический посредник связан с оценочными и эмотивными приращениями и либо не входит в семантическое ядро исходного значения, являясь периферийной семой [12, с.73-79], либо вообще отсутствует в этом значении, представляя собой потенциальную сему [8, с.151-152]. Производное значение, возникшее на основе такого признака, не имеет номинативной значимости, самостоятельного концептуального содержания. Например: притягивать (*магнит*); упрямыться (*осёл*); вертеться (*юла*); уставать/устать (*собака*); увязнуть (*бегемот*); плавать (*топор*); жадничать (*акула*); краснеть (*помидор*); комедиант (*артист*); ворчать (*нёс*); крепкий (*дуб*); тормоз (*нерастопный*); столб (*о бесчувственном человеке*); хитрить (*лиса*); жердь (*о высоком худом человеке*); кротость (*агнец*); работать (*ишак*); мягкий (*воск*); выступать (*нава*); ловкий (*пантера*); нежный (*телёнок*); вымазаться (*чёрт*) ходить (*корова*); холодный (*лягушка*) и т.п.

Семантическая зависимость этих метафорических значений от исходных очевидна: чтобы воспринять метафорическую номинацию, необходимо всякий раз мысленно обращаться к исходному значению. Это и связано с присущей метафоре семантической двуплановостью («удвоение денотата»).

Таким образом, метафорическая номинация, как автономная, так и неавтономная, отличается двумя характерными чертами:

1) наличием осознаваемой современным языковым коллективом семантической двуплановости, позволяющей проводить сравнение различных денотатов;

2) наличием образного элемента значения, обеспечивающего целостное, чувственно-наглядное восприятие сравниваемых сущностей, что дает возможность при их ассоциировании не прибегать каждый раз к логическим операциям.

Семантический реализатор метафорической номинации выполняет функции предмета квалификации, отражая сложную, сдвоенную структуру квалификации в данной метафоре.

Характер связи исходного значения с метафорическим (более или менее непосредственная связь, опосредованная и т.д.) определяет различие семантического устройства ассоциативного признака метафоризации в метафорическом ЛСВ определенных имен существительных.

В создании метафоры участвуют четыре компонента: две категории объектов и свойства каждой из них. Метафора отбирает признаки одного класса объектов и прилагает их к другому классу или индивиду – актуальному субъекту метафоры.

Образ класса и совокупность характерных для него признаков дают ключ к сущности субъекта метафоры. Образная метафора выполняет характеризующую функцию и обычно занимает в предложении позицию предиката. Значение образно характеризующих существительных является несвободным, так как сочетаемость ограничена семантическими и синтаксическими факторами. В.В. Виноградов называет такие значения слов «функционально-синтаксически обусловленными» и говорит, что они «качественно отличаются от всех других типов значения тем, что синтаксические свойства слова как

члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику» [7, с. 187].

Оба основных типа однозначных слов – имена предметов и обозначения признаков – способны к метафоризации значения. Чем более дескриптивным (описательным) и диффузным является значение слова, тем легче оно получает метафорические смыслы.

Существует ряд общих закономерностей метафоризации значения признаков слов: физический признак предмета переносится на человека, способствуя выделению и обозначению психических свойств личности (*тупой, резкий, мягкий, твердый, жесткий, глубокий человек*); признаки и действия человека и животных переносятся на явления природы (принцип антропо-зоо-фито и др. морфизмов: *Буря плачет. Утомленное солнце грустно с морем прощалось*), атрибут предмета преобразуется в атрибут отвлеченного понятия (*глубокое/поверхностное суждение, пустые слова*), признаки природы и натуральных классов объектов переносятся на человека (*ветреная погода и ветреный человек, темная ночь и темная личность*). Процессы метафоризации, таким образом, могут протекать в противоположных направлениях: от человека к природе и от природы к человеку, от неодушевленного к одушевленному и от живого к неживому. Человек собирает и концентрирует вокруг себя предикаты предметов, растений, животных, и т.д., но и сам охотно делится с ними своими предикатами.

В соответствии с описанными выше процессами могут быть выделены следующие основные типы языковой метафоры:

1) образная метафора, являющаяся следствием перехода идентифицирующего (многопризнакового, описательного) значения в предикатное (характеризующее) и служащая развитию синонимических средств языка;

2) номинативная метафора (перенос названия), состоящая в замене одного описательного значения другим и служащая источником омонимии;

3) когнитивная метафора, возникающая в результате сдвига в сочетаемости предикатных (признаковых) слов (прилагательных и глаголов) и создающая полисемию;

4) генерализирующая метафора (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающая в значении слова границы между логическими порядками и создающая предикаты наиболее общего значения.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Л., 1927.
2. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности. // Вестник СПбУ, Сер.2, вып. 4, 1992
3. Арутюнова Н.Д. Метафора. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. С.296.
4. Блэк М. Метафора //Теория метафоры. М., 1990. С. 24-164.
5. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Категории – в: ЭЛС, М., 1998, С. 215 –216.
6. Вардзелашвили Ж. Метафорическая картина мира в русском языке. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Тбилиси 2002.
7. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины //В.В.Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 118-139. 187.

8. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972, с. 151-152.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. Наука, 1981. С. 139.
10. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
11. Першаева В.В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982, с.56.
12. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985, с.73-79.
13. Языковая номинация (Общие вопросы) / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977, с. 74-86.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМОЦИИ «УДИВЛЕНИЯ» СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Зуева Е.А.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филол. наук, доцент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Статья посвящена рассмотрению функционирования эмоций в языке и проблемы их вербального выражения. Проводится анализ способов вербализации когнитивного состояния удивления, относящегося к категории интеллектуальных эмоций, средствами современного немецкого языка.

Ключевые слова: интеллектуальная эмоция, когнитивное состояние, удивление, вербализация.

Эмоции разнообразны по своей природе, содержанию и проявлению. Смена эмоциональных состояний сопровождается изменением всей деятельности человека, что особенно заметно на поведенческом уровне. Отсюда и повышенное внимание ученых различных отраслей науки к невербальному поведению человека в процессе коммуникации как манифестатору эго эмоционального или когнитивного (интеллектуального) состояния. Последние понимаются как особые состояния, возникающие в процессе мыслительной деятельности человека, нашедшие отражение в его невербальном поведении. Когнитивные состояния называют также интеллектуальными эмоциями [3, с.45].

Еще Аристотель рассматривал удивление как основной «побудитель сознания», которое необходимо, чтобы перейти от познания простых вещей к познанию более сложных. Таким образом, эмоция удивления развивается в процессе познания и является первичной интеллектуальной эмоцией [1]. Удивление не имеет противоположной себе эмоции, и, соответственно, может быть отнесено к категории интеллектуальных эмоций.

Т. Рибо, рассматривая развитие интеллектуальных эмоций, выделил три этапа удивления: изумление, удивление и любопытство [4, с.3].

Еще более подробно рассматривал возникновение и развитие эмоции удивления И. А. Васильев. Согласно его исследованиям, удивление проходит

в своем развитии три стадии. На первой стадии появляется недоумение, которое возникает в случае, если вызывающее недоумение событие или явление не согласуется с прошлым опытом. Интенсивность проявления данной эмоции незначительна. Если происходит осознание несовместимости наблюдаемого явления с прошлым опытом, то недоумение сменяется собственно удивлением. При появлении неожиданных результатов возникает изумление, протекающее часто как аффективное состояние, сопровождающееся выразительными телодвижениями. Таким образом, эмоционально окрашивается и выделяется принципиально новая, имеющая познавательную ценность информация [1, с. 228].

Мимически удивление выражается высоко поднятыми бровями высоко, из-за чего на лбу появляются продольные морщины, а глаза расширяются и округляются, а также приоткрытым ртом [5]. Более слабое проявление эмоции, т.е. недоумение и удивление, эксплицируются преимущественно посредством описания мимики. Однако чем интенсивнее проявляется эмоция, тем чаще для ее описания используются жесты и телодвижения [3, с.46].

Интеллектуальная эмоция удивления в исследуемых художественных текстах демонстрируется через а) описание мимики: Ich warf alles, Ekel, Furcht und Trostlosigkeit, von mir ab wie eine lächerliche Bürde und legte meine Hand auf die zuckende, üppige Schulter, und als sie nun das erstaunte Gesicht zu mir wandte, sah ich zum ersten Mal in ihren Zügen Ähnlichkeit mit jenem Foto eines hübschen, liebevollen Mädchens, das ich wohl viele hundert Male hatte ansehen müssen, damals ... [6, с. 10]; б) и поведения взгляда: Sabine Häfeli-Großmann lacht laut auf, wo es eigentlich gar nichts zu lachen gibt. Die ganze Gesellschaft schaut sie kurz und erstaunt an, dann wendet sie sich wieder den Versen von Johann Peter Hebel zu [7, с. 105]. Однако при описании поведения взгляда используется не только нейтральный глагол anschauen, но и глагол anstarren, обозначающий продолжительный удивленный взгляд: Er schloß die Tür mit mittriger Hand und bewegte sich unbeholfen zu seinem Platz zurück. Miss Burge und die Gemeindeschwester starrten zunächst ihn und dann sich gegenständig an [8, с. 70].

Восхищение демонстрируется уже при помощи описания жестовых движений (auf)klatschen: Die Fanfarentöne verstummen, und gleichzeitig wechselt das Licht. Das Publikum wird jetzt von allen Seiten ganz grell, flackernd beleuchtet, wie in einer Disko. Die Leute ... klatschen begeistert auf [7, с. 108].

Конкретизация интеллектуальной эмоции удивления осуществляется с помощью дополнительных лексических средств. В качестве конкретизаторов могут выступать отглагольные образования *erstaunt*, *begeistert* а также предложно-номинативные конструкции типа *vor Begeisterung*, *vor Aufregung* и другие.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1975-1983.
2. Васильев И.А. К вопросу о возникновении эмоций в структуре мыслительной деятельности // Психология технического творчества (Материалы докладов симпозиума). М. 1974. С. 224-230.
3. Зуева Е.А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 164 с.

4. Лялина Я. И. Исследование эмоционально-аффективной сферы личности в трудах Теодюля Рибо // Современная психология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, июль 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014. С. 1-6.
5. URL: http://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o018_page_42.html (дата обращения: 16.11.2015)
6. Böll H. Mein trauriges Gesicht. Erzählungen. Moskau: Raduga-Verlag, 2001. 276 S.
7. Fischer H. Lampenfiebrig. Hamburg, 1996. 128 S.
8. Moderne Kurzprosa. Eine Textsammlung. München – Wien – Zürich, 1978. 107 S.

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РЕКЛАМНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Иванова Т.В.

доцент кафедры иностранных языков, канд. пед. наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается понятие рекламы с точки зрения коммуникации, а также манипуляция в рекламном тексте на лексико-синтаксическом уровне и уровне интонации, исследуется понятие медиатекста и наиболее частотные и употребительные синтаксические конструкции – эллипсис, императивы, вопросы, восклицания, синтаксический параллелизм.

Ключевые слова: медиатекст, медиалингвистика, рекламные тексты, синтаксические конструкции, эллипсис, императив, синтаксический параллелизм.

Реклама представляет собой мощное информационное средство, которое способствует формированию осведомленности, предпочтительности к товару или услуге, стимулированию пробной покупки, которая должна заинтересовать, запомниться, вызвать желание и, конечно, побудить к действию. Реклама стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Любой, кто смотрит телевизор, слушает радио, приобретает печатные издания или просто выходит на улицу автоматически пополняет многочисленные ряды ее потребителей. Каждый из нас может просто выразить свое отношение к рекламе на уровне “нравится – не нравится”, и при этом не важно, насколько мы образованы и начитаны. Некоторые рекламные тексты действительно помогают не растеряться в многообразии товаров и услуг и сделать правильный выбор, а другие, наоборот, ставят в тупик и порой раздражают. Причина в том, что создатели интересной и “полезной” рекламы ориентируются на качество рекламного обращения и применяют все свои знания и умения в области психологии, технологии рекламы, создания грамотного рекламного текста.

Исследование текстов массовой информации имеет давнюю традицию. Проблемами функционирования языка в сфере массовой коммуникации занимались такие известные ученые, как Д.Н. Шмелев, В.Г. Костомаров, О.А. Лаптева, Теун ван Дейк, Алан Белл, Мартин Монтгомери, Г. Лакофф, Норман Фейеклаф. Различные аспекты медиатекстов изучались методами дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, контент-анализа, а также в рамках таких относительно новых направлений, как "critical linguistics" и лингво-

культурология. Термин «медиалингвистика» начали широко использовать российские лингвисты с 2000 года, в то время как в англоязычной филологии термин *media linguistics* появился немного ранее, в статье Джона Корнера *The scope of media linguistics*, опубликованной в 1998 году в британском издании *Applied Linguistics Across Disciplines*. В ней Корнер обозначает предмет и задачи науки. Медиалингвистика – новая научная дисциплина, которая занимается изучением функционирования языка в средствах массовой информации [8].

Основной составляющей медиалингвистики является концепция медиатекста. Эта концепция выходит за пределы вербального уровня, как отмечает Т. Г. Добросклонская, она приближается к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков [3, с. 46].

Рассматривая медиатекст, как объемное многоуровневое явление сегодня исследователи опираются на различные критерии типологизации: способ производства текста, форма создания, форма воспроизведения и т.д. При этом среди текстов массовой коммуникации в зависимости от такого параметра классификации, как «институциональный тип текста», выделяются разновидности, к которым относятся: журналистские, рекламные и PR-тексты. Медиатекст оказывается в центре многоаспектных исследований, нацеленных на установление в нем универсального и специфического, типологического и уникального. Формирующаяся теория медиатекста базируется, с одной стороны, на отечественных традициях изучения публицистического стиля, лингвистики текста, языка СМИ, представленных именами А. Н. Васильевой, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. Н. Кожинной, В. Г. Костомарова, В. В. Одинцова, Ю. В. Рождественского, Г. Я. Солганика, Д. Н. Шмелева и др.

С другой стороны, теория медиатекста аккумулирует когнитивно-дискурсивные, коммуникативно-прагматические, лингво-культурологические научные идеи, рассматривая медиатекст как сложное коммуникативное событие. Признание коммуникативно-дискурсивной сущности медиатекста вводит его в круг интересов всех гуманитарных наук и делает открытым по отношению к участникам коммуникативной деятельности и среде его существования. Значимой становится текстовая модель, базирующаяся на структуре коммуникативного акта и связывающая текст с внешним миром – миром действительности и миром текстов: говорящий или слушающий (автор, адресат), кодовая организация текста, условия и обстоятельства коммуникации, коммуникативные цели, процессы вербализации и понимания [9, с. 67]. Определяя распространение информации в СМИ как дискурсивную деятельность, исследователи отмечают, что необходимо исходить из того, что СМИ есть средства разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и переданной информации особому – адресату с целью воздействия на него [5, с. 214].

Большинство исследователей отмечают, что уровень массовой коммуникации даёт понятию «текст» новые смысловые оттенки, которые обуслов-

лены медийными свойствами того или иного средства массовой информации. Например, текст на телевидении состоит не только из словесной ткани, он последовательно разворачивается сразу на нескольких уровнях: вербальном, видеоряда и звукового сопровождения, образуя единое целое и приобретая черты объёмности и многослойности. Радиотекстам и текстам прессы также свойственно сочетание вербального текста с определёнными медийными характеристиками: музыкой и звуковыми эффектами, особенностями графического оформления газеты или журнала [6, с. 24].

В рекламных медиатекстах наиболее частотными по употреблению являются такие синтаксические конструкции, как: эллипсис, императивы, вопросы, восклицания, синтаксический параллелизм.

Рассмотрим каждый из этих синтаксических приемов более подробно.

Эллипсис (иногда – *эллипс*) от греч. *ellipsis* – выпадение, опущение. Эллипсис – пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации [1, с. 45]. Если мы также относим именные предложения к эллиптическим конструкциям, таким образом, мы получаем частотное употребление этого приема, т. к. он используется для оформления названия товара, фирмы или марки, выпускающей товар, заголовков и слоганов. Примером эллиптических конструкций могут служить следующие предложения: «Ничто, кроме ночи», «Free from winter damage». Как известно, глагол в повелительном наклонении может выражать как приказ, так и совет или просьбу. В связи с тем, что потребители не любят, когда им навязывают что-либо, а тем более приказывают пользоваться определённой продукцией, авторы рекламных текстов прибегают к использованию глаголов в повелительном наклонении только в том случае, когда они хотят сформулировать вежливую просьбу или совет.

Употребление императива глагола является одним из наиболее частых признаков на морфосинтаксическом уровне. Оно позволяет рекламному обращению стать более динамичным. Однако здесь следует помнить о том, что воздействие путем прямого выражения намерений наиболее уязвимо, т. е. когда в рекламе четко звучит «купи», значит, говорящий хочет, чтобы данное действие было выполнено потребителем, что вызывает со стороны покупателя мысли, нужна ли ему эта продукция в действительности. Таким образом, рекламное предложение, скорее всего, может быть отвергнуто. Если же призыв будет содержаться имплицитно, он не будет подвергнут прямой оценке и не будет категорически отвергнут. Поясним на примере. Фраза в рекламе шоколада Киндер: «Лучший способ передать любовь» не показывает напрямую, что данный продукт будет желателен для потребителя, а идея покупки появляется у него как свой собственный вывод – «Если это лучший способ, следовательно, мне будет хорошо это иметь, т. е. необходимо купить данный продукт». Однако необходимо отметить, что использование императивов в рекламных текстах более чем распространено. Например: «Ощути вкус свободы!», «Meet and choose your own psychic face-to-face», «Make an appointment now».

Восклицания в рекламных текстах являются чрезвычайно экспрессивными. Они, как правило, служат для передачи эмоций автора. Поскольку в

ситуации с рекламой автором является рекламодатель, который заинтересован в продаже своего товара, восклицания в рекламных текстах служат исключительно для передачи положительных эмоций и восхищения. Необходимо отметить, что, возможно, в силу большей эмоциональности русского народа, восклицания встречаются в русскоязычной рекламе значительно чаще, чем в англоязычной, однако примеры можно и привести в обоих языках: «У нас конкурентов нет!», «Почувствуй класс мастера!», «Будь прекрасна», «Polaris, the way out!», «Come see for yourself!»

Повтор является достаточно распространенным явлением в рекламных текстах ввиду того, что позволяет потребителю лучше запомнить рекламируемый товар. Повтором, или репризой, называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, т. е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить. В рекламных текстах достаточно распространен такой прием, как лексические повторы разного рода. Например: «Гудс – это не просто хорошо, Гудс – это коллекции, Гудс – это скидки», «Lyncourt drugs, where modern convenience meets caring customer service. Just a short way past Shop City on Teall Avenue at the corner of Court Street. The family you trust when it comes to your family... Lyncourt Drugs, your pharmacy of choice».

Часто в рекламных текстах можно наблюдать явление *синтаксического параллелизма*. Под синтаксическим параллелизмом понимается один из конструктивных принципов устройства синтаксических конструкций. Он является частным случаем симметрии и – шире – повтора и заключается в тождественном (полном или частичном) строении синтаксических конструкций. Например: «A football helmet signed by Dan Marino. A signed jersey from Joe Montana. An autographed photo of Larry Bird», «Меняются времена, строятся дороги, разводятся мосты».

Нередко в целях экспрессии авторы используют специальные вопросительные предложения, которые призваны сосредоточить внимание потребителя на каком-либо положении. Использование конструкций такого рода служит контактоустанавливающей коммуникативной функции рекламы: «Хотите купить новое окно выгодно?», «Нужно куда-нибудь быстро добраться?», «How fast is fast?», «Feeling romantic?». Обращенные к адресату вопросы позволяют заинтересовать его и, следовательно, вовлечь в «дискуссию». Кроме того, нередко используются вопросы-загадки, которые позволяют активизировать фоновые знания реципиента и, опять же, более эффективно на него воздействовать.

Симметричная конструкция предложения. Симметрия проявляется в том, что рекламное сообщение четко членится на несколько частей (части одного предложения или несколько самостоятельных предложений), которые составлены по единой синтаксической модели. Наиболее типичными в российской рекламе являются синтаксические конструкции, состоящие из двух частей, соединенных тире или двоеточием: Стиральный порошок «Тайд»: Чистота – чисто «Тайд». Подгузники Pampers: Сухая кожа – счаст-

ливый малыш. «Осью» симметрии служит знак препинания, делящий предложение на две части. При этом по количеству слов или знаков препинания симметричные части должны быть идентичны. Если одна из частей «перевешивает» другую, создается дисбаланс, отражающийся на восприятии и запоминании слогана. Так, добавление к слогану компании Procter & Gamble «Сухая кожа – счастливый малыш» всего лишь одного слова «здоровая» привело к уничтожению симметрии в рекламном сообщении: Сухая, здоровая кожа – счастливый малыш.

В рекламных сообщениях симметрия редко используется только на уровне синтаксической конструкции. Обычно к симметрии синтаксической добавляется симметрия лексическая (наличие в частях предложения похожих по форме или противоположных по значению слов). Примеров использования синтаксической симметрии, усиленной лексической симметрией, в русскоязычной рекламе много. Вот некоторые из них. Журнал «Мотор»: Достойный журнал о достойных автомобилях. Торговый дом «Партия»: Вне политики! Вне конкуренции!

Использование простых синтаксических конструкций обусловлено особенностями рекламной коммуникации, состоящей из трех этапов: восприятие – запоминание – вовлечение.

Восприятие происходит быстро, – и за это время сознание человека не успевает обработать и проанализировать содержание фразы. Поэтому основным элементом воздействия на этапе восприятия является форма слогана. Сложные конструкции (осложненные предложения; сложные предложения) сильно затрудняют восприятие рекламной фразы [4, с. 10]. Рекламные сообщения представляют собой уникальный материал для исследования функционирования языковых механизмов в достаточно непростых условиях речевого взаимодействия.

Риторические вопросы же позволяют создать эффект участия потребителя в разговоре. Такие вопросы задаются в тексте якобы «от лица потребителя» и служат особым приемом диалогизации и интимизации изложения. Адресат увлекается и вовлекается в ход рассуждения, его собственные представления и знания активизируются и направляются в нужное адресанту русло. Например: «Если на небесах вам ничего не светит, то почему не получить удовольствие на земле?»

Помимо синтактико-стилистических приемов хороший рекламный текст, даже если это текст печатный, а не звучащий обязательно учитывает возможности просодического воздействия. Это связано в первую очередь с тем, что при использовании ассоциативных свойств звуковой формы слова в рекламе становится возможным создать более яркий образ.

При этом важно учитывать, что наличие большого количества средств выразительности в рекламе совсем не является гарантией успеха. Отличительным признаком удачной рекламы является гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые данной идее наиболее соответствуют.

Таким образом, рекламный медиатекст обладает рядом отличительных синтаксических особенностей. В синтаксическом плане для рекламы харак-

терны эллипсис, императивы, вопросы, повторы, восклицания, а также синтаксический параллелизм. Рекламный текст, как и любой медиатекст, представляет собой сложное, многоаспектное явление. Существует множество определений этого понятия, однако основная мысль, содержащаяся в них, заключается в том, что рекламный текст – это текст, направленный на потенциального потребителя с целью его убеждения в приобретении данного продукта или получении данной услуги.

Список литературы

1. Головлева Е. Л. Основы рекламы. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 272 с.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал, 2005. 288 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 264с.
4. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 134 с.
5. Лисицкая Л. Г. Стилистическая характеристика языка современных медиатекстов // Вестник Ставропольского государственного университета. М. 2010. №66. С. 214 – 219.
6. Тамбовцева О.Б. Лингвистические особенности английских радио- и телерекламных текстов. Учебно-методическое пособие. М.: Национальный книжный центр, 2011. 56 с.
7. Angela Goddard. The language of Advertising. London and New York: Routledge, 1998. 135 p.
8. Corner John. The Scope of Media Linguistics. BAAL Newsletter, 1998.
9. Lakoff, G. Cognitive semantics. Meaning and Mental Representations, ed. by U. Eco, M. Santambrogio, and P. Violi, Bloomington: Indiana University Press. 1988. 154 p.

ИСЛАМСКИЙ МИСТИЦИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ТЮРКСКОГО СУФИЙСКОГО ПОЭТА АХМАДА ЯСАВИ

Ишкинина Л.К.

доцент кафедры иностранных языков и языкознания,
канд. филол. наук, доцент, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Россия, г. Казань

В статье рассматривается исламский мистицизм в творчестве тюркского суфийского поэта Ахмада Ясави, основоположника мусульманского мистицизма. Суфизм – это особое мистическое, религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта непосредственное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством.

Ключевые слова: исламский мистицизм, мусульманский мир, суфийский поэт, ислам, суфизм, духовное общение.

Мусульманский мир (дар ал-ислам, мир ислама) – один из крупнейших и уникальных центров мировой цивилизации. С эпохи пророка Мухаммеда и до современности мир ислама продемонстрировал глобальные социально-экономические, политические и духовные достижения. Дар ал-ислам синте-

зировал богатейшее историко-культурное наследие народов ближневосточного ареала, Южной, Юго-Восточной Азии, Евразии и африканского континента. В период более чем 15-вековой истории эти народы создали яркую и самобытную исламскую цивилизацию.

Ислам и социально-культурная самобытность различных народов становятся основой единства и многообразия мусульманского мира и цивилизации. В течение многих веков ислам оставался определяющей духовной силой и поддерживал гармонию социальных отношений в государствах и обществах Ближнего и Среднего Востока, Южной, Юго-Восточной, Центральной Азии и Африки. Арабский язык постепенно приобрел статус языка священного Корана. Он органично усваивался населением новых регионов мусульманского мира. В средневековом мусульманском обществе фарси и тюрки формируются как универсальные языки ислама, мусульманской культуры и цивилизации. В период IX-XIV вв. именно они сыграли главную роль в расцвете теологической, исторической литературы и изобразительного искусства мусульманского мира.

С первых столетий распространения ислама в Центральной Азии формируется культ мусульманских святых: сподвижники пророка Мухаммеда, суфии, коранические персонажи, легендарные и исторические деятели тюркского мира составили его основной контингент. Среди них особым авторитетом в мусульманской Центральной Азии пользовался шейх Ахмад Ясави (ум. в 1166 г.) – известнейший тюркский суфийский шейх, живший в Средней Азии в XI-XII вв., который назывался «святым кочевых племен Средней Азии», «туркестанским Мухаммедом» или «владыкой семи климатов» (Вселенной).

Вплоть до настоящего времени он почитался как основоположник мусульманского мистицизма у тюрков и первый тюркский суфийский поэт. В современном тюркском мире интерес к жизни, деятельности, поэтическому творчеству Ходжи Ахмада, а также к истории основанного им первого тюркского суфийского братства (ордена) Ясавийа возрождается. Имя Ходжи Ахмада Ясави и его знаменитый мавзолей в г. Туркестане приобретают идеологическое значение, становятся своеобразным символом духовного единства всех тюрков-мусульман от Турции до восточных границ нынешних государств СНГ в Центральной Азии.

Суфизм (иначе – исламский мистицизм), зародившийся в VIII в. среди арабов Сирии и Месопотамии, к XI в. принял характер массового аскетического и мистического движения и распространился по всему исламскому миру, включая Среднюю Азию. В развитии средневекового суфизма прослеживаются 3 основных этапа: VIII-X вв.; X-конец XII вв.; конец XII в. – начало XVI в. Жизнь и деятельность Ходжи Ахмада Ясави пришлась на II этап развития суфизма, когда его приверженцы усваивали идеи античной мистико-идеалистической философии (неоплатонизма) и христианской теософии, «соединяя их с местными культовыми традициями и народными верованиями» [1, с. 6]. Именно тогда суфизм принял характер «массовой религии ислама». В то же время мистицизм в исламе развивался как учение о путях непосред-

ственного духовного общения с последующим воссоединением (иттихад) человека с Творцом, Единым Богом, т.е. имел монотеистический характер. Все духовные воззрения в рамках суфизма принимали «чисто мусульманское направление» [2, с. 117].

В XI-XII вв. основные школы суфизма находились в состоянии окончательного оформления своих положений. Наряду с этим бурно развивался практический мистицизм, появлялось множество суфийских кружков, в особенности в Хоросане, а позже – и в Мавераннахре, в районе расселения тюрок. К этому же периоду относится и возникновение первых суфийских орденов (братств): Сухравердийа, Кадирийа, Кубравийа, Ясавийа.

Особенностью распространения суфизма в Средней Азии явилось то, что одновременно с ним происходила исламизация как исконного населения среднеазиатских оазисов, оставшихся за границами арабских завоеваний, так и «множества тюркоязычных племен и племенных конфедераций, проникавших на рубежах II тысячелетия н.э. с севера и востока в Мавераннахр и далее на юг и юго-запад» [3, с. 112]. Роль миссионеров, способных на простом и понятном тюркам-кочевникам языке толковать основные догматы монотеистической религии, легенды о пророках, завоевать сердца вновь обращенных в ислам слушателей сочинением и чтением религиозных стихов, выполняли в основном именно суфийские шейхи и их последователи.

Именно в этот период в Мавераннахре и областях к востоку от Сырдарьи формируется чисто тюркское направление в суфизме – школа Ходжи Ахмада Ясави.

Условия для возникновения новой (мусульманской) литературы на тюркском языке сложились в XI в. в городах Средней Азии, бывших под властью династии Караханидов. В Бухаре, Самарканде и других центрах Мавераннахра авторитет мусульманского, в основном ханифитского, духовенства был высок и в X в., при Саманидах, а при Караханидах возрос еще более, ибо духовные лица оказались верными союзниками династии.

В ранний, «караханидский» период в тюркской мусульманской классической литературе появляются произведения как светского, так и религиозного характера. Их авторы, освоив арабо-персидскую форму изложения и метрику ('аруз), зачастую использовали также образы тюркского народного поэтического творчества. С конца XI в. на тюркскую поэзию оказывает идейное влияние суфизм, а произведения, созданные дервишскими шейхами Ирана, воздействуют как на содержание, так и на форму тюркских стихов. Дух и образы исламского мистицизма присутствуют в тюркской поэзии вплоть до нового времени. У истоков этого явления стояли, в частности, тюркские суфийские шейхи XII в., писавшие духовные стихи по-тюрки. Первым в ряду этих мистиков традиционно считается Ходжа Ахмад Ясави.

Ходжа Ахмад Ясави, как и другие тюркские шейхи домонгольского периода, прославился не своими теоретическими сочинениями по мистицизму, а поэтическими произведениями, которые были позднее объединены его последователями в «Диван-и хикмат». Эти произведения дошли до нас в многочисленных рукописях, хранящихся в научных библиотеках Института во-

стоковедения Санкт-Петербургского отделения АН Российской Федерации, в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета, в научном архиве Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, в собраниях Стамбула (рукописи, датируемые не ранее XIX в.), Ташкента (свыше 60 списков, в том числе самый древний из известных, датируемый 1718 г.), а также в печатных книгах под названием «Диван-и хикмат», изданных в Казани в 1878, 1893, 1896, 1905 и последующие годы.

История создания и распространения стихов А.Ясави, дошедших до нас, своеобразна и не похожа на историю стихов других средневековых поэтических «диванов». Стихи, получившие название «хикматы» (ар. «мудрость, мудрое изречение»), первоначально сочинялись с целью исполнения на суфийских радениях. Благодаря своему простому языку, народным поэтическим размерам, легкости запоминания и определенным художественным достоинствам, они быстро распространялись среди суфиев – последователей шейха и простого народа.

В языке хикматов А.Ясави находят отражение особенности религиозно-философского стиля средневекового тюркского языка X-XII веков. Наиболее значительное место в «Диван-и хикмат» занимает суфийская лирика. Это стихи, описывающие экстатические состояния мистика, стремящегося к духовному слиянию с Богом, а также его переживания по поводу несовершенства мира, падению нравов в обществе, обличающие человеческие пороки и поучающие тех, кто вступает на путь тариката. Однако эти стихотворные поучения всегда отражают собственные переживания автора.

А.Ясави – основатель тюркского пути мистического познания в исламе. Признавая значимость его идей о единстве всего сущего, о близости и даже тождестве процесса познания бога самосознанием, о необходимости собственного духовного опыта на пути созерцания, общения, соединения с богом, исследователи отмечают адаптацию этих идей к народному мирозерцанию. Но, помимо всего сказанного, А.Ясави вошел в историю духовной культуры, с точки зрения участия в процессе персидско-тюркского языкового взаимовлияния, как большой мастер художественного слова, понятного и близкого простому люду. Произведение А.Ясави – общее духовное достояние всех тюркских народов. До сих пор они могут читать текст «хикматов» без перевода, хотя он написан на кипчакском диалекте. В лексике и образах А.Ясави видны реалии кочевой жизни. Самоопределение человека невозможно без духовного напряжения, без искренней самоотдачи, вплоть до готовности пожертвовать жизнью – таков важнейший идейно-нравственный урок, который подсказывается жизнью и творчеством Ахмада Ясави.

Список литературы

1. Дроздов В.А. Исламский мистицизм и его влияние на население СНГ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 78 с.
2. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / Под ред. и с пред. О.Ф. Акимушкина. М: Наука, 1989. 480 с.
3. Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 216 с.

АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА КАК ОБЛАСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ЯЗЫКА

Мартынова Е.В.

преподаватель кафедры иностранных языков,
Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева, Россия, г. Казань

В данной статье рассматривается социолингвистика и социология языка как область науки, исследуется взаимодействия языка и человечества. К основным проблемам социолингвистики относятся: 1) язык и социология человека; 2) социальные аспекты речевого поведения: социолингвистическая теория речевого поведения, социальные детерминанты речевого поведения, социолингвистические модели речевого поведения.

Ключевые слова: американская социолингвистика, социология языка, вариативность языка, речевое поведение.

Социолингвистика (социальная лингвистика) как наука начала развиваться в 60-70х годах 20 века на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии.

В свою очередь, в США социолингвистика появилась как междисциплинарная область науки, в которой устная речь и речевое поведение людей начали объяснять с привлечением этнографии и социологии. Ее появлению способствовали политическая ситуация в Соединенных Штатах Америки, отношения между коренным негритянским населением и белым населением страны.

Для определения задач изучения взаимоотношений между социально обусловленными вариантами языкового употребления американские лингвисты различают социолингвистику и социологию языка. Социолингвистика ставит на первое место изучение социально моделированной вариативности языкового употребления, а социология языка рассматривает взаимодействие двух аспектов общественной жизни – языка и общества. В социолингвистике и социологии языка наибольшее предпочтение отдается социологии языка как более самостоятельной междисциплинарной области знания, в которой применяются методы исследования как социальные, так и лингвистические.

Социология языка изучает особенности вариантов, их функции в обществе, соотношение вариантов между собой, специфику их носителей, а также процессы развития и изменения вариантов и их функционального соотношения в обществе. Существующие в обществе мнения, оценки и отношения к данному варианту также изучаются социологией языка [1].

Большой интерес для социолингвистики представляет изучение речевого поведения как процесса выбора варианта для построения социально корректного высказывания. Другими словами социолингвисту необходимо опознать сам механизм отбора социально значимых вариантов, выявить характеристики, от которых зависит выбор, определить необходимые социальные

факторы, которые заставляют предпочитать один вариант другому. Социолингвистический анализ должен помочь выявить те социальные нормы, которые определяют речевое поведение коммуникантов.

Лингвисты выделяют два вида ситуаций, а именно, стандартные и вариабельные, в которых происходят речевые акты. В стандартных ситуациях действия человека четко регламентируются как в отношении речевого, так и неречевого поведения. Сюда относятся некоторые виды профессиональной деятельности, ритуальные обряды и т. п. Вариабельные ситуации характеризуются большим выбором языковых средств, который определяется меняющимися социально-личностными отношениями между участниками коммуникативного акта.

В английском языке высказывание – побуждение к определенному действию (просьба, приказ) может быть выражено в форме императива (ask her to come on time – "попросите ее, чтобы она пришла вовремя", tell her to come on time – "скажите ей, чтобы она пришла вовремя").

Также, просьбы и приказы могут быть оформлены в виде вопроса (так называемый "общий вопрос", требующий ответа "да" или "нет" типа Would you mind coming on time? – "Не могли бы вы прийти вовремя?").

Среди социальных детерминантов речевого поведения большое значение, помимо ролевых отношений, имеют такие, как социальный статус коммуникантов, ориентация на определенные социальные ценности и нормы. При интерпретации речевой деятельности необходимо иметь в виду и такие компоненты коммуникативного акта, как тема, обстановка, канал коммуникации (устная или письменная речь, средства массовой коммуникации и др.).

Подводя итог всему вышесказанному следует отметить, что изучение социальной обусловленности языка, которой занимается социолингвистика, помогает лучше понять природу языка, выяснить условия его функционирования в обществе, т.к. между общественными функциями языка и языковой системой существует непосредственная связь.

Список литературы

1. Американская социолингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xreferat.com/31/232-1-amerikanskaya-sociolingvistika.html> (Дата обращения: 28.11.2015).
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с.
3. Мартынова Е.В., Кадырова Л.Б. Некоторые проблемы социолингвистики в современном языкознании // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – Белгород, 2014. – С. 41-44.
4. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. – М.: Либроком, 2012. 176 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В ОСЕТИНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Моргоева Л.Б.

старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания,
канд. филол. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И.Абаева Владикавказского научного
центра РАН и Правительства РСО-Алания, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются стилистические способы активации коннотативных смыслов лексем с концептуальным значением. Простые и сложные номинации, репрезентирующие смысловое содержание ключевого слова, часто сопровождаются особым стилистическим оформлением, продиктованным спецификой паремического жанра. В условиях компактного оформления высказывания лексические повторы, противопоставления, антонимические пары и сочетания на основе эвфемизации и метонимии становятся эффективными средствами логико-семантической актуализации коннотативных смыслов и расширения границ семантического поля.

Ключевые слова: концепт, семантика, стилистика, осетинский язык.

Любая этнокультурная информация многообразна и соответственно этому имеет разное языковое воплощение и свой особенный набор способов выражения. «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект свое отношение к предметному и непредметному миру, природе... свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [1, с.3]. И современные исследования как раз нацелены на изучение языка именно с этих позиций и ракурсов, когда в центре внимания оказывается носитель языка как представитель конкретного этноса.

Этнокультурная информация, закрепленная в символической форме, содержит субъективное мировосприятие носителя традиций и формируется в отдельные фрагменты национальной картины мира, которую из-за ее многообразия в последнее время все чаще делят на обыденную, мифологическую, религиозную и другие виды. При этом «разные информационные зоны имеют свои предпочтения при выборе «передатчика»: один тип знаний, оценок и представлений будет запечатлен скорее «рассыпанными» номинациями, другой – фольклорным текстом, третий – ритуалом» [2, с.11]. Однако передача информации возможна и при наличии двух и более источников, когда в роли «передатчика» выступают одновременно и фольклорные тексты, и отдельные номинации, и в отдельных случаях подкрепленные ритуалом. В этих случаях одновременная трансляция национально-культурной информации вызовет определенные затруднения в определении «первоисточника». В то же время, с уверенностью можно говорить о том, что подобные номинации приобретают концептуальное значение, где «в центре внимания оказывается личность носителя языка. Новый подход учитывает роль человеческого фактора в языке, вместо опоры на форму появляется опора на содержание, не на механизм, лежащий в основе языка, а на его применение» [5, с.10].

Отдельные номинации в силу широты семантического охвата и возникновения дополнительных коннотаций образуют семантические поля, единицы которых находят различные языковые воплощения: грамматические, синтаксические, стилистические. Сформировавшиеся единицы вполне оправданно можно характеризовать как «национально-специфические информемы житейского опыта разных народов, неповторимые образцы национальной логики и национальной мирооценки» [4, с. 258], которые составляют суть национальной картины мира.

В этом плане наиболее интересными оказываются результаты анализа пословично-поговорочных выражений, в которых смысловые коннотации концепта выражаются, в частности, и грамматико-синтаксическими средствами языка.

Концептуальное наполнение слова «дурак» бесспорно и не вызывает сомнений: присутствуя практически во всех культурах, репрезентация его коннотативных смыслов в паремиях несколько разнится от собственно лексикографического описания, в том числе, и за счет использования особого набора способов оформления высказываний.

В осетинском языке концепт *дурак* представлен лексемами *æдылы* и *æрра*, которые имеют очень широкое контекстное значение и словообразовательные формы. Обе лексемы имеют производные словоформы и словосочетания, с определенной долей эвфемизации указывающие на интеллектуальную неполноценность человека. Не являясь полными синонимами, *æрра* и *æдылы* в разговорно-бытовом употреблении оказываются семантически равноправными единицами, в то время как устойчивые словосочетания, репрезентирующие данный концепт, способны приобретать широкий диапазон экспрессивных коннотатов в тексте.

При анализе осетинских паремий определен тематический блок с лексическим компонентом *дурак* (*æрра*, *æдылы*) и с его производными, а также единицами с идентичным смысловым содержанием, и выявлен целый ряд интересных наблюдений. Так, в поговорочных выражениях раскрытие и усиление коннотатов строится на различных стилистических приемах. В большинстве случаев наблюдается использование антонимической пары *æдылы* – *зондджын* («глупый – умный»): *Æдылы зондагур нæ цæуы* – «Глупец за знаниями не идет»; *Зондджын маст цы куыстыл кæны, ууыл æдылы та худгæ кæны*. – «Над работой, о которой горюет умный, глупец смеется»; *Зондджын æдылйы зардамаæ нæ цæуы* – «Умный глупцу не нравится»; *Зондджын лæг æдылйæн ызнаг у* – «Умный человек глупцу враг»; *Зондджыны фарс хуыцау у, æдылйы фарс та – фыдбылыз* – «На стороне умного Бог, на стороне глупого – зло (беда, несчастье)»; *Æдылы дзурагмаæ зондджын хъусаг хъæуы* – «Глупому говорящему умный слушатель нужен»; *Хатт æдылйæ дæр зондджын ныхас схауы* – «Порой и от глупца умное услышишь». Здесь стоит обратить внимание на особенности грамматического строя осетинского языка, в котором частеречный статус имеет контекстное определение. В частности, существительное *глупец* и прилагательное *глупый* в осетинском имеет

одну форму *æдылы*. В оригинальных текстах они выступают как полные омонимы или омоформы.

Æдылы æдылыйыл худти, зондджын та – дыууæйыл дæр – «Глупец над глупцом смеялся, а умный над обоими»; *Æдылыйæ зондамонæг æмæ куырмæй фатæхсæг иу сты* – «Дурак, что разуму учит, все равно что слепец, что из лука стреляет»; *Зондцух йе дылы куы зонид, уæд æдылы дæр нæ уайд* – «Если бы безумный знал о своей глупости, то не был бы глупцом».

При таком противопоставлении общее значения поговорки наглядно демонстрирует преимущества 'наличия ума', в то время как в образ *дурака* обнаруживает новые признаки – 'нежелание меняться', 'упрямая настойчивость' и, как ни странно, 'уверенность в своей исключительности и превосходстве'.

Противопоставление "*люди – дурак*" демонстрирует преимущество большинства перед поведением одного. Сравним, к примеру аналогичные по смыслу выражения: *Æдæм – размæ, уый – фæстæмæ* – «Люди – вперед, он – назад» и *Адæм – коммæ, æдылы та – донмæ* – «Люди в ущелье, а дурак – к воде». Здесь, в первом случае прямая номинация заменяется местоимением *уый* «он, тот». Оба выражения с одинаковым синтаксическим построением семантически уравнивает пары "*адæм – æдыл*" и "*адæм – уый*". С содержательной точки зрения в обоих вариантах противопоставляется *дурак* людям, указывая на то, что поведение большинства является нормой, а поведение не свойственное большинству – нарушением нормы.

Признак 'отсутствие ума' или 'ограниченные интеллектуальные возможности' усиливается при помощи лексических повторов, реализующих различные дополнительные коннотативные смыслы:

Æдылы йе дылы не мбары – «Глупец свою глупость не осознает»; *Æдылы йе дылыйæ магуыр ваййы* – «Глупец по своей глупости бедным бывает»; *Æдылыйæн цас фылдæр уайдзæфтæ кæнай, уыйбæрц æдылыдæр кæны* – «Дураку чем больше замечаний делать, тем глупее он становится»; *Æдылыйæн авд-авды зонд фæцамон, уæддæр – æдылы* – «Дурака сорок девять раз (букв. семь раз по семь) уму учи, все равно дурак»; *Æдылымæ чи хъуса, уый æдылы кæны* – «Кто дурака слушает, глупеет сам»; *Æррайы дзырд хъыг кæмæ кæсы, уый йæхæдæг æрра у* – «Кто на слова дурака обижается, тот сам дурак»; *Æдылы йе дылытæ фæкалы* – «Дурак дурости расточает»; *Æдылы истæмæй æдылы ваййы* – «Дурак (глупец) чем-то глуп и бывает».

Этнокультурный потенциал данного концепта распространяется и на другие словесные единицы, не имеющие в своем исходном значении семантики 'недостаток ума'. Такие вторичные номинации носят исключительно контекстный характер. Однако в пределах паремического жанра эта семантика не столь категорична как в случае с самим словом *дурак*, имеет ослабленную степень проявления и склонна к устойчивости.

Так, контекстную семантику '*дурак*' получают неопределенные местоимения, имеющие в своем прямом значении указание на неизвестные или не точно известные субъекты *чидæр* «кто-то», *кæмæндæр* «кому-то, у кого-то»:

Чидæр *йæ зæронд бæхы сирын ахуыр кодта* – «Кто-то (некто) своего старую лошадь **иноходью** идти учил (плясать)»; **Чидæр** *иу хъæуæй иннæ хъæумæ сасиргур цыди* – «Кто-то (некто) с одного села в другое в поисках сита отправлялся»; **Чидæр** *марды роны кæрдзынтæ куы агуырда, уыййау* – «Подобно тому, кто за пазухой покойника чуреки искал»; **Чидæр** *барæджы фыдæнæн фистæгæй цыди* – «Кто-то назло всаднику пешком шел»; **Чидæр**, *дам, бæхыл бадт æмæ йæ дзæкъул та йе ккой хаста* – «Некто, говорят, на лошади сидел, а баул свой на себе нес»; **Чидæр** *сау хохыл сæнæфсир агурда* – «Кто-то на Черной горе виноград искал»; **Чидæр** *мæймæ рхауынæнхъæлмæ каст* – «Кто-то ждал падения луны»; **Чидæр** *арсæн йæхи уыдта æмæ йын йæ фæд агуырда* – «Кто-то (некто) видел самого медведя, и при этом его след искал»; **Чидæр** *йæ сау фысы донæй урс кодта* – «Кто-то (некто) своего черного барана водой отбеливал»; **Чидæр** *кæйдæр фыдæнæн йæ цыхт нæ хордта* – «Кто-то на зло кому-то свой сыр не ел»; **Кæмæндæр** *йæ сис кæлддзаг уыд æмæ йæм быцауæн йæ фæсонтæ сарæзта* – «У кого-то забор был на грани разрушения и он спиной подпирает (букв. спину подставил в качестве подпорки)»; **Кæмæндæр** *йæ бæндæн иу дæргъæй не ххæсти мæ йæ дыдагъ кодта* – «Кому-то (некому) длины веревки не хватало, и он ее вдвое складывал»; **Кæмæндæр** *йæ хъама байстæуыд, уый та йæ кæрддзæмыл куыдта* – «У кого-то кинжал отобрали, а он по ножнам плакал».

Встречаются выражения и с более развернутым сюжетом: **Кæмæндæр** *йæ сæр лыг кодтой æмæ, дам, афтæ хъæр кодта*: «Мæ сынкъ мын **МА** фæцагайт» – «Кому-то голову отрезали, а он кричал: «не заденьте мой прыщ».

Из приведенных примеров очевидно, что коннотативное наполнение неопределенных местоимений семантикой 'дурак' появляется на фоне конкретной ситуации, оцениваемой как выходящая за рамки логичного и разумного поведения. Описываемые поступки представлены как поступки глупца и так же вызывают насмешки, иронию, неодобрение. Примечательно, что неопределенные местоимения выступают в качестве контекстного синонима 'дурака' только в устойчивых выражениях и носят характер исключительной ситуативности, а не постоянного качества, т.е. общий смысл высказывания опирается на конкретное ситуативное поведение субъекта и путем образного сравнения оценивается как 'несоответствующее норме, глупое'. Интересно, что схожее объяснение присутствует и в самих поговорках. Скажем, поговорка **Чи** *цæмæй æдылы, чи цæмæй* – «Кто чем (от чего) глуп, кто от чем (от чего)» или **Чи** – *йæ зондæй æрра, чи та* – *йæ тугæй* – «Кто-то от ума глуп, а кто-то – по крови (от роду)». Здесь субъект выражен местоимением и определяется как глупый человек, а смысл всего высказывания сводится к тому, что глупость может быть не абсолютной, а частичной или ситуативной.

Вторичную номинацию, склонную к устойчивости, приобретают и некоторые свободные сочетания слов. Так, при рассмотрении паремий с анализируемым концептом, выявлен ряд выражений, в которых сочетание *рагон лæг* «древний человек (мужик)» также приобретает коннотации, близкие по значению с семантикой 'неразумный, глупый поступок':

Рагон лæг *Терчы судзин агуырда* – «Древний мужик в Тереке иголку искал»; **Рагон лæг** *тæнджы мæйы хуры цæст федта мæ йæ кæрц ауæй*

кодта – «Древний мужик в январе солнышко (букв. солнечное око) увидел и тулуп свой продал»; *Рагон лаг йа фыста ласчы радта, йахадг та ласкь райста.* – «Древний мужик своих овец отдал на содержание, а сам на содержание скот взял»; *Рагон лаг йа кьух калмы дзыхы цавта* – «Древний мужик свою руку в пасть змеи совал». Сочетанию *рагон лаг* «древний мужчина» сочетанию синонимично *иу лаг* «один мужчина»: *Иу лаг хъауаей хъадмае сугта хаста* – «Один мужик с аула в лес бревна таскал».

Такая эвфемистическая замена семантически приравнивается к слову «дурак» со слабо выраженными коннотатами ядерной семы. Как и в случае с неопределенными местоимениями, данное сочетание имеет исключительно контекстную семантику и относится к человеку, совершающего глупые, неразумные действия, в виду необразованности и неспособности здраво и логически мыслить.

Сочетание *рог адаймаг* имеет значение 'легковесного человека', которое, в свою очередь, является семантической составляющей концепта 'дурак', но в ряде паремий выступает как полный синоним лексемы 'дурак' с минимальной степенью категоричности: *Рог адаймаг гадза канын на зоны* – «Легковесный человек не способен подождать»; *Рог адаймаг аерхъацмае на лаууы* – «Легковесный человек ни минуты не ждет (нетерпеливый)». Заметим, что поговорки с этим сочетанием большей частью носят нормативно-установочный характер с вычленением в каждом отдельном случае одного из характерных черт, присущих '*рог адаймаг*'. Если опустить именную часть каждого высказывания и объединении воедино все бытующие выражения с этим сочетанием, мы получим импровизированный перечень характеризующих признаков. Приведем его: *Рог адаймаг* – *аенаымад* (**аенерхъуыды*, **аенафенд*, **аенафсарм*, **аенафснайд*, **аенасарбос*, **аенерохтае*, **дзагъалгаст*) – «Легковесный человек – неуважаем, *неавторитетен, *ограничен (невежда), *бессовестен, *неубран (неухожен), *без повода (без руководства), * без упряжи (безудержен), *раззява.

Весь полученный перечень отражает отношение к человеку с неполноценными умственными способностями или человеку с поведением, выходящим за рамки нормативного, правильного с точки зрения общества. Именно такое соответствие отношения общества к '*дураку*' и '*рог адаймаг*' дает основание расценивать их как семантические синонимы.

Остальные номинации семантического поля '*дурак*' встречаются в паремиях реже, и семантика их выводится из компонентного содержания самого слова, образованного путем сложения двух основ. Морфологические особенности осетинского языка не позволяют однозначно установить частеречный статус вне контекста, поэтому в зависимости от соседства с другими компонентами высказывания могут выступать в качестве синтаксического определения: *Анаесар адаймагаей дахи бахиз* – «Огради себя от безголового человека»; *Аназонд лагаей афтауаг карк хуыздар* – «Безумного мужика лучше курица на насесте». Усиление семантики '*дурака*' достигается при метонимичном оформлении определяемого слова: *Аназонд сар къахты маестай мары* – «Безумная голова ноги дразнит»; *Адылы сар йахи*

бэрзандты хаэссы – «Глупая голова себя высоко несет»; *Адылы сар – кьодах* – «Глупая голова – бревно»; или при специфическом вопросительном оформлении выражения, при котором звучит как экспрессивное утверждение с ироничной оценкой: *Адылы сарыл цафтэй фылдэр цы уайы?* – «На глупую голову что больше тумача приходится? (глупой голове что больше тумача достает?)».

Тончайшим смысловым оттенкам, обнаруживаемым в представленных выражениях, трудно найти точное смысловое соответствие в другом языке, поскольку «огромное число идеоматических выражений просто не подлежит смысловому выравниванию при попытках найти ему в другом языке соответствующий эквивалент» [4, с.258].

Итак, помимо назидательного смысла общего содержания выражения, в осетинских пословицах заключены концептуальные смыслы, которые не всегда репрезентируются отдельными лексемами с привычным семантическим соответствием, но неопределенными местоимениями и свободными лексическими сочетаниями, в пределах жанра склонными к устойчивости.

Существенную роль при таком семантическом расширении концептуального поля играют стилистические повторы и противопоставления, усиливают актуализацию центрального компонента в высказывании. Значимость исследования этих процессов вполне очевидна, поскольку «...знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа» [3, с.6].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафоры в языке чувств. // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 385-399.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: «Индрик», 2007.
3. Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. – М.: Просвещение, 1993.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: КДУ, 2011.
5. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение: Уч. пособие / М.В.Пименова, О.Н.Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.

СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ ЯКУТОВ И ЯПОНЦЕВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ХОККУ ЯКУТСКОГО ПОЭТА КСЕНОФОНТА УТКИНА-НУНУЛГЭН)

Назарова Л.В.

студентка 3-го курса ФГАОУ ВПО «Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Россия, г. Якутск

Настоящее исследование посвящено попытке проанализировать сходное мировосприятие японцев и якутов, через сравнение некоторых трехстиший К. Уткина с японскими хокку в аспекте ментальной близости двух народов, в чем и заключается новизна данной

работы. В работе рассмотрены особенности хокку как поэтического жанра и его роль в японской литературе, а также показано, как отражается в хокку японское мировосприятие и в чем проявляется близость японского хокку к созерцательному мировосприятию якутов.

Ключевые слова: Япония, Якутия, хокку, поэзия, мировоззрение.

Япония – маленькая островная страна с богатой культурой, сохранившей древние обычаи и традиции. Во всём её духе чувствуется особое изящество и недосказанность всего: наверняка мы не знаем и меньшей части того, что скрывается за кажущейся внешней миниатюрностью. Так и в хокку – в нескольких словах скрывается глубокий, философский смысл.

Хокку – поэзия созерцательная, философская, а ведь созерцательность – одна из особенностей менталитета якутского народа. И если присмотреться повнимательней, в культуре японского и якутского народов проглядываются некоторые сходные черты. Немногословность и недоговорённость являются чертами характера обоих народов. Якутская культура тоже хранит свои древние истоки, которые ещё полностью не изучены наукой [1].

Искусство написания хокку – это умение в трех строках описать момент. В маленьком стихотворении каждое слово, каждый образ на счету, они приобретают особую весомость, значимость. Сказать много, используя лишь немного слов, – главный принцип хокку [2].

Настоящее исследование посвящено попытке проанализировать сходное мировосприятие японцев и якутов, через сравнение некоторых трехстиший К. Уткина с японскими хокку в аспекте ментальной близости двух народов. Тема нашего исследования представляется актуальной в рамках идеи диалога культур, возникшей в XX в. и в настоящее время являющейся одной из главных в процессе культурного взаимообогащения народов.

Одной из ведущих тем хокку является тема взаимоотношений человека с природой. Природа – это источник энергии, который дает человеку силы, это неповторимая красота, которая вдохновляет его на создание поэтических строчек, это верный друг, который выслушает и поймет.

Возведение хокку в ранг высокого искусства связано с именем Мацуо Басё, жившего в XVII веке, в творчестве которого традиционное представление о мире связано, в первую очередь, с природой, с временами года. Разберём стихотворение великого Басё [3].

Kochô ni mo narade aki furu namushi kana
胡蝶にも ならで秋ふる 菜虫哉(1689)
Близится зима –
гусенице уж никак
бабочкой не стать.

При помощи нескольких умело нанесенных мазков создана картина поздней осени. Какой-то грустью и связанным с ней одиночеством веет от этого стихотворения. Показано все величие Природы, вся ее неотвратимость

В то же время, читатель чувствует жалость к бедной маленькой гусенице так и не успевшую превратиться в прекрасную бабочку, беззаботно порхающую среди цветов. И при прочтении появляется щемящее чувство беспомощности слабого существа перед огромностью мира, ощущение хрупкости, мимолетности жизни.

Воображению читателя оставлен большой простор. Поэт не говорит о чувствах, он дает толчок, который заставляет нас испытать то или иное чувство, при этом конечные ассоциации у каждого читателя, безусловно, свои и зависят от его мировоззрения.

Послушаем еще одно хокку принадлежащее Мацуо Басе:

Koe yokuba utawafu mono wo sakura chiru

聲よくば うたはふものを さくら散

Был бы я певцом,
спел бы песнь, как падают
вишни лепестки.

В данном стихотворении отчетливо видна любовь поэта к Родине. Как все мы знаем сакура – национальное дерево Японии. В том, как автор хочет воспеть падение лепестков сакуры, видно как преклоняется поэт перед природой своей страны

Хокку заставляют читателя задуматься; невозможно просто бегло просмотреть их, не вникнув в их суть. Лишь после размышлений над описанной картиной и, может, даже повторных прочтений можно постигнуть их истинный смысл. Эти трёхстишия учат нас философским рассуждениям, умению чувствовать ритм и лирику в произведениях. Японскому сознанию вообще свойственно любованию мимолетностью бытия, созерцательность, что в полной мере отражается в хокку. В этом случае молчание часто выражает больше, чем слова [4].

Японские поэты были уверены, что все живые существа на земле, начиная с маленького насекомого и заканчивая человеком, способны переживать и волноваться, любить и радоваться. Такое восприятие природы близко к якутскому верованию – ведь наш народ относится к природе как к живой. Мы верим, что всё, что нас окружает, имеет своего духа-покровителя. Поэтому якут не представляет себя вне природы, ибо человек – дитя природы и должен жить с ней в гармонии.

Природная сдержанность и созерцательность японцев характерна также якутской натуре, при этом и японцу, и якуту свойственна некоторая сентиментальность и душевная открытость. Основной добродетелью японцы считают терпение, а ведь именно это качество помогло нашему народу выжить в суровых климатических условиях.

Ксенофонт Дмитриевич Уткин-Нүһүлгэн – якутский поэт, доктор философских наук. Известен в республике как исследователь традиционной культуры народа Саха. Через всё его творчество красной нитью проходит тема художественного постижения природной и социальной сущности челове-

ка, его устремлений и величины самовыражений. В 2006 году увидела свет его книжка «Сумэлээх суутук» («Волшебный мой напёрсток») – сборник стихотворений, написанных в жанре классического японского хокку (хайку) XVII века. Своей миниатюрностью – по словам автора «Ытыс саҕа кинигэ» («Книга размером в ладонь») – книжка подчеркивает маленький размер хокку [5].

Стихи написаны в строгом соответствии с традициями японского хокку по слоговой системе 5-7-5.

Книга состоит из трех частей: «Киһи» («Человек»), «Олох» («Жизнь»), «Айылҕа» («Природа») [6].

Такое распределение стихотворений в сборнике отражает своеобразие национального мышления, мировосприятия и мировоззрения: якуты старались жить сообразно законам природы (Человек – Жизнь – Природа), почитая их как высшую справедливость. При этом они выработали навыки выживания при суровых условиях, хорошо понимали взаимосвязь и взаимообусловленность всего сущего в этом мире.

Таким образом, основной темой хокку К.Уткина являются взаимоотношения Человека (человеческой жизни) и Природы:

Чысхаан тымнылыын
Туруулаһа тустаммыт –
Эр хаан буоллахпыт (Раздел «Айылҕа»).[6,73]

С вечным холодом
Мужественно боролись –
Родился народ (перевод произвольный).

Или

Туруук таас хайа
Тугу куруук толкуйдуур...
Хаһан истэбит? (Раздел «Айылҕа»).

Столбы Ленские,
О вечном думаете –
Но нам не понять...

В обоих хокку видна любовь поэта к родной природе, восхищение ею. Видно уважение и преклонение якутского народа перед силами природы, как перед чем-то великим, помогающим жизни нашего народа. Утверждая гармоническое сосуществование Человека и Природы с позиции философии космического видения мира, автор, в то же время, с горечью признает беспомощность и хрупкость человека перед Величием мира, перед стихийными силами природы.

Суровые условия жизни выработали моральный кодекс северянина, основной смысл которого сводится к взаимной поддержке человеческой жизни как основной ценности. Доброта, честность, порядочность – вот стержень их

мировоззрения не только по отношению к себе подобным, но и к окружающей природе, так как она воспринимается ими как существо одушевленное.

Терпеливость, выдержанность, малоразговорчивость, созерцательность народа саха, уважение к старшим, к жизненной их мудрости, близость к Природе, умение жить с ней в гармонии, нашедшие отражение в хокку якутского поэта, близки к особенностям японского характера.

Взгляд на мир якутского поэта завораживает своей неторопливой созерцательностью. Такая манера поэта как нельзя кстати подходит к выбранной им форме японского классического хокку. Остановленное мгновение затягивает в свой мир, в котором есть легкая печаль, глубокая философия и поиск совершенства – все то, что характерно японскому классическому хокку.

В этом мы видим не только тематическую и жанровую, но также и ментальную близость стихотворений К.Уткина к японской поэзии хокку, так как немногословность и созерцательность – свойства, равно присущие этим народам. Таким образом, трехстишия якутского поэта подчеркивают близость этнической психологии народа саха к японскому мировосприятию.

Список литературы

1. Григорьева Т., Логунова В., Японская литература, М., 1964.
2. Савилов Е.Д. Марево теней: взгляд дилетанта на танка. – Москва: Наталис, 2006. – 128 с.
3. Савилов Е.Д. Классическая японская поэзия: взгляд дилетанта. – М.: Наталис, 2007. – 320 с.
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006.
5. Емельянов Н. 60 лет со дня рождения К.Д. Уткина // Якутия – 1996: Календарь знаменательных и памятных дат. – Якутск, 1995. – С. 28-29.
6. Сумэлээх суутук / Уткин-Нуһулгэн К.Д.. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 96 с.
7. Макаров Д.С. Народная мудрость: знания и представления. Якутск: Кн. изд-во, 1983

ПЕРСОНАЖИ ДЕТЕКТИВОВ Р. ВАН ГУЛИКА: СПЛЕТЕНИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник Отдела классических литератур запада и
сравнительного литературоведения, д-р филологических наук,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

Персонажная сфера детективных романов Р.ван Гулика иерархична. Верхнюю ступень иерархии занимает группа главных героев, присутствующая во всех романах писателя. В каждом романе обязательны три группы второстепенных героев, связанные с тремя преступлениями, которые расследует судья Ди. К разряду эпизодических героев относятся и группы героев (разбойники, монахи, жители города), и отдельные персонажи, характеры которых разработаны более детально. К внесценическим образам можно отнести жертву и преступника. Рассказчик, центральный персонаж вступлений к пяти основным романам,

типичен для китайской литературной традиции. Автор появляется в «Предисловиях» и «Послесловиях» ко всем детективным произведениям ван Гулика. Сложность и запутанность взаимоотношений между персонажами ван Гулика объясняется синтезом двух литературных традиций – европейской и китайской – в детективах о судье Ди.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение Европа, Китай, детективный жанр, Роберт ван Гулик, судья Ди, роман, персонаж.

Прежде чем говорить о персонажной сфере романов Р. ван Гулика, нужно учесть следующие особенности его личности и творчества. Р. ван Гулик (1910-1967) – голландский дипломат, ученый-синолог и писатель, создававший свои книги о Китае, как научные, так и художественные, по-английски. Большую часть своей жизни, включая и детство, он провел в Китае, очень его любил, отлично знал и хотел передать свои знания и любовь к этой удивительной стране западной читательской аудитории. Ван Гулик был не только ученым востоковедом, но и переводчиком прозы и поэзии стран Дальнего Востока, в основном Китая. Сам он при этом был все-таки человеком западной культуры, о чем говорит круг его чтения, в нашем случае – те произведения детективного жанра, которые он читал и на которые явно ориентировался в своем литературном творчестве: это Эдгар Алан По, А. Конан Дойль, М. Леблан, С. ван Дайн, Рекс Стаут, Эрл С Гарднер [1, 124], авторы, представляющие европейскую и американскую традиции детектива, предшественники и современники писателя. Ван Гулик читал и Агату Кристи и даже состоял с ней в переписке [1, 124].

Изучение персонажной сферы романов ван Гулика облегчается собственными заметками писателя, «Предисловиями» и «Послесловиями» к его романам.

Персонажная сфера является неотъемлемым элементом произведения, рассказывающего о жизни и взаимоотношениях людей. Персонажи не равнозначны, их существование в книге, их действия и роли в развитии сюжета подчинены определенной иерархии. Согласно западной традиции детективной литературы, в книгах этого жанра на верхней ступени иерархии находится сыщик (главный герой), далее идут его помощники (второстепенные герои), а также люди, по мере необходимости включающиеся в ход расследования – подозреваемые и свидетели (эпизодические персонажи). Поскольку в детективах часто расследуется убийство и убийца неизвестен, то жертву преступления и самого преступника можно отнести к внесценическим персонажам: о них говорят, но сами они перед читателем не появляются.

Эту абстрактную схему сразу увидеть в произведениях Р. ван Гулика довольно трудно, поскольку мы имеем дело не с одним романом, а с серией произведений, объединенных главным героем, или, по мнению самого автора, группой главных героев.

Каждый роман ван Гулика начинается разделом под латинским названием *Dramatis personae* [4, xiii-xiv] – «действующие лица [букв. роли/характеры пьесы]», и, перечисляя действующих лиц, автор включает их в группы, соответствующие основным линиям сюжета. Одна из групп, в кото-

рую входят сам судья Ди, Хун Лян, доверенное лицо судьи, помощник, сержант трибунала, отвечающий за делопроизводство, и Ма Жун и Чао Тай, верные помощники судьи, агенты, занимающиеся слежкой и задержанием преступников, выполняющие те поручения, которые требуют не только смекалки, но и физической силы. Тао Ган, бывший мошенник, также стал верным соратником судьи Ди. Эта группа называется «Главные герои».

Как ван Гулик пишет в одном из «Послесловий», «Общей чертой всех старинных китайских детективных историй является то, что роль сыщика всегда исполняет судья округа, где произошло преступление» [6, 297]. Поэтому естественным центром группы «главных героев» является судья Ди, «историческое лицо» [8, 171], о котором, по словам писателя, в наши дни известно много больше, чем о других сыщиках средневекового Китая [7, 211]. Сложность создания образа Ди состояла в том, что, согласно китайской литературной традиции, судья не имеет права на эмоции. Европейский читатель, привыкший к исследованию внутреннего мира героя, сталкивается с человеком-схемой. Если обратиться к роману XVIII в. «Знаменитые дела судьи Ди», переведенному и опубликованному ван Гуликом (этот роман послужил отправной точкой для собственных книг ван Гулика о судье Ди), то мы обнаруживаем, что диапазон эмоций главного героя на удивление узок: судья испытывает и демонстрирует разные степени разгневанности, он либо «сердито кричит» [2, 25], либо «орет» [2, 15]. Он также может «тревожиться» [2, 29] и «подозревать» [2, 34] окружающих. Его обычное состояние – глубокие раздумья [2, 24]. Как сам ван Гулик его характеризует, судья – «державшийся совершенно отстраненно сверхчеловек-сыщик» [7, 213]. Ван Гулик понимал, что такой герой не удержит внимания западного читателя, и в своих книгах «попытался достичь компромисса между «сверхчеловеком», которого требовала китайская традиция, и более человеческим типом личности, который, [как пишет ван Гулик], предпочитаю я – и, возможно, также и многие читатели» [7, 213]. Ван Гулик наделяет своего героя «недостатками» [7, 213], которые должны сделать его более человечным и живым и которые, с точки зрения китайца, могут считаться «добродетелями» [7, 213]: «приверженность к крайнему конфуцианству, превозношение всего китайского и презрение к иноземным «варварам», почитание родителей, оправдание пыток» [7, 213].

К группе «главных героев» относятся и помощники судьи Ди, находящиеся рядом с ним во всех семнадцати детективах. В Первой главе переводного романа «Знаменитые дела судьи Ди» каждому из помощников дается характеристика, изменений в которой не предполагается. Так, Хун Лян, «старый слуга» [2, 8] семьи Ди, «в преклонных годах, но ...отважный человек» [2, 8], выполняющий любые поручения судьи и имеющий «от природы дар к распутыванию преступлений» [2, 8]. Ма Жуну и Чао Таю дается общая характеристика: это бывшие «братья зеленого леса» [2, 9], то есть разбойники. Когда они напали на судью и его спутников, проницательный Ди заметил, что они люди небезнравственные, «склонные к героизму», и ему «показалось, что он мог бы изменить их к лучшему и позже взять их к себе на службу» [2, 9]. Ван Гулик так пишет об этих персонажах: «Каждый китайский детек-

тивный роман описывает этих помощников как бесстрашных силачей, отлично знающих китайский бокс и борьбу» [5, 264]. Однако в китайских романах у этих героев внутренний мир как если бы отсутствует совершенно. Ван Гулик берет за основу слова Ма Жуна и Чао Тая, обращенные к судье Ди: «Мы оба предались этому презренному занятию, только потому, что мы обнаружили, что Империю охватила смута, а дурные министры [вошли в силу] при Дворе. У нас ... не было иного пути, чем стать разбойниками» [2, 9], и сочиняет каждому из героев правдоподобное прошлое. Если в китайских романах различий в характерах Ма Жуна и Чао Тая нет, то ван Гулик создает два непохожих друг на друга характера с соответствующим каждому из них прошлым. Ма Жун, сын владельца маленького речного корабля, обучался по желанию отца боксу и боевым искусствам, чтобы в будущем стать военным. Когда отец умер, ему пришлось продать все имущество, чтобы покрыть долги отца. Некоторое время Ма Жун работал у некоего судьи, бравшего взятки и с легкостью нарушавшего закон, затем, не стерпев, однажды ударил судью и был вынужден бежать [2, 15]. Это простой, приземленный человек, любящий женское общество, выпивку и грубоватые шутки. В противоположность Ма Жуну Чао Тай происходит из известной аристократической семьи, бывший военный, поэтому ему пришлось сменить имя, когда он стал разбойником. Причиной, по которой он дезертировал, стала бессмысленная гибель его товарищей по приказу их общего начальника. Чао Тай поклялся разыскать и наказать этого человека, поскольку официальное расследование военного преступления начато не было. Чао Тай – трагическая фигура. Он несчастлив в любви. Женщины, в которых он влюбляется, столь же неординарны, как и сам Чао Тай. Так, однажды он завязал отношения с корейской куртизанкой, которая заманила Чао Тая в засаду, и едва не был убит. Куртизанка погибает сама и, умирая, объясняет, что вступила с ним в связь, чтобы добывать сведения для корейских повстанцев, полюбила его, но предала возлюбленного «ради Кореи». Европейскому читателю такой накал чувств был бы понятен и интересен, но, как говорилось выше, в традиционных китайских судебных романах помощники судьи не попадали в подобные ситуации и не проявляли высоких чувств.

Вторая категория персонажей связана с преступлениями, которые расследуют судья Ди и его помощники. В каждой книге в соответствии с традицией китайского «судебного» романа видим три сюжетные линии, три преступления. Обычно бытие второстепенных персонажей ограничивается одной книгой, но все же есть второстепенные персонажи, переходящие из книги в книгу. Так, например, госпожа Ку, урожденная Цао, из романа *The Chinese Gold Murders*, имеющая непосредственное отношение к «Делу Сбежавшей Невесты», сначала осталась в доме судьи Ди как гостья, поскольку ей некуда было идти, а потом стала его третьей женой и, соответственно, время от времени ее имя упоминалось и в других книгах. То же можно сказать об уйгурке Тульпе: в одной книге мы видим ее прислужницей в дешевой харчевне, а в другой – матерью семейства.

Среди второстепенных персонажей женщины занимают важное место. Как писал ван Гулик, «... я попытался ответить на – вполне резонное! – требование некоторых читателей о том, что прекрасный пол должен играть более значительную роль в жизни судьи Ди» [7, 207]. Если обратиться к «Знаменитым делам судьи Ди», то женские образы там схематичны. Например, старушка, которую встречает на рынке судья, «пожилая ...с согбенной спиной» [2, 30]. Судья Ди описывает ее внешность: «...кожа сухая и желтая, голубые вены набухли» [2, 31]. С другой стороны, невестка старушки молода и потому должна быть красива: «Она была женщиной тридцати лет, одетая в простое домашнее платье и еще не накрашенная; но это не мешало ее чувственной красоте. Судья Ди мог представить себе, что одного взгляда на нее было бы достаточно, чтобы довести мужчин до головокружения. У нее был снежно-белый лоб, и ее щеки были розовые» [2, 35-36]. По характеру старушка легковерна [2, 32] и глуповата [2, 36], время от времени принимается плакать [2, 36]. Ее невестка, напротив, раздражительна, относится к свекрови без всякого уважения, бранит и оскорбляет ее [2, 36]. В этой паре персонажей старушка и ее маленькая внучка – жертвы, а невестка с ее чувственной красотой – злодейка и преступница.

В романах ван Гулика преступления совершают не только мужчины, но и женщины, причем, в согласии с традицией западного детектива, судье нужно вычислить преступника среди подозреваемых, в то время как в китайских «судебных» романах преступник известен почти с самого начала, и задача судьи состоит в том, чтобы доказать его вину. В романе *The Chinese Maze Murders* Ван Гулик дает читателю подсказку в самом начале, во вступлении, где появилась «пожилая женщина, она слегка хромала, ходила с палкой» [6, 16], «... я поймал столь злобный и плотоядный взгляд, что я торопливо переключил свое внимание на симпатичную молодую чету...» [6, 16]. С одной стороны, как и в китайских романах, читатель понимает, что это персонаж, способный на дурные деяния, с другой, согласно европейской традиции, физический изъян отражает изъян душевный. В предпоследней главе, что тоже характерно для западных детективных романов, оказывается, что эта женщина убийца.

Эпизодические персонажи у ван Гулика разнообразны. Есть хорошо разработанные характеры, есть некий фон: люди, приходящие в помещение суда, чтобы присутствовать на слушании дел; молодежь на улицах города во время праздников, продавцы и покупатели на рынке, монахи на богослужении, разбойники на лесной дороге. Примером эпизодического женского характера может послужить девушка по имени Темная Орхидея, которую впервые встречаем в сцене нападения разбойников на судью Ди, его семью и спутников по дороге в Лан-фан, к новому месту службы судьи: «маленький разбойник» [6, 27], который участвовал в стычке «с удивительным проворством, размахивая коротким кинжалом» [6, 27]. Ди и его спутники обезоружили и связали разбойников и привели их с собой в Лан-фан. Судьба Темной Орхидеи меняется, она остается в семье Ди и учится домашней работе. Судья Ди отзывается о ней: «...справляется хорошо; ...трудолюбивая и умная работ-

ница» [6, 115]. Ди считает, что Темная Орхидея – «наиболее подходящий человек, чтобы собрать информацию» [6, 115] в доме, где произошло преступление. И характер девушки читателю открывается с новой стороны: «независимая и предприимчивая девушка» [6, 116] наблюдательна, сообразительна, умеет делать выводы из собранной информации и помогает судье найти преступника. При этом Темная Орхидея почтительна по отношению к своему отцу, она послушная дочь и любящая сестра.

Как говорилось выше, внесценическими персонажами в детективных романах чаще всего являются жертвы преступлений. Сыщик и его помощники постоянно разговаривают о них, расспрашивают членов их семей, друзей, возможных подозреваемых, и постепенно перед читателем возникает образ погибшего. Соответственно, судья, а вместе с ним и читатель, могут догадаться, кто совершил преступление. Такие персонажи есть и в романах ван Гулика, например, генерал Дин и девушка по имени Белая Орхидея в романе *The Chinese Maze Murders*, поэтесса Серебряный Лотос в романе *The Lacquer Screen*.

В произведениях ван Гулика есть еще два персонажа. Они стоят вне основного повествования. Один из них – Рассказчик. Согласно китайской литературной традиции, пять романов писателя, действие которых соответствует начальным этапам пяти основных периодов жизни судьи Ди, открываются главами, которые прямо не соотносятся с основным повествованием: «Я...усвоил китайский обычай начинать роман о преступлении краткой вводной историей, в которой в завуалированном виде упоминаются главные события книги» [3, 286]. Главным героем таких глав является Рассказчик. Это не один и тот же человек. В роли Рассказчика выступают «притворно добропорядочный собиратель фарфора эпохи Сун» (*The Chinese Bell Murders*), «исследователь литературы о преступлениях» (*The Chinese Maze Murders*), «чиновник» (*The Chinese Lake Murders*), «старый писец» (*The Chinese Gold Murders*), «муж-подкаблучник» (*The Chinese Nail Murders*) [7, 215-216]. Каждый из названных персонажей рассказывает историю, которая становится отправным пунктом основного повествования и предвещает его события.

Последний персонаж, присутствующий во всех произведениях ван Гулика, – он сам как Автор. В каждой книге есть «Предисловие» и «Послесловие», в которых Автор подготавливает западного читателя к восприятию китайских реалий. Однако иногда случается так, что Автор выходит за рамки предписанной ему роли, и тогда нам представляется возможность увидеть другого ван Гулика, человека, пережившего Вторую Мировую войну: «... нам следует быть осторожными в осуждении более грубой нравственности других времен. Когда я размышляю над замечательными достижениями современного человека в массовых пытках и убийствах в концентрационных лагерях, и особенно в массовом уничтожении человеческих жизней, которое стало возможно в результате новейших достижений прогресса, я не могу не думать, что большая часть жестокостей, совершенных в прошлые века, была всего лишь неуклюжими попытками сущих любителей» [7, 213-214].

Наблюдение над персонажной сферой романов о судье Ди показывает, что образы героев в романах Р.ван Гулика являются результатом синтеза за-

падной и восточной культуры, литературных традиций Запада и Китая. Однако нужно отметить, что в основе своей персонажи, созданные Р.ван Гуликом, принадлежат к западной литературной традиции, в то время как китайская литература стала источником внешних черт действующих лиц в романах о судье Ди.

Список литературы

1. Ненарокова М.Р. Детективные романы Р.ван Гулика как синтез литературных традиций Европы и Китая// Теоретические и прикладные аспекты современной науки. Белгород, 2015. № 9-4. сс.122-129.
2. Celebrated Cases of Judge Dee (Dee Goong An). An Authentic Eighteenth-Century Chinese Detective Novel. tr., intr., notes by Robert van Gulik. New York, 1976. – p. XXIII, 237.
3. Gulik, R.van. The Chinese Bell Murders. NY, 1991. – 288 p.
4. Gulik, R. van. The Chinese Gold Murders. L., 1959. – 202 p.
5. Gulik, R.van.The Chinese Lake Murders. L., 1990. – p. 270.
6. Gulik, R.van. The Chinese Maze Murder. L., 1990. – p.302, [2].
7. Gulik, R.van. The Chinese Nail Murders. L., 1990.
8. Gulik, R.van. The Willow Pattern. NY, 1965. – 174 p.

РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРЕССЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В АМЕРИКЕ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКОВ)

Новак М.В.

доцент кафедры теории журналистики Института филологии, журналистики и международной коммуникации, кандидат филологических наук,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Бирючинская А.А.

студентка экономического факультета,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Посупонько А.Н.

студент магистратуры «Реклама и PR» Института филологии, журналистики и международной коммуникации, Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья рассказывает о начальном и самом активном периоде развития русской православной печати на территории нынешних США. Для обеспечения финансовой самостоятельности издания вынуждены были осваивать современные им маркетинговые технологии, применяя их не только для продвижения собственных изданий, но и для организации и институализации всей русской диаспоры страны.

Ключевые слова: самореклама, карпато-русская печать, диаспора, православная пресса.

В систему традиционных собственно журналистских функций русской эмигрантской конфессиональной и конфессионально-ориентированной прес-

сы русской эмиграции, функционирующей в условиях свободных рыночных отношений, активно внедрялись маркетинговые приемы и технологии продвижения [1]. Эта новая для газет практика должна была стать синтезом опыта в первую очередь «светской» прессы, причем, опыта, интернационального по происхождению: русского, европейского (карпато-русская печать) и американского [2. С. 108]. Маркетинговая деятельность, которую русским профессиональным изданиям пришлось стремительно осваивать на территории Америки, касалась достаточно широкого спектра товаров и услуг. Кроме того, активно велась религиозными изданиями социальная реклама, а также самореклама и самопродвижение.

Учитывая то, что основной задачей исследуемых изданий было не привлечение прибыли, а оказание идеологического и организационного воздействия на аудиторию, основной особенностью этих изданий в их рекламной деятельности становится стремление совместить рекламную, информационную и организационную функции. Так, газета «Американская Православная Русь» призывает читателей не просто распространять издание, но собирать деньги на организационную деятельность русской колонии. А газета «Возрождение России» не только начинает вести активную саморекламу с первых же выпусков, но и дает четко выверенные указания по маркетинговому продвижению на рынок своей газеты, демонстрируя неординарную коммерческую хватку и опыт, рекомендуя:

«1. ...Продавайте сами и сговоритесь с книжными магазинами и стэндами в местах скопления русских о продаже нашей газеты.

2. Вербуйте новых подписчиков. Подписная цена всего один доллар. Этот доллар легко получить обратно при покупке в виде скидки с цены каталога... книжного склада.

3. Каждый прочитанный номер не выбрасывайте, а посылайте своим друзьям и знакомым. Пересылка стоит всего 2 или 3 сента.

4. Присылайте нам адреса русских магазинов, торгующих русскими книгами, и адреса всех русских, и особенно русских организаций, школ и обществ.

5. Собирайте на местах объявления.

6. Пишите нам о всех интересных событиях в жизни русской колонии и русской церкви» [3].

При этом, нижеследующая приписка говорит о том, что эту рекламу можно причислить более к социальной, нежели к коммерческой: «Имейте при этом постоянно ввиду, что наша газета дело общественное и **АБСОЛЮТНО НЕ ПРЕСЛЕДУЮЩЕЕ КОММЕРЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ**» [3].

Практикуется газетами и продвижение других изданий сходной идейной направленности. Так, газета «Правое дело» объявляет начало подписки на «Американский Православный Вестник»; газета «Любовь» сообщает о выходе очередного номера народного журнала «Наука»; газета «Русский Клич» призывает распространять «настоящую русскую газету» «Сын Отечества»; монархическая газета «Россия» рекламировала газету «Фашист» Главного Штаба Русских Фашистов.

Русское Православной Общество «Любовь» в своем одноимённом печатном органе, кроме рекламных объявлений о приёме в члены общества и подробных отчетов обо всех видах его деятельности, часто использовала и популярные тогда беллетризованные формы рекламы [4]. Такая публикация могла носить характер пересказа эпизода из жизни, рассказанного участником/очевидцем, либо принимала форму проникновенной исповеди.

Рекламируются газетами и события, организованные своей организацией-издателем, и направленные на консолидацию всей русской колонии. Так, газета «Правда» под заголовком «Приезжайте в Ст.-Луис, на малорусский вечерок» рассказывает о ходе подготовки к будущему событию и анонсирует песни, которые будет исполнять хор. Газета «Свет» рекламировала патриотическое мероприятие – «общенародный русский национальный день», организованный газетой «Россия», при этом анонсируя его, как день общерусской солидарности и единства, участвовать в котором – долг всех русских людей [5].

Любое значимое торжество, юбилей или мероприятие сходного по политическим взглядам или идеологическим устремлениям издания поддерживается и предается гласности на страницах других русских газет. Такое событие презентуется как вклад в дело спасения родины. Газета «Россия» отзывается на выход юбилейного, 100-го номера «Русской Газеты» пафосным поздравительным объявлением. Она отмечает: «этот успех, эта стойкость, эта живучесть» русского патриотического издания являются национальным подвигом, национальным чудом, а ее сотрудники «шлют свои искренние поздравления с Русским национально-духовным успехом своему собрату, «Русской Газете»» [6].

Таким образом, реклама в конфессиональной печати не просто выполняет маркетинговые функции, информируя читателя о продаже товаров или услуг, не только является источником дополнительного финансирования, но и выполняет собственную коммуникативную функцию – расширяет столь необходимый в среде эмиграции обмен информацией. Например, газета «Любовь», размещая рекламный модуль «Новая русская колония в Фолсом, самом прекраснейшем месте из окрестности Филадельфии, Па.» о продаже незанятых земель, стремится тем самым помочь членам эмигрантского сообщества, которым не удалось еще обустроить свою жизнь в Америке [7].

К использованию коммуникативных возможностей рекламы прибегали и тогда, когда какому-либо начинанию нужна была поддержка или материальная помощь. Когда известному в среде американо-русской эмиграции общественно-коммерческому начинанию – ферме РООВА – потребовалась помощь, газета «Правда» отозвалась публикацией корреспонденции «Кризис на ферме Рова», где дала подробный отчет о движении финансовых средств и общем материальном статусе этого «детиса» эмиграции. Затем газета призвала русские организации «...дать пример своей жертвенностью отдельным роовцам и всем русским людям, которым дорого наше культурное начинание и наш русский общественный центр в Америке». Газета обратилась и к каждому читателю, начав увещевать: «Русские в Америке, наученные горьким опытом, славятся своей отзывчивостью. Каждый год русские благотворительные организации в США собирают громадные деньги для нуждающихся. Неужели эти щедрые жертвователи останутся глухи к нашей беде? Не откла-

дывайте на завтра – пришлите помощь, когда она нужна – сегодня же! Промо-смотрите наш почетный список – в нем нет имен миллионеров –, но вы найдете в нем не мало имен простых русских людей, которые отдали последние деньги» [8].

Таким образом, кроме выполнения рекламно-справочной функции, полосы объявлений этого отряда прессы дают достаточно полную картину экономического положения, организационной активности и духовных запросов русской эмиграции, ее культурной и религиозной жизни. Таким образом, даже в эмигрантских конфессиональных изданиях рекламная информация выполняют важную коммуникативную функцию, помогая церковным организациям в сфере социального служения, благотворительности, миссионерской деятельности, будучи одновременно и серьезным источником финансирования.

Список литературы

1. Кучер А.А., Стрельникова С.В. Реклама и Религия. Вопросы взаимодействия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2003. № 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reklama-i-religiya-voprosy-vzaimodeystviya>.
2. Национальный состав и политическая ориентация первых изданий «русской печати» США / Недогарко М. В., Бешукова Ф. Б. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. - 2011. - Вып. 3. - С. 108-113.
3. «К нашим читателям». // «Возрождение России», 15 мая, 1926 г.
4. Михайлов С.А. История становления и развития американской журналистики. URL: evartist.narod.ru/text6/037.htm
5. «Свет». 7 мая, 1907 г.
6. «Привет Русской Газете». «Россия», 19 июля, 1933 г.
7. «Любовь», 15 декабря, 1924 г.
8. «Правда», февраль, 1969 г.
9. Иванова Т.Н. Современная русская православная периодическая печать: типология, основные направления, жанровая структура: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 175 с.
10. Михайлов С.А. История становления и развития американской журналистики. URL: evartist.narod.ru/text6/037.htm
11. Недогарко М.В., Бешукова Ф.Б. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2011. – Вып. 3. – С. 108-113
12. Раков А. Реклама в религиозных СМИ // Православная и мусульманская пресса. URL: http://www.library.pravpiter.ru/book_
13. Родченко В., диак. Генезис и типология современной отечественной церковной периодики: дисс. ...канд. богословия. Сергиев Посад, 2008. 418 с.

КОНЦЕПТ «БЕССМЕРТИЕ» В АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сивенко А.В.

магистрант Института межкультурной коммуникации
и международных отношений, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье, рассматривается существование и значение художественного концепта «бессмертие» в английской национальной картине мира. Анализ данного концепта способствует более глубокому пониманию художественной картины мира автора и точного определения идейного замысла литературного произведения, состояние общества в определенной эпохе и их уклада жизни.

Ключевые слова: концепт «бессмертие», Энн Райс «Вампирские хроники», национальная картина мира, авторская картина мира.

Литература была и остается значимой для человечества, и насчитывает многие тысячелетия. Культурно-исторические этапы развития стран и народов мира фиксируется творческими людьми в разных произведениях, в том числе и литературных. Фактически, писатели являются выразителями определяющих и специфических черт национального сознания и менталитета собственного народа. Начиная с древних времен основополагающими и часто обсуждаемыми понятиями в литературе – являются экзистенциальные концепты жизнь и смерть. Концепты жизнь и смерть являются одними из базисных концептов для любого языка, но, несмотря на свою универсальность, отличаются национальной спецификой в каждой лингвокультуре. Но помимо этих двух понятий существует концепт бессмертие, вызывающий не меньше споров и размышлений. Литература многих стран и культур изобилует разнообразными текстами, так или иначе, затрагивающие тему бессмертия. Ранние тексты приписывают бессмертие преимущественно богам («Эпос о Гильгамеше», «Илиада» и «Одиссея» Гомера), позднее при помощи всяких ухищрений или загадочных явлений этот дар стал доступен людям, которых, как принято, считают смертными («Средство Макропулоса», Карела Чапека, «Гарри Поттер и философский камень» Джоан Роулинг).

Рассматривая мировоззрение англоговорящего мира можно отметить, что в англо-русских словарях лексема *immortality* означает: 1) бессмертие, вечность; 2) бессмертие, неувядаемая слава. Она является производной от лексемы *immortal* с имеющим значениями: 1) миф. бессмертные (о греческих и римских богах); 2) обыкн. тот, чье имя бессмертно; бессмертный; вечный; 3) (в атрибутивной функции) бессмертный, неувядаемый, вечный.

В англо-английских словарях лексема *immortality* означает: 1) the ability to live forever; eternal life/the quality or state of being immortal (unending existence); 2) the quality of deserving to be remembered for a long time, lasting fame; timelessness.

В английском языке существуют идиоматические выражения со словом *immortality*: to attain /to obtain/ to achieve immortality – покрыть своё имя неувядаемой славой, обессмертить себя, обретать бессмертие; to crown smb. with immortality – увековечить чье-л. имя.

Основываясь на этих данные, можно сказать, что концепт *immortality* кодируется как 1) существование, неподвластное смерти и неподвластное времени; 2) исключительное качество, свойственное только богам, 3) непреходящая известность после смерти; 4) бесконечность; 5) неподверженность изменениям; 6) безвременье.

Рассматривая идиоматические выражения можно сделать вывод, что в концепте *immortality*, главным образом, для носителей английского языка задействовано представление о бессмертии в виде обретения долгой славы и это объяснимо, так как эмпирических доказательств человеческого бессмертия не существует. Остальные признаки и средства репрезентации этого кон-

цепта наиболее ярко могут раскрываться у религиозных представителей общества (напр. «бессмертие души», «рай-ад») и у людей творческого склада ума, выражающих свое мировоззрение через свои произведения искусства.

В настоящее время проблематика физического бессмертия актуализируется во многих произведениях массового искусства. Трудно не заметить растущую популярность современных американских телесериалов («Дневники вампира» 2009 г.), фильмов («Сумерки» 2008 г.), где главные герои зачастую люди со сверхспособностями, умеющие легко преодолевать естественные законы бытия. Среди них много мифических героев, фольклорных представителей разных народов. Наиболее популярными из них являются вампиры, которые, изначально были исключительно антигероями. Этот образ эволюционировал и теперь, как правило, вампир имеет характерные черты присущие индивидууму еще не превращенного человека, то есть вампиризм – это способ получить бессмертие, не теряя своей индивидуальности. Идея обретения дара бессмертия став вампиров одновременно притягивает и отталкивает.

Одной из законодательницей «очеловеченного» вампира в литературе можно считать американскую писательницу Энн Райс, создающую серию романов «Вампирские хроники» до настоящего времени. Известно, что причиной написания первой книги из серии «Вампирские хроники» Э.Райс послужила потеря малолетней дочери. Тяжело переживая личное горе, она в течение нескольких месяцев создает роман «Интервью с вампиром» 1976 г., где одним из главных героев Клодия (англ. Claudia) – «приёмная дочь» Лестата и Луи, ставшая вампиром будучи ребёнком, является прототипом ее дочери.

Осмысление триады жизнь-смерть-бессмертие красной полосой проходит в этой серии романов и является неотъемлемой частью концептосферы данных произведений. Ее герои – это люди и вампиры, которые постоянно размышляют о смысле жизни, смерти и бессмертия, вопросах ада,рая, души и возможности полного забвения. Ключевое слово *immortality* в романе «Интервью с вампиром» употребляется около 15 раз, что может вызвать сомнения в его состоятельности как репрезентанта базового концепта. Однако вокруг него группируются синонимичные и антонимичные единицы, образуя семантические комплексы, тождественные и синонимические повторы. Их связь подкрепляется сюжетным построением, в котором у каждого из главных персонажей, так или иначе, связан с бессмертием.

Следует отметить неоднозначное отношение автора к бессмертию, так как не все герои рады обретению вечной жизни, и открыто заявляют это в диалогах, например: «... How many vampires do you think have the stamina for immortality? They have the cost dismal notions of immortality to begin with. For in becoming immortal they want all the forms of their life to be fined as they are and incorruptible: carriages made in the same dependable fashion, clothing of the cut which suited their prime, men attired and speaking in the manner they have always understood and valued. When, in fact, all things change except the vampire himself; everything except the vampire is subject to constant corruption and distortion. Soon, with an inflexible mind, and often even with the most flexible mind, this immortality becomes a penitential sentence in a madhouse of figures and forms that are hopelessly unintelligible and without value ...» [4, с. 283].

«...Многим ли хватит мужества жить вечно? Почти у всех вампиров довольно убогое представление о бессмертии. Они хотят, чтобы все вокруг оставалось неизменным, как они сами: чтобы кареты делали по старому доброму образцу, платья шили по моде их молодости, чтобы люди разговаривали и вели себя так, как было принято в их время. Но все всегда меняется, кроме, разумеется, самого вампира. Вот почему не только для твердолобых, но и для тех, у кого весьма гибкий ум, довольно скоро бессмертие превращается в вечное заключение в сумасшедшем доме среди непонятных и бессмысленных существ и предметов ...» [2, с. 265].

Из этого фрагмента можно выделить несколько концептуальных признаков художественного концепта *immortality*: бессмертие – ограничение, наказание (*immortality/бессмертие – a penitential sentence in a madhouse /вечное заключение в сумасшедшем доме, позволяет*). В американской лингвокультуре концепт *immortality* выражает идею о том, что бессмертие – это посмертная слава или одна из сверхспособностей сверхлюдей, но в романе Энн Райс эта идея представляется как некий неприятный опыт – заточение, наказание.

Проблема физического бессмертия подталкивает вновь и вновь переосмысливать преимущества и недостатки вечной жизни. Анализ данного концепта способствует более глубокому пониманию художественной картины мира автора и точного определения идейного замысла литературного произведения, состояние общества в определенной эпохе и их уклада жизни.

Список литературы

1. Мюллер В.К. Большой англо-русский, русско-английский словарь. Современная редакция. 120 тысяч слов (Н. Симонова, Г. Уильямс). – М.: «Стандарт», 2015.-832 с.
2. Райс Энн. Вампирские хроники. Интервью с вампиром. Вампир Лестат. Серия: Шедевры мистики М. – СПб. Эксмо – Домино 2003г. 976 с.
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – М.: «Cambridge University Press», 2009. – 1852 с.
4. Interview with the Vampire. Anne Rice. Языки: Английский. 2009, Ballantine Books. ISBN 978-0-345-33766-5, 344 с.
5. [Электронный ресурс] <http://translate.esacademic.com/Immortality/en/ru/> (дата обращения: 01.12.2015).

АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРОПОВ В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ В.В. МАЯКОВСКОГО «ЛИЛИЧКА» НА АНГЛИЙСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

Шарафутдинова Л.Р.

преподаватель английского языка кафедры английского языка в сфере высоких технологий, аспирант кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики, Казанский федеральный университет, Россия, г. Казань

Данная статья посвящена анализу перевода поэтических тропов в стихотворении В.В. Маяковского «Лиличка». В стихотворении присутствует множество стилистических.

фигур, перевод которых может вызвать некоторые сложности. Автор анализирует соответствие тропов, использованных в переводах, оригиналу.

Ключевые слова: Маяковский, Лиличка, тропы, сравнительный анализ, стилистические фигуры.

Данное стихотворение было для анализа выбрано не случайно. «Лиличка» – одно из наиболее известных произведений поэта, написанное в 1916 году, которое было переведено на несколько иностранных языков, в числе которых были так же английский и турецкий. Кроме того, стихотворение изобилует стилистическими фигурами, сравнительный анализ которых представляет для нас интерес с лингвистической точки зрения. В статье будут использованы переводы Андрея Кнеллера (английский) [1] и Атаола Бехрамоглу (турецкий) [2].

Для проведения анализа целесообразно будет разбить стихотворение на четыре примерно равных отрывка.

Дым табачный воздух выел. Комната - глава в крученокском аде. Вспомни - за этим окном впервые руки твои, испуганный, гля- дил. Сегодня сидишь вот, сердце в железе. День еще - выгонишь, можешь быть, изругав. В мутной передней долго не влезет сломанная дрожью рука в ру- кав.	Tobacco smoke eats the air away. The room,-- a chapter from Kruchenykh's Inferno. Recall,-- by the window, that day, I caressed you ecstatically, with fervor. Here you sit now, with your heart in iron armor. In a day, you'll scold me perhaps and tell me to leave. Frenzied, the trembling arm in the gloomy parlor will hardly be able to fit the sleeve.	Tütün dumanı kemiriyor havayı. Oda Kruçyonih'in Cehennem' inden bir bölüm gibi. Anımsıyor musun İlk kez ardında bu pencerenin tutkudan çıldırmışçasına okşamıştım ellerini. Şimdi oturuyorsun aynı yerde, yüreğin demirden bir kılıf içinde. Ve yarın paralayan sözlerle kovacaksın belki beni Ve loş antrede uzun süre titreyişlerle sarsılan bir kol bulamayacak
---	---	---

Первый отрывок изобилует поэтическими тропами. В первом же предложении мы видим метафору «дым табачный воздух выел...». В вариантах перевода метафора сохранена – в английском варианте перевод дословный, в турецком приведен слегка измененный вариант метафоры – «табачный дым грызет воздух». Следующая же строчка – сравнение комнаты с адом Крученок, идентичное во всех трех вариантах стихотворения.

Следующий поэтический троп, который мы видим – метафора «сердце в железе». В английском и турецком вариантах перевод несколько отличается от оригинала и звучит как «сердце в железной броне» (английский) или «сердце в железном чехле» (турецкий).

В последнем предложении данного отрывка оригинала мы видим метафору «мутная прихожая», которая не была сохранена ни в одном из вариантов перевода. Так, в английском варианте мы видим словосочетание «су-

мрачная прихожая», в турецком – «полутемная прихожая». В обоих случаях прилагательное употреблено в своем прямом значении, утратив переносный смысл, заложенный в оригинале.

Выбегу, тело в улицу брошу я. Дикий, обезумлюсь, отчаяньем иссекась. Не надо этого, дорогая, хорошая, дай простимся сейчас. Все равно любовь моя – тяжкая гирия ведь – висит на тебе, куда ни бежала б. Дай в последнем крике вырветь горечь обиженных жалоб.	I'll rush out and hurl my body into the street,-- distraught, lashed by despair and sadness. There's no need for this, my darling, my sweet. Let's part tonight and end this madness. Either way, my love is an arduous weight, hanging on you wherever you flee. Let me bellow out in the final complain	Çıkacağım, ezilmiş. Fırlatacağım vücudumu sokağa. Yabanıl çılgın umutsuzlukla paramparça. Hayır gerek yok buna, sevgilim, biriciğim, gel vedalaşalım şimdiden. Ağır bir gülle gibi aşkım nereye kaçarsan kaç asılıdır sana nasıl olsa. Bırak son bir haykırıyla uluyayım horlanmışlığın acı yankısını.
--	--	---

Данный отрывок начинается со стилистической фигуры «тело в улицу брошу...», что можно отнести к метонимии. Подобная конструкция сохранена и в обоих вариантах перевода.

Следующий троп – «отчаянием иссекась», метафора, которая точно передана в английском варианте перевода, но изменена в турецком стихотворении. В дословном переводе с турецкого данная фраза звучит как «разбитый вдребезги безнадёжностью».

В предпоследнем предложении данного отрывка присутствует метафора «любовь моя – тяжкая гирия», которая также имеет место в обоих вариантах перевода. Тем не менее, при переводе она была несколько видоизменена. Так, в английском для передачи данной метафоры используется выражение «arduous weight», то есть конкретное понятие гири, присутствующее в оригинале, было заменено на абстрактное слово «вес». Изменения претерпело и прилагательное – если в русском варианте автор использовал эпитет «тяжкая», подразумевая буквально тяжелый вес, то в английском варианте слово «arduous» имеет несколько отличное значение – тяжелый в значении «трудный». В турецком стихотворении переводчик использовал выражение «словно тяжелый снаряд». Кроме того, интересно отметить, что в турецком варианте произведения метафора превращается в сравнение, поскольку появляется словно «словно».

Если быка трудом уморят - он уйдет, разляжется в холодных водах. Кроме любви твоей, мне нету моря, а у любви твоей и плачем не вы- молишь отдых.	A laboring bull, if he had enough, will leave and find cool water to lie in. But for me, there's no sea except for your love,-- from which even tears won't earn me some quiet.	Çalışmaktan anası ağladığında öküzün gider salar kendini soğuk sulara. Aşkından başka deniz yok bana, ve gözyaşları da bir erinç
---	--	---

Захочет покоя уставший слон - царственный ляжет в опожаренном песке. Кроме любви твоей, мне нету солнца, а я и не знаю, где ты и с кем. Если б так поэта измучила, он любимую на деньги б и славу вы- менял, а мне ни один не радостен звон, кроме звона твоего любимого имени.	If an elephant wants to relax, he'll lie, pompous, outside in the sun-baked dune, Except for your love, there's no sun in the sky and I don't even know where you are and with whom. If you thus tormented another poet, he would trade in his love for money and fame. But nothing sounds as precious to me as the ringing sound of your darling name.	koparamıyor ondan. Yorgun fil sessizliği aradığında yatar kızgın kumlara saltanatla. Aşkından başka güneş yok bana. Ve bilmiyorum bile neredesin şimdi ve kiminle. Eğer bir başka şair olsaydı böylesine üzdüğün, onarırdı acısını parayla ve ünle. Fakat sevinç vermiyor bana hiçbir çinilti senin sevgili adının çiniltisennen başka.
---	---	--

Первым поэтическим тропом в данном отрывке является метафора «Кроме любви твоей мне нету моря», в которой поэт сравнивает любовь с морем. Данная метафора точно воспроизведена в обоих вариантах перевода. Следующий троп – олицетворение, строчка «а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых», где любовь отождествляется с живым существом. И в турецком, и в английском вариантах перевода этот троп сохранен, хотя имеется несущественное отличие – вместо слова «плач» использованы слова «tears» и «gözyaşları», что переводится как «слезы».

В следующем предложении мы можем выделить эпитеты «царственный слон» и «опожаренный песок». Первый эпитет был несколько видоизменен в обоих вариантах перевода – в английском языке мы видим словосочетание «величественный слон», в турецком – меняется и структура выражения. Если переводить его дословно, получается «слон ложится с царственностью/слон ложится царственно», то есть эпитет, который в оригинале описывал самого слона, в турецком варианте перевода относится к тому, как сон совершает действие. Что касается неологизма Маяковского «опожаренный», то в обоих случаях переводчики обошлись уже существующими лексемами – в английском языке слово «опожаренный» переведено как «sun-baked» – дословно «высушенный, испеченный на солнце», в турецком – как «kızgın», что переводится как «раскаленный».

Следующий троп – метафора, практически абсолютно идентичная первой метафоре из данного отрывка – «Кроме любви твоей, мне нету солнца», которая, как и в предыдущем случае, была точно переведена на оба языка.

Последним поэтическим тропом в данном отрывке является метафора «звон имени». В английском варианте она несколько видоизменена, не теряя, впрочем, своего смысла: «ringing sound of your [...] name» – «звонящий звук твоего имени». В турецком варианте использовано слово «çinilti», которое невозможно точно перевести на русский. Лексема «çinilti» является звукоподражанием, который в словаре турецких диалектов описывается как «звук, издаваемый натянутой шерстяной нитью» [3].

И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать. Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа. Завтра забудешь, что тебя короновал, что душу цветущую любовью выжег, и суетных дней взметенный карнавал растреплет страницы моих книжек... Слов моих сухие листья ли заставят остановиться, жадно дыша? Дай хоть последней нежностью высте- лить твой уходящий шаг.	I won't drink poison, or jump to demise, or pull the trigger to take my own life. Except for your eyes, no blade can control me, no sharpened knife. Tomorrow you'll forget that it was I who crowned you, who burned out the blossoming soul with love and the days will form a whirl- ing carnival that will ruffle my manuscripts and lift them above... Will the dry autumn leaves of my sentences cause you to pause, breathing hard? Let me pave a path with the final ten- derness for your footsteps as you depart.	Atmayacağım bir boşluğa kendimi, zehir içmeyeceğim. Ve dayayıp şakağıma namluyu çekmeyeceğim tetiği. Ağzı hiçbir bıçağın bakışların kadar senin kesemez beni. Yarın unutacaksın seni taçlandırdığımı, ve yakıp tükettiğimi çiçeklenmiş bir ruhu aşkla. Ve uçarı günlerin fırtınalı kar- navalı dağıtacak sayfalarını kitaplarımın. Sözlerimin kurumuş yaprakları mı durduracak seni çırpınan soluğuyla. Bırak hiç değilse son bir sevgi dalgası sereyim beni bırakıp giden adımlarının altına.
---	--	---

В данном отрывке мы видим метафору «взгляд – лезвие ножа», которая дословно переведена на турецкий, но несколько видоизменена в английском варианте перевода метафора была несколько изменена: «no blade can control me, no sharpened knife» – «никакое лезвие не имеет власти надо мной, никакой заточенный нож».

В следующем предложении поэт использовал две метафоры: «выжег душу любовью» и «карнавал взметенных дней», которые были точно переведены на оба языка. Эпитет «цветущая душа» так же был сохранен в ходе перевода.

Далее следует отметить метафору «сухие листья слов», которая в целом соответствует оригиналу в обоих вариантах перевода. Интересно отметить, что в английском варианте метафора была расширена переводчиком: «dry autumn leaves» можно перевести как «сухие осенние листья». Прилагательное «autumn» было добавлено только в английском варианте перевода.

В начале последнего абзаца присутствует эпитет «последняя нежность», точно переведенный на оба языка.

В целом хотелось бы отметить, что с точки зрения стилистических фигур, оба перевода выполнены довольно точно: большинство тропов оригинала были сохранены как в английском, так и в турецком вариантах перевода.

Список литературы

1. Литературный портал stihi.ru: личная страница Андрея Кнеллера. URL://<https://www.stihi.ru/avtor/akneller> (дата обращения: 25.11.2015).
2. Сайт турецкой поэзии siir.gen.tr: перевод стихотворения «Лиличка» на турецкий язык. URL://http://siir.gen.tr/siir/v/vladimir_mayakovski/lilicigim.htm (дата обращения: 26.11.2015).

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ МИМИКИ И ЖЕСТОВ

Шишкина Т.С.

доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, канд. филол. наук,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Вагина В.О.

студентка, Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

В настоящей статье исследуются особенности вербального выражения мимики и жестов человека.

Ключевые слова: человеческое общение, кинесика, невербальное выражение эмоций, язык тела.

Наибольший интерес к изучению жестов и мимики во всем мире вызвали работы Д. Эфрона, М. Кричли, Ч. Морриса. Серьезным исследованием языка тела с конца 70-х гг. начал заниматься австралийский ученый Аллан Пиз, который является признанным знатоком психологии человеческого общения и автором методики обучения основам коммуникации. Интерес к невербальным средствам общения в XX столетии столь возрос, что выделилась особая область исследований – кинесика. Под кинесикой принято понимать зрительно воспринимаемый диапазон движений, выполняющих экспрессивно-регулятивную функцию в общении. Кинесика – это не только «язык тела» (жесты, мимика, позы, взгляд), но и манера одеваться, причесываться, а также такие движения, которые связаны с использованием предмета: хлопанье дверью, поскрипывание стулом, почерк. Как видно, кинесика – понятие, использующееся для обозначения различных движений человека, но чаще всего при изучении движений рук и лица.

В центре мира стоит человек как личность, имеющая тело, душу, речь, т.е. человек с его чувствами и состояниями, мыслями и словами, поступками и эмоциями. Внешний облик человека складывается из многих составляющих. Альфред Бирах в языке лица выделяет язык глаз (а в нем взгляд), носа, рта, подбородка, ушей, лба, кожи, волос, общих жестов держания головы.

Рукопожатия и поклоны, снятие головного убора – жесты и знаки, выражающие разные оттенки отношений и сопровождающие различные ситуации общения. К языку тела относится язык рук, ног, головы, плеч, туловища в целом.

Очевидно, что по лицам людей в ничуть не меньшей степени, чем по их словам, можно судить об их актуальном эмоциональном состоянии, напри-

мер, нервничают ли они, удивлены чем-то, сердятся или радуются. Телесные проявления эмоций наблюдаются главным образом в мускульной активности отдельных частей лица человека, его рук, ног и головы, в позах, в модуляциях голоса и изменении тона, в особом дыхании и др.

Эмоции и их невербальная концептуализация в большей степени связаны с лицом, чем с другими частями тела. Глаза являются важными выразителями эмоций и чувств, следовательно, велико количество лексических и фразеологических единиц с данным компонентом, отражающих изменение эмоционального состояния человека. Например, удивление проявляется на лице человека следующим образом: поднятые брови образуют горизонтальные морщины на лбу; глаза широко раскрыты; приоткрытый рот имеет округлую форму [1, с. 59].

Лицо – это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений, то есть одной из главных функций лица является эмотивная. Остальные функции лица – коммуникативная, то есть передача адресату определенной информации и отражение межличностных отношений, и регулятивная, в частности контактоустанавливающая и контактоподдерживающая функции.

Между жестовыми и естественными языками наблюдается определенное сходство. Параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в коммуникативном акте возможно в силу того, что глубинные процессы, лежащие в основании невербальной и вербальной деятельности человека, по всей видимости, в существенных отношениях аналогичны.

Жестов, сопровождающих и заменяющих нашу речь, великое множество. Но не все из них международные, общепонятные. Существует немало жестов, используемых только в отдельной стране, у одного или нескольких народов и непонятных для других. К счастью, наряду с ними имеются и такие жесты, смысл которых доступен каждому. Среди них: раскрыть объятия (радушие), чесать в затылке (задумчивость, растерянность), повернуться спиной (показывать неуважение). Однако значение подавляющего большинства жестов не является столь очевидным: во-первых, потому что многие жесты можно по-разному истолковывать в зависимости от ситуации, а, во-вторых, их необходимо рассматривать в сочетании с другими средствами невербального поведения. Интерпретация жестов не является однозначной и зачастую зависит и от национально-культурной специфики разных народов.

Наиболее устоявшиеся жесты обычно закреплены во фразеологизмах каждого этнического языка, что прослеживается, в частности, на примерах русского, английского и немецкого языков: развести руками (досада, недоумение); пожать плечами (сомнение); всплеснуть руками (радость, восторг) [2, с. 163].

Правила невербального выражения эмоций, в том числе правила лицевых выражений, являются в своей основе лингво-, культурно- и социально-специфичными: они меняются от культуры к культуре, от одного социального диалекта к другому и по-разному выражают модификацию выражений лица. Действие этих правил в разных культурах может быть разным.

Список литературы

1. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.
2. Пиз А. Язык телодвижений – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 272 с.

ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Шишкина Т.С.

доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, канд. филол. наук, Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Вагина В.О.

студентка, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Исследование посвящено изучению пражской лингвистической школы.

Ключевые слова: функциональная лингвистика, представители Пражского кружка, структурализм, фонетика.

Философской основой Пражской школы являются теория познания неопозитивизма и феноменология Э. Гуссерля. Возникновение Пражской школы было обусловлено не только закономерными тенденциями развития мировой науки вообще, но и, в частности, некоторыми особенностями развития науки о языке в Чехословакии. С одной стороны, наблюдалось преобладание младограмматизма, а с другой – уже в конце 19 – нач. 20в. в работах ряда языковедов появлялись положения, созвучные идеям Соссюра [1, с. 9].

О Пражской школе можно говорить как о школе функциональной лингвистики. Поскольку понятие функции пронизывает все области исследований пражцев, они понимают язык как функциональную систему, т.е. «систему средств выражения, служащих определенной цели».

Язык является системой, которая находится в определённом движении во времени. Поэтому они считают, что при исследовании развития отдельных явлений нужно иметь в виду всю систему, ибо только тогда можно прийти к удовлетворительным результатам. Даже при реконструкции элементов языка следует учитывать всю систему языка в целом. Ведь конечные цели исторического и структурно-реконструктивного исследования, по мысли пражцев, не отличаются от задач синхронного структурного исследования, поскольку и в том и в другом случае необходимо выявить определённые языковые связи и закономерности. Примером подобных работ могут служить работы Р.О. Якобсона, создавшие основы для разработки диахронической фонологии, а также работы В. Матезиуса, Б. Трнки. В исследовательской практике пражцы сосредоточили своё внимание на синхронном изучении языка. Представители Пражского кружка не стремились выработать некий новый глобальный объективный метод описания языка. С новых позиций они стремились изучать целый ряд проблем: фонологии, грамматики, типологии, форм существования и функционирования литературного языка. Но центральным звеном исследования явились вопросы фонологии.

Пражская лингвистическая школа – одно из направлений современного структурализма. По инициативе известного чешского языковеда В. Матеуза (1882-1945 гг.) был создан Пражский лингвистический кружок. В работе кружка принимали деятельное участие и русские лингвисты, работавшие за рубежом: Н.С. Трубецкой (1890-1938 гг.), С.О. Карцевский (1884-1955 гг.) и Р.О. Якобсон (1896 г.). Пражский лингвистический кружок издавал серию своих «Трудов», а с 1935 г. периодический журнал. На заседаниях кружка выступали многие зарубежные и советские языковеды. Теоретические взгляды членов Пражского лингвистического кружка, объединённым общим интересом к проблемам общего языкознания, изложены в «Тезисах Пражского кружка», предложенных I Международному съезду славистов, состоявшемуся в Праге в 1929 г.

При использовании языка в коммуникативной функции на помощь ему приходят жесты, обстановка, прошлый опыт людей, т.е. внеязыковые элементы. Такой язык пражские лингвисты называют практическим языком. Но бывают случаи, когда в той же функции общения язык пытается стать не зависящей от ситуации системой, стремится быть более полным, точным. Такой язык можно назвать языком теоретическим или языком формулировок.

Представители Пражской школы основывались в своих фонологических изысканиях, с одной стороны, на идеях И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского и частично Л.В. Щербы, с другой стороны, на идеях Ф. де Соссюра. Синхронный подход к языковым явлениям обеспечил представителям Пражской школы определённое решение вопроса о том, что является фонемой, что входит в задачи фонологии и какова связь между фонологией и фонетикой.

По мнению пражцев, задача фонолога заключается в установлении фонологических элементов исследуемой фонологической системы и их взаимоотношений, и в определении, каким способом и в какой мере каждый описываемый язык использует эти фонологические элементы и их всевозможные комбинации. В основу своей фонологической концепции Н.С. Трубецкой положил соссюровское деление речевой деятельности на язык и речь. Соответственно Трубецкой из области ведения традиционной фонетики выделил две самостоятельные специальности: фонетику и фонологию.

Фонетика относится к речи, фонология относится к языку как к системе. Тем самым фонетика и фонология, с точки зрения Трубецкого, это две самостоятельные дисциплины [1, с. 27].

С точки зрения Пражской школы, фонемы реально не произносимы. Будучи научной абстракцией, фонемы реализуются в различных оттенках или вариантах, которые произносимы. В области грамматики в пражской лингвистике наблюдались 3 основных подхода к проблеме разработки её структурного описания. Первый подход нашёл отражение в работах Якобсона, второй – Матеуза и третий – в трудах Скалички.

Список литературы

1. Кондрашов Н.А. Пражская лингвистическая школа. М.: Просвещение, 1999. – 60 с.
2. Интернет ресурсы: <http://philologam.com/terminu/1942-prazhsкая>

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ ШКОЛ ПИЛОТОВ В г. ЧИТЕ В 1930-е ГОДЫ

Астраханцев О.Н.

зав. кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский ф-л Московского государственного технического университета гражданской авиации, Россия, г. Иркутск

Статья посвящена теме создания и развития военных авиационных школ пилотов в г. Чите, осуществлявших подготовку летных кадров для ВВС страны. Рассмотрены основные этапы развития школ, вопросы комплектования переменным и постоянным составом, а также участие военнослужащих школ в вооруженных конфликтах 30-х годов.

Ключевые слова: военно-воздушные силы, военно-учебные заведения, авиация, авиашкола, курсанты, Чита.

В предвоенные годы стала активно расширяться сеть военно-учебных заведений по подготовке военных авиационных кадров в стране. Это коснулось и Сибири. Так, в Чите 19 августа 1938 года начала формироваться 30-я военная школа пилотов в составе 3-х авиационных эскадрилий. Ее начальником был назначен майор Рындин, которого 15 сентября затем сменил – полковник Оковин. 26 октября 1938 года в школу прибыл начальник политотдела батальонный комиссар – Соловьев. В основу комплектования постоянным составом был взят личный состав резерва и частей Забайкальского военного округа (ЗабВО). 7 ноября 1938 года школа была сформирована и получила наименование – 3-я военная школа пилотов. Плановые занятия с курсантами начались сразу после укомплектований эскадрилий. Первая авиационная эскадрилья была сформирована 15 ноября 1938 г., 2-я 20 декабря 1938 г., 3-я 1 февраля 1939 г. В 1939 году учебное заведение было переименовано в Читинскую военную авиационную школу имени Серова. В том же году она была перебазирована в г. Батайск Северо-Кавказского военного округа. Для ее перебазирования было выделено 7 эшелонов. Первый ж/д эшелон убыл из Читы 26 сентября 1939 года, 2-й и 3-й – 27 июня, 4-й – 28 июня 5-й – 29 июня, 6-й – 30 июня, и 7-й – 1 декабря 1939 года [1, д. 14, л. 1]. В дальнейшем в школе была сформирована 4-я авиационная эскадрилья. В основу ее укомплектования, как постоянным, так и переменным составом, вошел личный состав расформированного 1-го Краснознаменного авиационного училища гражданского воздушного флота имени Баранова.

В 1940 году на основании приказа НКО СССР № 008 от 14.03.1940 г. школа приступила к формированию 5-й авиационной эскадрильи. Приказом НКО СССР № 0234 от 28.12.1939 года авиашкола была переименована в Батайскую военную авиационную школу имени Серова [Там же, л. 1 об.].

Часть личного состава авиашколы принимали участие в боевых действиях на реке Халхин-Гол, за что некоторые из участвующих были награж-

дены правительственными наградами. Например, военный техник 1 ранга Махаев Карп Карпович – старший техник звена и военный техник 1 ранга Евдокимов Аким Иванович – инженер авиационной эскадрильи, были награждены медалью «За отвагу». Среди награжденных военнослужащих была и одна женщина – Мария Яковлева Канашина, жена авиационного техника. В 1939 году она была награждена медалью «За боевые заслуги», с формулировкой – «за образцовый уход за ранеными в боях под Халхин-Голом и проявленную при этом самоотверженность» [Там же, л. 6-7 об.]. Канашина была медицинской сестрой в госпитале.

С 1 сентября 1938 по 1 января 1939 года в ЗабВО, в Чите была сформирована еще одна военная школа пилотов [2, д. 1, л. 2]. Первоначально ее формирование проводилось в основном за счет выделяемых кадров из 101-й авиационной бригады ЗабВО. Дальнейшее укомплектование осуществлялось уже из различных частей Военно-воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной Армии (ВВС РККА). Формирование было закончено 1 января 1939 года, и военно-учебное заведение получило наименование – 27-я военная школа пилотов, с местом дислокации в Чите. Школа была сформирована в составе двух эскадрилий.

В декабре 1939 года она была реорганизована из двух эскадрильного состава в четырех эскадрильный состав. В нее также вошел кадровый и переменный состав 3-й школы гражданского воздушного флота (ГВФ). После чего школа была переименована в «Балашовскую военную авиационную школу» с новым местом дислокации – г. Балашов Саратовской области [Там же, л. 2 об.]. 1 мая 1940 года авиашкола реорганизовывалась и развернулась из четырех эскадрилий в пять. В декабре 1940 года произошло ее развертывания до семи эскадрилий [Там же, л. 2 об.]. Командовали авиашколой: полковник Тихомиров Михаил Иванович (с 1938 по 1.08.1941 гг.); подполковник Пушкарев Николай Федорович (с 1.08.1941 по 30.08.1942 гг.); полковник Орадовский Аркадий Зиновьевич (с 30.08.1942 по 26.07.1944 гг.); полковник Пуцыкин Илья Петрович (с 28.07.1944 по 11.06.1946 гг.) [Там же, л. 1].

С мая 1939 года и до окончания вооруженного конфликта, одна авиационная эскадрилья школы, на самолетах СБ под командованием капитана Артамонова принимала участие в боевых действиях против японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол. За успешное ведение боевых действий и личный героизм, командиру эскадрильи капитану Артамонову было присвоено звание Героя Советского Союза. Еще шесть человек из состава эскадрильи были награждены орденами СССР [Там же, л. 5].

Таким образом, военные авиационные школы пилотов в г. Чите были сформированы для удовлетворения потребностей страны в квалифицированных авиационных кадрах. Сформированные в Забайкалье, они были передислоцированы на новые места, где и продолжили свою деятельность.

Список литературы

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39075. Оп. 1.
2. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 60330. Оп. 35749.

УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ КАК ОСНОВА МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Лопатина Н.Л.

доцент кафедры истории и психологии, канд. культурологии, доцент,
Кемеровская государственная медицинская академия, Россия, г. Кемерово

В статье проводятся параллели между утопическими идеями социалистов-утопистов и марксистскими построения социализма. Автор считает, что социализм в СССР провалился не из-за ошибок советских вождей, а из-за утопичности идей социализма. Полагает, что политики мира при выборе вектора развития должны это понимать.

Ключевые слова: социалисты-утописты, социализм, справедливое общество, частная собственность, государство, диктатура, власть, труд, товарно-денежные отношения.

Основные произведения утопических социалистов относятся ко времени становления и развития капитализма. Они были олицетворением протеста против несправедливости периода первоначального накопления капитала. Зачастую к утопистам относятся, как к наивным мечтателям о справедливом обществе. Но не такими уж они оказались фантазёрами, поскольку их идеи, оформленные марксистами в своей революционной теории, стали теоретической основой построения социализма в СССР. Мыслители пришли к пониманию: а) частная собственность является источником социального неравенства и эксплуатации человека человеком; б) общественная собственность и коллективное хозяйствование становятся единственными условиями развития производительных сил; в) товарно-денежные отношения отмирают, так как при общественной собственности происходит не товарный обмен, а натурализованный продуктообмен; г) государство отмирает, заменяясь всеобщим самоуправлением; д) труд является обязательным для всех, становится удовольствием, превращается из необходимости в потребность, средством для всестороннего развития личности; е) распределение формируется на принципе равенства (у некоторых авторов – распределение по потребностям); ж) соревнование между трудящимися придаёт труду привлекательность; з) сельскохозяйственным трудом, как самым тяжёлым, занимается каждый член общества (по очереди); и) классовые различия постепенно исчезают, стираются грани между городом и деревней, между физическим и умственным трудом; к) отдых трансформируется из паразитического времяпрепровождения в занятие другим трудом (наукой, например); л) быт человека (порядок за столом, питание, одежда, квартиры и пр.) детально регламентируется; м) наказания (в том числе и смертная казнь) предусматриваются за нарушения законов (Морелли, например, считал, что родственники преступника должны формально отказаться от него). По вопросу о семье у авторов нет единодушия. Для одних – общество регулирует семейные отношения, вплоть до тюремного заключения или даже казни за супружескую неверность. Для других – господствует свободная любовь. Большинство утопистов предполагали контролировать деторождение для выведения «нового здорового поко-

ления». Для этого считали возможным вмешиваться в интимные отношения людей. Все утописты подчеркивали необходимость общественного воспитания детей, как одного из главных условий формирования нового человека – коллективиста, а не индивидуалиста.

Таким образом, социалисты-утописты описали основные параметры изменений, которые должны произойти при качественной трансформации капиталистического общества в коммунистическое. Несбыточность идей утопистов, по мнению марксистов, состояла в неправильности определения ими путей достижения социальной гармонии. Таким путем, считал Маркс, может быть только социалистическая революция, классовая борьба и диктатура пролетариата. Через социалистическую революцию уничтожается частная собственность, обеспечивается отмирание государства и товарно-денежные отношений, вводится общественная собственность, плановое хозяйство, трудовая повинность. Через общественную собственность обеспечивается стирание классовых различий, граней между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Гегемоном общества является рабочий класс, а руководит всеми процессами коммунистическая партия.

Результатом первой попытки реализации этих идей («военный коммунизм») стали Гражданская война и разрушение экономики. От неё временно отказались (НЭП). Коллективизация (с 1929 г.) стала второй такой попыткой. Колхозы стали витриной социализма: нет частной собственности; имущество обобществлено; во главе колхозов городской или сельский пролетариат; хозяйство плановое; товарно-денежные отношения почти исчезли (введена натуроплата); труд обязателен даже для детей; уголовное наказание за невыработку годовой нормы трудодней (120) и поднятый на поле колосок; ежегодные отпуска и отпуска по беременности, пенсии, праздничные и выходные дни отсутствовали; смена жительства запрещена и др. В результате колхозов была разрушена трудовая и праздничная культура, произошло падение производительных сил деревни, дефицит продовольствия в стране стал хроническим, пьянство стало образом жизни для значительного числа сельчан.

Третья попытка реализации прекраснотушних утопических идей связана с принятием в 1961 г. третьей программы компартии на XXII съезде. В виду откровенной утопичности о программных идеях ликвидации граней между умственным и физическим трудом, городом и деревней, переходу к распределению по потребности и пр. перестали говорить уже во второй половине 60-х, тем более – в 70-х, которые должны были быть предтечей коммунизма 1980 г.

Российская история XX в. показала несостоятельность утопических и марксистских идей построения «справедливого» общества. В СССР реализовывалось то, «чего быть не может». Социалистический эксперимент в России провалился не из-за ошибок и просчетов вождей, а из-за утопичности идей, на которых он проводился. Проблемы российского общества XX-XXI в. негативного порядка следует связывать именно с социокультурными, экономическими и др. последствиями реализации марксистской теории, в которой идеи утопистов получили развитие. И это должны понимать не только в России, но и особенно в странах, в которых политики объявляют социализм «путевой» звездой для своих народов.

РИМ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ОКТАВИАНА АВГУСТА. РЕСПУБЛИКА ИЛИ МОНАРХИЯ

Меримянина А.С.

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Октавиан Август важная личность в истории древнего Рима: древнеримский политический деятель, основатель Римской империи. В статье раскрывается сущность действовавшей в его эпоху формы правления государством, рассматриваются изменения, совершенные Октавианом Августом в Древнем Риме.

Ключевые слова: республика, монархия, принцепс, народный трибун, принцепат, триумвират.

Мы многое знаем об императоре Октавиане Августе, о его положении в государстве, о титулах, полученными им. Но что мы знаем о самом Риме в эпоху его правления? Было ли государство республикой или же монархией? Как же изменилось государство со времен республики?

Наша задача в этой статье – определить форму правления в Риме в эпоху Октавиана Августа, проследить изменения, совершенные им в управлении государством.

Статья может быть актуальна школьникам, студентам, интересующимся историей Древнего Рима или ролью Октавиана Августа в Императорском Риме.

Данная статья состоит из 4 разделов:

1. Краткая история прихода Октавина Августа в политическую жизнь государства;
2. Сохранившиеся черты республики в эпоху Августа;
3. Изменения, произошедшие в государственном устройстве при Октавиане Августе;
4. Некоторые итоги правления Октавиана Августа.

Последняя историческая эпоха в периодизации истории Древнего Рима называется Римской империей, пришедшей на смену Римской Республике (510-30 гг. до н.э.). Она начинается с 30-х гг. до н.э. Первым императором становится Октавиан Август (годы жизни: 63 г. до н.э. – 14 г. н.э.). при рождении он получает имя Гай Октавий Фурин. Решающую роль в жизни будущего императора играет родство с диктатором Юлием Цезарем, которому он приходится внучатым племянником.

В 44 г. до н.э. Октавиан был усыновлен Цезарем и получил три четверти имущества диктатора. В 43 г. до н.э. был создан второй триумвират, членами которого стали сам Октавиан Август, Марк Антоний и Марк Эмилий Лепид. Они поделили верховную власть между собой, создали список неугодных им людей и расправились с ними. После смертей Марка Эмилия Лепида (36 г. до н.э.) и Марка Антония (31 г. до н.э.) Октавиан оказался победителем, стал единственным повелителем всего Рима.

После окончания гражданской войны Август должен был сложить свои чрезвычайные полномочия и передать все дела сенату и народу. Но, выслушав совет приближенного Мецената, осознал невозможность для Рима далее оставаться республикой. Успев расположить к себе народ, армию, ветеранов, сенаторов, Октавиан отказался от верховной власти. Но люди более не представляли своего будущего без Октавиана. В итоге упростили его принять единоличную власть. Все это было удачной и хорошо продуманной инсценировкой.

Тут и подходим к вопросу: Рим в эпоху Августа – это республика или монархия?

Для начала можно предположить, что именно республика являлась формой правления государства. Доказательствами этой гипотезы могут служить следующие факты:

1. Сохранение всех республиканских политических институтов (сенат, магистраты, комиции) и государственных должностей;
2. Отказ Октавиана от юридического закрепления единоличной власти;
3. Невозможность назначить преемника (вытекает из 2 пункта);
4. Существование народных собраний.

Но вопрос не стоял бы о форме правления, если бы в государстве были черты только республики. Октавиан все же изменил систему государственных органов, что повлекло за собой мнение об установившейся монархии. Причины этой точки зрения:

1. Август являлся принцепсом сената, т.е. стал во главе высшего органа Римской империи. Это значило, что Октавиан, согласно древней традиции, имел право первым высказать свое мнение на заседании сената, которое было руководящим для всех сенаторов. Принцепс мог созывать сенатские собрания, когда ему это было удобно. Имел право цензора – корректировать списки сенаторов, удалять из сената всех своих противников.

2. Август стал собирать неофициальный государственный орган – совет принцепса, члены которого были приближенными и друзьями императора. Здесь обсуждались многие государственные дела, щекотливые вопросы, готовились проекты постановлений, которые позже давались на рассмотрение сенаторам. Но на деле этот совет стоял над сенатом.

3. Август владел большими денежными средствами, которые вскоре образовали фиск – особую императорскую казну, которая отличалась от государственной. Из фиска финансировались содержание войска, щедрые раздачи населению, празднества и прочее.

4. Август получил пожизненный трибунат (народный трибун защищал права плебеев): Октавиан имел право вето на решения сената, следил за их деятельностью. Трибунская власть была ценна благодаря ее священному характеру и неприкосновенности личности и прав трибунов. Он, выполняя функцию народного трибуна, нарушал закон, т.к. был не из плебейского рода, а из патрицианского рода Юлиев.

5. «... народ и плебс собирались для выбора своих должностных лиц; однако ничто не совершалось против желания Цезаря» [2, с. 21]. При Октавиане народные собрания продолжали избирать традиционных магистратов

(консулов, преторов, эдилов, квесторов), однако настоящую власть при избирании людей на должности имел Октавиан, народное собрание превратилось в послушное орудие Августа. Император назначал также руководителей новых важных ведомств по управлению городом Римом – префект Рима, префект анноны, префект претория, префект вод.

Таким образом, мы видим, что государственное устройство осталось республиканским внешне, а на самом деле Август изменил структуру настолько, что фактически республика стала монархией. Добился этого Октавиан своей гениальностью. «Обладая фактически монархической властью, Август всю жизнь старался ее завуалировать, делая вид, что он только первый среди равных. Его изощренный ум сумел обуздать его тщеславие, и он никогда не позволял себе роскоши упиваться внешними знаками величия, хотя весь римский мир раболепствовал перед ним» [3, с.88].

Потомки ценили Августа за то, что он сумел оградить Римское государство от внешних опасностей. В автобиографии Август пишет: «Храм Януса Квирина, относительно которого у наших предков было в обычае, чтобы он бывал заперт только тогда, когда во всех владениях римского народа на суше и на море господствует мир, добытый победами, – в то время как от самого основания Рима (с 753 г. до н.э.) и до моего появления на свет, как гласит предание, храм этот был заперт только два раза, за то время, что я был принцепсом, храм этот был заперт три раза по постановлению сената» [3, с.92].

В итоге Октавиан Август вошел в историю, как народный трибун, принцепс, «отец отечества», император, консул, великий понтифик. А государство периода его правления получило особую форму монархии – принципат, совмещающую монархические и республиканские черты.

Список литературы

1. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. – 1975.
2. Дион Кассий. Римская история / Пер. Н.Н.Трухиной // Хрестоматия по истории древнего Рима. М., 1996.
3. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая библиотека Бека. – Ростов н/Дону, 1997.
4. Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; – Калуга, 1994 г.
5. Федорова Е. В. Люди императорского Рима. – Изд-во МГУ, 1990.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

«ЧЕЛОВЕК В НЕСПОКОЙНОМ МИРЕ» (ОБРАЩЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ФИЛОСОФИИ СЕНЕКИ)

Пащак И.В.

доцент кафедры культурологии и философии, канд. филос. наук,
Пермский государственный институт культуры, Россия, г. Пермь

В статье стоическая философия Сенеки Младшего рассматривается в качестве определенной стратегии поведения и выживания индивида в эпоху нравственного, социального и культурного кризиса. Сформированная в эпоху поздней античности, по мнению автора, она представляет некий интерес и для современного человека и социума, обладает не только теоретическим, но и практическим смыслом.

Ключевые слова: стоицизм, стратегия поведения, кризис, нравственность, мужество, мудрость.

Цицерон в далекую античную эпоху назвал науку историю «учительницей жизни», имея в виду ту глубокую мудрость, которой может нас наделить знание прошлых событий, а также и оградить от ряда ошибок в настоящем.

В данной работе мы, основываясь на историко-философском материале (а именно на социально – этических взглядах Луция Аннея Сенеки Младшего) рассмотрим ряд актуальных, жизненных, практических вопросов, которые вставали не только перед римским гражданином, но и современным человеком. Предмет настоящей статьи мы определим так: выявление некой стратегии поведения человека в беспокойном мире, в «эпоху смятения» (выражение Ортеги-и-Гассета), в условиях социально-политического и нравственного кризиса. Мы предпримем попытку определить ценности, ориентиры, которые способны поддержать и вдохновить человека в беспокойное время, способствовать его духовному развитию и совершенствованию. Античная эпоха, а точнее эпоха Древнего Рима периода империи схожа с нашей именно своей «кризисностью», потерей духовных и нравственных ориентиров.

В такие времена важно не отчаяться, не разочароваться в жизни окончательно, сохранять мужество и двигаться вперед, духовно развиваться. И что не менее важно остаться Человеком. Так мы объясняем, может быть, на первый взгляд, несвоевременный интерес к философскому наследию Сенеки (ок.4 г. до н. э.- 65 г. н. э.).

Вначале для раскрытия нашей темы обратимся к некоторым достойным, славным моментам биографии римского философа. Именно к некоторым моментам, так как в целом жизнь и публичная деятельность Сенеки не могут считаться образцовыми, они не безупречны. В непоследовательности его обвиняли еще современники, а потом и

современные исследователи истории философии. Справедливо отмечает А.Н. Чанышев: «Сенека не был примером добродетели. Он был сыном своего времени, своей среды, которая была аморальной. Сенека – пример расхождения мировоззрения и образа жизни» [1, с. 286].

Мы признаем это, но позволим себе сконцентрироваться на светлых, положительных сторонах жизни и этической доктрины философа из Рима. Тезисно их выделим.

1. Сенека не отличался крепким здоровьем, страдал бронхиальной астмой, но тем не менее, сохранял мужество и отбросил мысли о самоубийстве. Естественной смертью философу умереть не удалось, но ушел из жизни он не по доброй воле, а по приказу бывшего воспитанника, императора и тирана Нерона. Схожим мужеством перед лицом смерти обладали Сократ и Эпикур. Для греков и римлян вообще большое значение имел тот факт- как тот или иной человек ушел из жизни. Сенека сделал это достойно и спокойно, сам выбрав способ самоубийства;

2. Сенека при жизни проводил важную педагогическую и просветительскую работу. Воспитывая юного Нерона, он лелеял надежду, что через своего ученика сможет изменить к лучшему ситуацию в Римской империи. По началу, это удавалось. Для Нерона философ даже специально подготовил трактат «О милосердии». А сколько слов поддержки мы находим в его «Нравственных письмах к Луциллию» по отношению к своему другу младшему по возрасту;

3. Сенеку отличало и стремление приумножать свои знания, он учится на протяжении всей жизни и не похвастается своей мудростью. Среди философов, которые оказали влияние на его мировоззрение можно упомянуть Платона, Пифагора, пифагорейца Сотиона, стоиков Зенона, Панетия, Посидония и др. Он демонстрирует хорошее знание философской традиции;

4. Помимо философии Сенека проявляет свой талант в ораторском искусстве, литературе, его способности разносторонни и многогранны. Известны 9 трагедий Сенеки на мифологические темы;

5. Сенека не удалялся от общества, а умел найти свое место в нем (не берем в расчет ссылку на остров Корсику). Он смог сделать блестящую карьеру, добился должностей сенатора и консула. Сенека знал жизнь изнутри, он не был мыслителем из башни из слоновой кости. Пережив ссылку на Корсику, вернулся в Рим, во второй ссылке (из которой ему уже не суждено было вернуться) он работал, писал, его голос продолжал звучать и был слышен. На наш взгляд, Сенека своим личным примером показал, что при желании философ может достигнуть больших высот в социуме и государстве (правда, чем выше полет, тем он опаснее, тем болезнее падение). Философ противопоставляет и на словах и на деле девизу Эпикура «Проживи незаметно» свою формулу «Жить на виду».

Теперь попробуем сформулировать стратегию поведения человека в кризисное время на материале стоической философии Сенеки, основываясь на идеях, высказанных им в «Нравственных письмах к Луциллию». Попробуем выявить некую квинтэссенцию выживания в беспокойном мире,

основные принципы жизненной мудрости. Для простоты разобьем положения философии Сенеки на отдельные пункты.

1. Жить настоящим, а не прошлым или будущим. Необходимо ценить настоящий момент, сегодняшний день. Сенека отмечает, что страх перед грядущим возможным несчастьем отравляет человеческую жизнь. Зачем бояться того, что лишь может произойти? «А главная причина надежды и страха – наше неумение приноравливаться к настоящему, и привычка засылать наши помыслы далеко вперед ... Звери бегут только при виде опасностей, а убежав от них, больше не испытывают страха. Нас же мучит и будущее, и прошедшее» [2, с. 25]. Сознание, способность к самоанализу, рефлексии являются отличительными чертами человека, но необходимо усилием воли концентрироваться на настоящем, контролировать свои мысли.

2. Обращать примеры на личные примеры выдающихся людей. Для Сенеки деятельность, поступки, практика жизни более значимы, нежели учения, теории, идеи, высказанные, что называется с трибуны или кафедры. Примеры великих выдающихся личностей помогают ставить цели и задачи, способствуют большей решимости, вдохновляют. Сенека пишет: «...долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров» [3, с. 26].

3. Не смешивайся с толпой, держи дистанцию от нее, тщательно подбирай себе друзей. Порой бывает полезно и одиночество для отдыха и концентрации на главном. Надежные друзья могут поддержать тебя на запутанных дорогах жизни. «Уходи в себя, насколько можешь, проводи время только с теми, кто сделает тебя лучше, допускай к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше» [4, с. 28].

4. Довольствуйся малым, цени уже то, что у тебя есть. Здесь Сенека утверждает аскетизм, умеренность, скромность «Только мудрому по душе то, что есть, глупость же постоянно страдает, гнушаясь тем, что имеет» [5, с.35].

5. Подчеркивается важность ответственности, искренности, открытости в общении с другими людьми. На наш взгляд, это позволит добиться и самоуважения и авторитета в социуме, окружении. Римский мудрец предлагает следующую этическую формулу, которую повторяют много позже в других вариациях Кант и Сартр. Формула такова: «...живи с людьми так, будто на тебя смотрит бог, говори с богом так, будто тебя слушают люди» [6, с.36]. Идеальная, универсальная и несокрушимая заповедь.

6. Мировоззренческая, педагогическая и в тоже время практическая роль философии для человека. По Сенеке философия – это компас, указывающий путь, Полярная звезда, освещающая дорогу и разгоняющая темноту. Так сам мудрец определяет миссию философии. «Философия не лицедейство, годное на показ толпе, философом надо быть не на словах, а на деле. Она не для того, чтобы приятно провести день и без скуки убить время, нет, она выковывает и закаляет душу, подчиняет жизнь порядку, управляет поступками, указывает, что следует делать и от чего воздержаться, сидит у руля и направляет среди пучин путь гонимых волнами. Без нее нет в жизни бесстрашия и уверенности: ведь каждый час случается так много, что нам требуется совет, который можно спросить только у нее» [7, с. 41].

То есть, философия необходима именно для «смутного времени», кризисной эпохи, так как дает некие четкие ценности индивиду, ободряет, вселяет уверенность. При этом философия – это не уход в себя, бегство от мира внешнего в мир выдуманный, иллюзорный (виртуальный, как бы сказали сейчас). Она учит искусству выживания, может иметь действительно практическое применение, учит ясно, объективно смотреть на мир, но в то же время невозмутимо, без отчаянья. На наш взгляд, это составляющая философского стоицизма и учения Сенеки, зерно истины, интеллектуальная жемчужина, которую мы обретаем, познакомившись с ними. Философия Сенеки в этом аспекте может быть некой «инъекцией» мужества, стойкости и повседневного героизма. Причем эта мудрость доступна каждому неравнодушному и внимательному человеку, а не только представителю элиты, интеллектуалу, эрудиту. В этом видится ее преимущество, сильная сторона, универсализм.

7. Роль знания, просвещения, самосовершенствования. Они играют важную роль в становлении характера личности и в формировании нравственности. Человек просвещенный не будет поддаваться отчаянию. Звучит у римского мудреца и призыв к труду (правда, исключительно к интеллектуальному, духовному, так как лишь он пристал свободным гражданам). «Я запрещаю тебе унывать и сокрушаться. Мало не отказываться от труда: нужно искать его» [8, с. 67]. Помимо знаний необходимо приобретать положительные моральные качества, а пороки, недостатки, слабости необходимо исправлять. От человека, его трудолюбия зависит результат, Сенека отмечает важность первого шага, начала. Но при этом достигнутые добродетели будут всегда с тобой, им нельзя «разучиться».

8. Деятельность, поступки должны быть полезны не только для него самого, но и для общества, других людей. Это может выражаться, как минимум, в положительном отношении, милосердии к окружающим. Твоя деятельность должна быть социально значимой.

В заключение отметим, что, несмотря на элементы морализаторства в этическом и социальном учении стоика Сенеки, очевиден и значителен практический жизненный дух этой философии. Данный факт подтверждается девизом мудреца из Рима: «Пусть наши слова приносят не удовольствие, а пользу». А само слово «стойк» стало нарицательным и стало обозначать мужественного, бесстрашного и выдержанного человека.

Список литературы

1. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луциллию // Сенека, Марк Аврелий. Наедине с собой. Симферополь, 2002. 384 с.
2. Сенека Луций Анней. О счастливой жизни. М., 2014. 454 с.
3. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. 512 с.

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЭКФРАСИС МАТЕМАТИКИ

Степанов А.Н.

доцент, ответственный по НИРС кафедры философии,
канд. филос. наук, доцент, Самарский государственный технический
университет, Россия, г. Самара

Бочкова Т.И.

магистрант, Самарский государственный технический университет,
Россия, г. Самара

В представленной статье с философско-эстетических позиций рассматривается эпистемологическая проблема применения математических методов научного исследования в общественных, гуманитарных, культурологических и иных многофакторных областях знаний посредством применения в них математического моделирования. Осуществляется философский анализ проблемы перманентного единства теоретического, в частности, математического и экспериментального исследования. Предложенная проблема анализируется с помощью философских и *эстетических* категорий. Выводами и результатами исследования являются обозначенные перспективы междисциплинарного и мультидисциплинарного исследования.

Ключевые слова: философия, эстетика, совершенство, гармония, математическое моделирование.

Современное развитие науки невозможно представить без актуальной потребности всестороннего, в том числе философско-*эстетического* изучения разнообразных сложных процессов и явлений антропологического, социального, технического, технологического, экономического, искусствоведческого характера и др. Исторически с древних времён люди в целях познания и создания «второй природы» пользовались разнообразными, в том числе математическими знаниями. Математика как инструмент точного познания ещё во времена натурфилософии использовалась Пифагором для *эстетического* постижения *гармонии* звуков. Отмечалась вездесущность *гармонии* звучания: от музыки до Вселенной.

В современном мире мы являемся очевидцами интенсивной математизации разных сторон жизни человека, от автоматизированного производства индустриальной продукции до виртуальной реальности и увлечений метанормативного досугового характера. В современных когнитивных науках теоретико-практические достижения математического анализа широко используются и применяются не только в математике, но и в гуманитарных науках, музыке, поэзии, лингвистике, искусстве, юриспруденции и др. Это обусловлено историко-телеологическим процессом интеллектуального развития, генезисом научного знания, производственно-трудовых потребностей, социо-культурными жизненными интересами. Всё возрастающие потребности людей требуют привлечения новых, более сложных и более *совершенных* математических знаний и методов для обработки громадных численных баз данных. Эта тенденция отражается в новых разделах математических

дисциплин – в кибернетике и вычислительной технике, применяющейся для исследования, например, проблем в области нано-изотопных сверхмалых величин.

Необходимость в более точном научном, математическом описании, анализе и исследовании производственно-трудовых, технико-технологических, социально-экономических проблем, природно-климатических, геолого-географических и астро-физических процессов и явлений вызвана потребностями развития современной цивилизации с помощью математической обработки сверхсложных систем огромных массивов информации. Иначе говоря, для необходимости решения таких задач требуются соответствующие методы анализа, например, для вычисления алгоритма каких-либо бесконечных процессов, соответствующих предопределённому эвристическому результату.

Таким образом, эволюционный генезис математических знаний и социально-исторического развития дискретно *гармонизирует* с целями и задачами научного развития. Таким образом, задачи общественного развития интенсивно стимулируют развитие и *совершенствование* сверхточных вычислительных методов математики и математического моделирования, применяемых человеком для решения дифференцированных задач общества, государства, науки, техники, экономики. Значит надо «Понять математику... ее отличие от опытных наук, ...от логики..., понять специфику ее методов и особенности функционирования. Действительное философское понимание математики... может предстать... как сумма выводов, сумма определений, полученных на основе анализа различных... сторон» [1, с. 7] научно-технического, социально-экономического и культурологического прогресса, нуждающегося в предельно научно-адекватном отражении.

В этой связи, когнитивная социально-историческая функция математического моделирования заключается в предоставлении лучших возможностей познания исследуемого объекта. Метод математического моделирования способствует выработке логической последовательности, *гармоничному* упорядочению и быстрой обработке методами математического анализа разносторонней числовой информации в соответствии с общеполитическими и специфическими законами физического, химического, биологического, социального и ментального мира детерминированного внутреннего содержания исследуемого объекта и внешней среды.

Проявление *гармонии* взаимодействия имплицитного и эксплицитного в математических исследованиях, довольно исчерпывающе иллюстрируется в разных формах научного моделирования – математического, технико-технологического и социального. Под моделированием понимается замещение исследуемого объекта расчётной моделью, макетным прототипом с целью исследования и получения искомой информации о важнейших свойствах изучаемого объекта-оригинала. Таким образом, метод научного моделирования может рассматриваться как эвристический способ получения тождественной, *гармоничной* информации, соответствующей исследовательским целям, затем проверяемым на модельном прототипе экспериментом, практикой, опытом. В любом случае современное научное моделирование включает

в себя изначально мысленное имитирование создаваемой материальной системы путем математического расчёта аналога (модели), в которой воспроизводятся принципы организации, конструирования, предназначения и функционирования создаваемой конструкции. Таким образом, математическое «Моделирование – метод исследования, при котором изучаются... модели. Моделирование означает... мысленное имитирование реальной... системы путем... конструирования аналогов..., в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования... системы... с применением методов теории подобия» [2, с. 13].

В настоящее время достижения прикладной математики, воплощённые в операционных возможностях электронно-вычислительных машин, является одним из определяющих, показательных факторов, отражающих уровень развития и *эстетического совершенствования* научно-технического прогресса. Возможности современных компьютеров способствуют обеспечению точной автоматизированной системы производства, необходимого расчёта качества новых композитных, синтетических материалов с необычными свойствами, становящихся основами для ускоренного и расширенного развития разных отраслей нано-технологического производства. Идёт интенсивный процесс математизации технических отраслей и общественно-гуманитарных наук. Сегодня математическое моделирование с помощью электронно-вычислительных машин получает широкое применение в химии, биологии, медицине, психологии, истории, лингвистике и даже в философии.

Вот почему решение «вечного» философского вопроса – первична материя, или сознание? – у известного исследователя, математика и мыслителя В.В. Налимова представлено моделью неразрывной связи материи и сознания на основе идеи всесущности смыслов, имеющих не столько логический, но и онтологический статус континуального характера. Иначе говоря, в свете интеграционных, коэволюционных, *гармонизирующих* достижений разных областей современных научных знаний появилась «надежда на возможность построения в будущем сверхъединой теории поля, объединяющей оба мира – физический и семантический» [3, с. 66], то есть мир физический можно будет с большой математической точностью представить логическими, причинно-следственными связями количественных параметров. Таким образом, предлагаются и гипотетически рассматриваются следующие уровни мыслительной деятельности сознания: «первый, высший уровень... логического мышления. Второй уровень – ...уровень предмышления... Третий уровень – ...подвалы сознания... Кроме трех уровней собственно сознания и четвертого уровня – уровня телесной его поддержки, показан еще пятый... – уровень метасознания... уже принадлежит трансличностному – космическому... сознанию» [4, с. 102 – 103].

Не трудно заметить, что в предлагаемой концепции продолжается развитие пифагорейско-платонической, западноевропейской (Юнг, Хайдеггер и др.) традиции понимания взаимосвязи философии, математики, бытия, сознания и социума. Такое понимание взаимосвязи и взаимовлияния бытия и сознания сегодня существенно глубже Античного понимания, поскольку у

Платона знание – это припоминание идей, а теперь математическое знание в форме конструктивного моделирования выступает пропорциональным толкованием смыслового континуума, поддающегося количественной обработке. В философском понимании это выглядит следующим образом: изначально существуют не готовые единицы идей, а их смыслы – аморфные ипостаси. И задача исследователя заключается в том, чтобы они были логически пропорционально выстроены. В результате чего возникают новые идеи, имеющие как качественные, так и количественные параметры и смыслы.

Эстетическая суть математического моделирования проявляется не только в науке, но и в социальном мировоззрении, и в общественном бытии как эффективное средство познания частных и всеобщих законов природы, социума и мышления. Процесс математического моделирования предполагает наличие основной цели исследования, способов решения конкретных задач на точной модели и получение разного рода, объёма и разных вариантов ответов об исследуемых свойствах, качествах и функциях исследуемого объекта. Насколько обширен интегративный генезис математического исследования «модели и моделирования в современной науке, свидетельствует не только использование этих понятий в социологических, экономических и лингвистических исследованиях, но и проникновение их в теоретическую эстетику... Если истинность... есть соответствие наших знаний объективной действительности, то истинность модели означает соответствие модели объекту» [5, с. 229, 294].

Однако надо помнить, что эксперименты математического моделирования проводятся не с реальными инженерными объектами, а с их инженерными копиями – моделями. Поэтому очень важно, чтобы они были точны и *гармоничны*. Как и в любой узкоспециализированной области научных знаний, эксперимент математического моделирования имеет существенное значение в конкретной области последующего инженерного воплощения на основе разносторонней специальной обработки и обобщении полученных результатов. В инженерно-математическом моделировании единичный эксперимент не является решающим и определяющим для подтверждения или опровержения какой-либо выдвинутой гипотезы, концепции, теории или методологии конструирования. Следует помнить о детерминантном алгоритме и логике поиска научной истины – *гармонизирующими* с критериями научной истины – экспериментами, практикой и опытом.

Эстетическое значение математической модели заключается в том, что она в научных исследованиях и в познавательном процессе выполняет функцию логического, идеального, абстрактного образа исследуемого объекта. Особенностью математической моделирования является предварительная расчётная деятельность, нуждающаяся в экспериментальном подтверждении. В познавательном процессе обнаруживаются гносеологический образ существенных связей, представляющих собой завершённую, *гармоничную* систему. Функциональные и структурные изменения гносеологического образа математической модели исследования зависят от поставленных конкретных исследовательских целей и задач. Образ математической модели всегда фу-

туристичен – гипотеза математического образа даёт трансцендентальное представление о будущей инженерной конструкции и др.

Математическую модель надо рассматривать как абстрактный объект, в котором реалии инженерных конструкций выражены математическими, логическими постоянными и переменными величинами и понятиями, имеющими *эстетический* характер и *гармоничный* алгоритм. Поиск заданных параметров осуществляется путем решения той, или иной математической задачи. Завершённая математическая модель в исследуемой области познания может по праву считаться *логико-эстетическим* преддверием теории. Футурология математического моделирования одновременно исторична, она опирается на исторические достижения в исследуемой области познания, на тенденции и процессы построения и *совершенствования* более сложных систем поисковых математических моделей. Концептуальный анализ эмпирических и теоретических результатов многочисленных наблюдений, экспериментов и опытов служит основой созидания новых более сложных, *совершенствованных* моделей, в которых сочетаются история теоретических открытий и достигнутое *совершенство* инженерных рационализаций.

Процесс *эстетического совершенствования* естественнонаучных, технических и гуманитарных областей знаний осуществляется также в коэволюционном детерминизме с разными областями наук. К настоящему времени некоторые области научных знаний, достигшие достаточно высокого уровня специализированного развития нуждаются в более *совершенных*, глубоких, точных, а, порой, и иных математических познаниях. Вот почему глубоко специализированные научные знания требуют не фрагментарного математического моделирования, а всестороннего конструктивного рассмотрения, расчёта и макетирования математическими методами исследования общих, концептуальных процессов с целью комплексного анализа исследуемой теории в целом.

И в заключение надо отметить, что для лучшего понимания возможностей математической обработки исследуемой проблемы очень важно осознать то, что могут подвергаться такой обработке те проблемы и теории, в которых выявляются структурные элементы исследуемой модели, поддающейся количественному анализу. Вот почему перспективы математизации разных областей жизнедеятельности выглядят возможными в силу их детерминантной, дифференциальной, *эстетической* сущности.

Да и в самой математике наряду с технической, формализованной, количественной, рационализированной составляющей неустранимо присутствует, например, гуманитарный *эстетически* смысловой, колоритный, качественный компонент, потенциал которого позволяет выявить в нём элементы *гармоничных* количественных параметров, поддающихся математическому моделированию. Они «подвластны» математическому моделированию и решению сложнейших исследовательских задач, например, упорядочению, *совершенствованию* и *гармонизации* социальных, политических, национальных, межнациональных, межконфессиональных отношений, *возвышению* искусствоведческих, психологических, гуманитарных аспектов жизни, много-

факторных космо-геологических явлений и более точного прогнозирования ожидающихся событий.

Список литературы

1. Беляев Е.А., Перминов В.Я. Философские и методологические проблемы математики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. – 217 с.
2. Методология моделирования и прогнозирования современного мира: Коллективная монография / Под ред. Т.В. Карадже. – М.: МПГУ, 2012. – 198 с.
3. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. – 280 с.
4. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. – 287 с.
5. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.: -Л.: Наука, 1966. – 303 с.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ВЫРАЖЕНИЕ ИНТРОВЕРСИИ И ЭКСТРАВЕРСИИ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Братухина Я.С.

студентка 4 курса кафедры культурологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, г. Пермь

Худяков К.С.

студент 1 курса магистратуры «Корпоративная антропология в образовании»,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

В статье приводится доказательство существования интроверсии/экстраверсии как имманентного свойства коллективного бессознательного через сравнительный анализ произведений искусства Античной Греции и Древнего Китая.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, экстраверсия, интроверсия, искусство, скульптура, античность, Греция, Китай.

К.Г. Юнг, выдающийся психоаналитик, посвятил много трудов понятию коллективного бессознательного, сквозь которые красной нитью проходит тема сравнения психологических типов востока и запада. Коллективное бессознательное является формой существования древнего психического опыта человечества. В нем ученый находит выражение некоего первоначального состояния человеческой души, разное для отдельных народов. Определенно можно сказать, что азиатский и европейский архетипы – несоизмеримо разные.

Карл Юнг отмечает основное психологическое отличие народов запада и востока: преобладание интроверсии у одних, и экстраверсии у других. В работе «Об архетипах коллективного бессознательного» [1] он объясняет это отличие дифференциацией мифологии, религии, верований в обеих частях света. Азиатам по природе свойственна интроверсия, что доказывает наличие таких явлений, как медитация, йога, харакири, особые характерные черты литературы и искусства и многое другое. Европейцам свойственна экстраверсия, о чем говорит многообразие жанров литературы, изобразительного искусства, традиции и обычаи.

Согласно Юнгу, экстраверсия проявляется в направленности либидо (жизненной энергии) человека на внешний мир, в том, что экстраверт предпочитает социальные и практические аспекты жизни, операции с реальными внешними объектами, а интроверт предпочитает погружения в мир воображения и размышлений. Экстраверт направлен на растрачивание собственной энергии, движение её по направлению к окружающим объектам, интроверт – на накопление, движение энергии во внутренний мир.

Доказательство существования интроверсии/экстраверсии как имманентного свойства коллективного бессознательного народа можно найти в сравнительном анализе произведений искусства западных и восточных цивилизаций. Из всего многообразия артефактов, создаваемых на протяжении истории народов и культур, стоит отметить артефакты Античной Греции и Древнего Китая. Этот выбор объясняется их всемирным историческим значением. Античная Греция – колыбель развития западной высокой культуры, так же как и Китай на востоке.

У каждой культуры, западной и восточной, был свой уникальный путь развития. Китайское искусство захватывает нас своей таинственностью и изящной скромностью, в то время как греко-римская культура с размахом производит на свет великие шедевры, которые по сей день будоражат сознание своих зрителей. Очаровательная статика и внутренний трагизм китайского искусства был достигнут в Европе лишь со средневековой иконописью. Однако Греция и Рим демонстрирует неповторимый уровень мастерства в своих произведениях искусства.

Если говорить конкретно, то лучше всего демонстрирует качество интро/экстраверсии скульптура. Греческие мраморные изваяния приходят на ум мгновенно при восприятии слова «античность». Как правило, эти артефакты изображают богов, богинь, могучих героев – персонажей родной мифологии. Скульптуре архаики свойственно изображение стройного тела с отсутствием эмоциональности и индивидуальности. Здесь важно тело в его чистом, прозрачном исполнении. Курсы и коры становятся воплощением идеалов мужской и женской красоты. В эпоху эллинизма происходит сдвиг в изображении эмоциональности. Эмоции передаются не только через мимику лица, но и через движения всего тела. Это просматривается в статуе богини победы – Ника Самофракийская. Скульптура Ники сохранилась без головы и рук, однако движение ее тела и крыльев выражают доблесть победы, стремительность и величие. Выражение эмоций через движение тела, посредством языка телесности просматривается во многих скульптурных шедеврах Эллады.

Человек, его тело имели столь огромное значение для греков, что их боги, кажется, были созданы для прославления телесности. Как писал Л.Фейербах, боги создаются по подобию этнически определенного человека [2, с.243]. Такова, например, работа Фидия – статуя Зевса в Олимпии.

Скульптура Древнего Китая в большинстве своем являлась неотъемлемой частью архитектуры, в качестве рельефов и барельефов, украшавших фасады зданий и колонны. Древнекитайские рельефы настолько плоски, что напоминают гравюру. Помимо фантастических и мифологических сюжетов в скульптуре данного вида появляется и бытовой жанр: изображаются исторические события, придворный быт и даже сцены из жизни простолюдин. Однако эта тенденция возникает лишь в 5-3 вв. до н.э. Эти сцены полны жизненных наблюдений, а движения, мимика, жесты изображаемых фигур переданы с убедительной наглядностью. Начиная с периода Хань, божества и духи также изображаются антропоморфно. Типичными образами для рельефов бытового жанра стали образы знатных вельмож, гонцов и всадников. Скуль-

птура в качестве неотъемлемой части архитектуры является некой метафорой единства человека и природы.

Особой популярностью в Древнем Китае пользовалось прикладное искусство. Археологами было найдено множество терракотовых миниатюрных статуэток, изображавших как мифических животных и божеств, так и людей (знатных и нет). Примечательно то, что мастера, исполнявшие эти миниатюры, подчеркивали особенности лиц и этнографические различия изображаемых людей. Наряду с теми прикладного характера статуэтками, можно выделить настоящие произведения искусства. Такова, например, керамическая фигура девушки периода Хань 3 в. до н.э. – 3 в. н.э. Хотя тело выполнено довольно обобщенно, привлекает внимание округлое лицо, отличающееся простотой и выразительностью, юностью и женственностью и убедительной правдивостью. Складки ткани одежды, поза и жесты девушки придают образу невероятную мягкость и изящество.

Говоря о древнекитайской скульптуре, невозможно не упомянуть о знаменитой терракотовой армии императора Цинь Ши Хуанди, датированную 247 годом до н.э., найденную археологами у горы Лишань. По данным экспертов, каждый воин выполнялся вручную по портретам истинных воинов императора. Все воины имеют индивидуальные особенности: они отличаются по рангу, по атрибутике, доспехам, а также по индивидуальным особенностям лиц и т.д. Это особенность говорит о том, что в китайской культуре важен каждый человек с его неповторимой индивидуальностью, несмотря на многочисленность самого китайского общества. Терракотовая армия признана одним из 8 чудес Света, как истинное произведение искусства древнего мира.

Можно особо отметить, что в китайской скульптуре предпочтение отдается содержанию скульптуры, а не форме; важно изображение индивидуальных и этнических различий для каждой скульптуры; чувства передаются только через движение, при полной статике лица. В то время как в греческой скульптуре большее значение имеет форма, а не содержание; изображается идеал красоты; чувства передаются посредством динамики лица и тела.

Однако греческие артефакты обладают куда большей событийностью, нежели китайские. Каждая античная скульптура является частью мифологического или исторического сюжета. Таким образом, можно считать ее направленной на окружающую среду, открытой как текст для читателя. Китайские статуэтки, напротив, наполнены метафоричностью и закрыты с точки зрения событийности. Тем не менее, они наполнены внутренней силой и гармонией. Анализируя подобные различия в артефактах и арт-объектах двух разных цивилизаций, можно говорить о том, что интроверсия и экстраверсия является одной из черт национального искусства.

Список литературы

1. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного: Ренессанс. – М., 1991. – 346 с.
2. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. М., Т.1 1955. – 942 с.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРНЫХ БРЕНДОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Зубов С.В.

магистрант 2-го курса кафедры социально-культурной деятельности,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается использование кластерного подхода в формировании культурных брендов территорий на уровне муниципальных образований. Обосновывается роль социально-культурных кластеров в контексте обеспечения общественного развития и формирования конкурентных преимуществ территорий. Определяются условия, структура и этапы создания социально-культурного кластера.

Ключевые слова: бренд территории, социокультурный кластер, кластерный подход, культурная среда.

В целях проведения комплексной, целенаправленной и эффективной имиджевой политики территорий в Белгородской области, позиционирования и продвижения территорий внутри региона была утверждена Концепция брендинга территорий в Белгородской области. В качестве первой задачи брендинга территории в данном документе определена социокультурная задача.

Итоги развития Белгородской области за последние годы стимулируют поиск инновационных путей дальнейшего развития сферы культуры, в первую очередь, на селе, которые оформились в идею проектирования региональной сети социально-культурных кластеров на уровне муниципальных образований как части многокомпонентного социального кластера.

Для реализации кластерного подхода по отношению к сфере культуры необходимы определенные историко-географические, социально-экономические и организационно-правовые условия. Органы власти Белгородской области заинтересованы в кластерном варианте развития экономики региона, развития кооперации и сотрудничества. В свою очередь, экономическое развитие региона зависит от его культурного потенциала. Одной из основных причин обострения региональных проблем является дальнейшая приоритетная ориентация используемых подходов и механизмов обеспечения конкурентоспособности, в основном, на наращивание промышленного производства, увеличение валового регионального продукта и поддержку традиционных отраслей экономики. В развитых странах мира (США, Канаде, странах ЕС) приоритетом обеспечения регионального развития, прежде всего, является рост благосостояния населения и формирование уникальных конкурентных преимуществ территорий, которые не могут дублироваться производителями других стран. Те уникальные аспекты общества, которые вызывают появление необычных потребностей, умений, ценностей и режимов работы, станут характерными аспектами экономической культуры. Эти

производительные аспекты культуры станут определяющими источниками конкурентного преимущества, которое будет сложно имитировать. В результате, по мере того, как нация будет все больше производить те товары и услуги, в которых имеет уникальное преимущество благодаря культуре, появятся новые образцы международной специализации [1, с. 34]. Поэтому все больше возрастает роль культуры – в контексте обеспечения общественного развития и формирования конкурентных преимуществ территорий.

Преимущество проектирования социально-культурных кластеров заключается в выработке новой модели культурной политики, содействующей созданию особой уникальной культурной среды каждого населенного пункта, с учетом местной социально-экономической и культурной специфики. Реализация кластерного подхода в данной сфере позволит, на наш взгляд, приблизить жителей каждого отдельно взятого населенного пункта к пониманию культурно-исторической миссии данной территории, будет активно способствовать возрождению забытых и формированию новых, современных традиций, а также активно формировать при этом комплекс качественных актуальных услуг в сфере культуры.

Модель социально-культурного кластера может быть реализована только при условии целенаправленного, планового подхода. В качестве приоритетных шагов по созданию социально-культурных кластеров следует выделить:

1. Выявление уникальности территории муниципального образования (история, события, личность, природа, предприятие и др.), формирование культурного бренда территории, создание сувенирной продукции – местного сувенира или серии сувениров, олицетворяющих бренд территории. Пространственное решение отражения идеи бренда.

2. Определение структурных компонентов кластера в каждом отдельном муниципальном образовании и механизма взаимодействия этих компонентов. При этом ядро кластера должны составлять учреждения культуры, функционирующие на его территории.

3. Выявление предпринимателей или представителей крупного бизнеса – инвесторов, заинтересованных в создании и продвижении бренда территории, следовательно, своих товаров и услуг потребителю.

4. Интеграция участников кластера для производства смежных услуг (разработка плана мероприятий, заключение соглашений о совместной деятельности).

5. Разработка сайта социально-культурного кластера. Актуализация информации об учреждениях культуры и услугах.

6. Отражение деятельности кластера в СМИ. Создание видеоархива совместных мероприятий.

7. Организация рекламы. Продвижение услуг на рынок.

Первый опыт регионального социально-культурного кластера в Белгородской области нашел свое отражение на страницах Фестивального календаря Белгородской области, в котором представлены результаты деятельности межотраслевой системы по продвижению культурных брендов террито-

рий области. Кластерный подход позволил эффективно организовать определенные акции, проведенные при совместном партнерском взаимодействии структурных компонентов в каждом муниципальном социально-культурном кластере. Была создана многоуровневая система подготовки к проведению имиджевого мероприятия (акции), складывающаяся из мотивационной парадигмы работников учреждений культуры, подготовки творческих коллективов, медиасопровождений мероприятий, их эффективного и качественного проведения.

Вопросы брендинга территории, геобрендинга с точки зрения сохранения и приумножения культурных ценностей в настоящее время приобретают особую актуальность, сегодня они являются предметом обсуждения не только специалистов культуры, но представителей высших органов государственной власти РФ. Продвижение положительного имиджа каждого отдельного субъекта, развитие территориальных брендов – то, что сейчас называют геобрендингом, – может стать важным источником пополнения региональных бюджетов.

Проект создания культурного бренда территории, реализация которого может принести прибыль коммерческим структурам, позволяет найти точки соприкосновения учреждениям культуры и представителям бизнеса. Технологии разработки и использования брендов в экономическом развитии региона легли в основу «Концепции брендинга территорий в Белгородской области», согласно которой бренд территории рассматривается как важный фактор продвижения и позиционирования территории внутри региона и за его пределами. Такой подход опирается на территориальный социокультурный, экономический, политический потенциал и природно-рекреационные ресурсы, а также бренды товаров и услуг, локализованные в данной географической местности [2, с.4].

Брендинг территории представляет собой процесс создания и развития бренда территории посредством аккумулирования, сохранения и трансляции ее уникального духовного, социального, экономического, политического капитала, воплощенного в узнаваемых образах. Процесс развития бренда носит непрерывный характер. В рамках решения социокультурных задач брендинг территории целесообразно рассматривать, исходя из признания того, что изменяющийся под воздействием среды и времени социокультурный потенциал конкретного муниципального образования обуславливает передачу социокультурного опыта, в который можно включить и бренд территории, от одного поколения к другому. В связи с этим, устойчивый позитивный имидж территории должен основываться на глубинном культурном основании, которое не зависит от текущих идеологических и политических взглядов, а опирается на положения национального культурного наследия.

Брендинг любой территории особое значение приобретает в рамках кластерного подхода, так как по природе своей он служит инструментом формирования конкурентных преимуществ, что является сущностной чертой кластера. В настоящее время становится очевидной связь между узнаваемостью (положительным имиджем) территории, ее способностью привлечения ресурсов извне и, в конечном итоге, повышением качества жизни населения.

Механизм формирования брендинга различных территорий области зависит от умения руководства той или иной территории включить в работу все составляющие элементы социально-культурных кластеров в муниципальных образованиях, и выстроить их в единую систему. В качестве примера можно привести процесс реализации проекта «Красная горка» сотрудниками учреждений культуры Новооскольского района. При реализации данного проекта в полной мере был применен кластерный подход, в ходе которого было организовано взаимодействие всех элементов кластера.

1. Создан проект имидж-мероприятия (разработчики входят в ядро социально-культурного кластера).

2. Проведение имидж-мероприятия согласовано с главой администрации муниципального образования (органы власти).

3. Проведение имидж-мероприятия согласовано с руководством градообразующего предприятия ЗАО «Приосколье» (бизнес-сообщество).

4. Достигнута договоренность с прочими участниками кластера (учреждениями образования, религиозными организациями (православным храмом), общественными организациями).

5. Проведены основные рекламные мероприятия проекта.

По мнению Е.Э. Золотницкого, успешность бренда непосредственно влияет на обеспечение устойчивого и привлекательного имиджа территории, привлечение внешних инвестиций, наращивание хозяйственного потенциала, укрепление интеграционных и кооперационных связей, трансляцию региональных достижений и инициатив в регионе [3, с.286].

Экстраполируя данное утверждение на бренд муниципального образования и региона в целом, можно говорить о том, что положительный бренд одного из районов внутри области позволит сформировать и положительный образ региона в целом.

Список литературы

1. Портер М. Руководство, ценности, верования и микроэкономика благосостояния // Независимый культурологический журнал. – 2008. – №53. – С. 34-47.

2. О Концепции брендинга территорий в Белгородской области : распоряжение губернатора Белгородской области от 23.05.2013 №235 -р // Белгородские известия. – 2013. – № 94. – С. 4-12.

3. Злотницкий Е. Э. Бренд региона: концепт формирования и практика управления / Е. Э. Злотницкий // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. – Калуга, 2008. – Вып. 9. – С. 286 –311.

ОБРЯДЫ ДОВЕНЕЧНОЙ ЧАСТИ СВАДЕБНОЙ ИГРЫ НИЗОВЫХ КАЗАКОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Пальгов С.Ю.

профессор кафедры дирижирования, канд. ист. наук, доцент,
Волгоградская консерватория им. П.А. Серебрякова, Россия, г. Волгоград

В статье рассматриваются довенечные обряды свадебного ритуала низовых казаков Волгоградской области.

Ключевые слова: свадебный обряд, довенечные обряды, низовые казаки, Волгоградская область.

Свадебный обряд – это самый насыщенный разнообразными обычаями комплекс семейно-бытовой обрядности. О традиционной свадебной игре сельского населения Волгоградской области мы уже писали [1]. Свадебный цикл низовых казаков, проживающих в южной части Волгоградской области (Суровикинский, Чернышковский, Октябрьский, Котельниковский муниципальные районы) состоял из трех основных частей: довенечной, венечной и послевенечной. В статье мы рассмотрим обряды довенечной части, связанные со «сводами молодых»: сватовство («гляделки»), сговор, рукобитие, запой, «смотреть поместье». Именно здесь начиналось «официальное» знакомство парня и девушки, родных и родственников брачующихся. *«В начале XX-го века соединили сватовство и “гляделки” (смотрины). Именно в этой местности назывались “гляделки”. Рукобитие и сговор – это объединились. Это все проходило либо задолго до свадьбы или там за неделю, в зависимости оттого, когда сватовство проходило»* [2]. Родители самостоятельно решали судьбу своих детей. Согласия на брак не спрашивали. На **сватовство («гляделки»)** родители жениха просили знатного, уважаемого человека в хуторе или в станице (атамана, героя войны, местную сваху и др.) сходить и посмотреть невесту, договориться о рукобитии и сговоре. *«Брали с собой женщину, которая хорошо владела языком и говорила: “Ну, вот мы шли мимо. Мы слышали: петушок поет, а у нас курочка”. Очень зависело от этой женщины повернуть к себе лицом родителей невесты. Нужно было расхваливать жениха, нужно было посмотреть невесту, проверить ее на умение. В данный момент она не наряжалась, она была скромная, по-домашнему одетая, но мать невесты смотрела, чтобы она была причесана, чтобы у нее было все аккуратно уложено, разглажена, чтобы она себя вела пристойно. Если отец позвал невесту смотреть, значит уже родители не против. Посмотрели, посидели, побеседовали. Вот сватовство, “гляделки” были без песен. Были басни, разговоры. Если отец говорил: “Ну, мы посмотрим. Мы посоветуемся. Приходите вечером”. Эти слова говорили только в начале XX века. Удалось сватовство! Со стороны невесты не отказались. Кланялись. Вынимали хлеб-соль только после того, как они сказали это. Сватья принимала хлеб-соль. Бутылку вина ставили. Бутылка вина оставалась. Хлеб-соль целовали, в рушник закрывали и клали на стол. И уходили они со словами: “Отец и мать Гаврила Мироновна, кланяются и просят принять хлеб и соль”. Хозяйка вместо ответа целовали гостиниц. “Дай Бог!” – говорили сваты на прощание. “Добрый час!” – отвечали родители и расходились, чтобы встретиться вечером. Гармошки тут не было»* [2]. *«Ну, пришли, постучались. “Разрешить войти?” “Пожалуйста, заходите”. “Ну, вот у нас вот есть охотник, а у вас есть лиса. И вот забежала она сюда, вот мы хотим, поглядеть что это такое?” “Ну, а вы убивать не буде?” “Да не, не будем убивать, нам поглядеть только”»* [3]. Невеста вместе с подругой выходила к сватам, которые должны были угадать будущую сноху.

«Ну, сначала во дверях сядут. “Ну, а иде бы ее поглядеть?” Там уже заранее подруга приходит к этой невесте. Выйдут обоя. “Ну, какую ты тут заметил? Может вот эту?” Какую-нибудь бабку вывести, выведут для шуток. “Не, не такая. Давай другая!”» [3].

Рукобитие (сговор) проводился в этот же день вечером. «В этот же день вечером в доме невесты справлялось рукобитие и сговор. Шли говорить жениху, жениховой родне, родителям, что вечером нужно идти на рукобитие, сговор. Мальчишки, там братишки были, посылали по дворам родственников предупредить, что шли на рукобитие и сговор. Это было почти как свадьба, собирали всех. Подуют коров и идут на рукобитие и сговор. Сигналом была игра на гармошке. Выходили с женихова дома с песней, шли, и к ним присоединялись родственники. Говорили: “Урядник Моисей Карпович, Милана Петровна (это родители) желают вступить с вами в родство”. Если им отвечали: “Благодарим покорно за доброе мнение о дочери”. (“Только мы не сможем собрать свадьбу!” Это значил отказ). Если же отец соглашался, то он говорил: “Давайте посоветуемся да и поспрашаем саму невесту”. Невеста выходила. Жених приходил с родителями, родственниками. Первые родители с женихом заходили. Их встречали родители невесты. Жениха ставили перед образами, невесту с левой стороны. Сваты от жениха поздравляли родителей невесты с женихом, с новым родственником. Наоборот – с невестой. Обменивались все своим таким красивым языком. Ну, и собирались гости постепенно и не садились за стол, ждали определенного момента. Они выстраивались хоть в два, хоть в три ряда. Но не перешагивая. Невеста с женихом стоят, родители там. Ни в коем случае вперед нельзя было заходить – плохая примета. Сват выводил на серединку жениха, по левую сторону ставили невесту, соединяли их руки, и отец жениха говорил торжественно: “Сын, вот тебе невеста, да благословит Господь Бог союз ваш”. При этом жених и невеста дарили друг другу подарки. А девушки пели. Но за стол еще не садились. После этого, когда им связали платочком руки, взрослые садились за стол, а молодежь уходила в другую сторону. Угощение на стол приносила женихова родня. Большие сладости. А невестина родня ставили пироги круглые и кисели. Невеста с женихом приносили на стол по чарочке с вином на подносе обязательно. Бутылки не стояли на столе. Первый раз подносила-то невеста. Смотрели: какая она ловкая или не ловкая. Свашки всё это примечали. Принесут и убежали к молодежи. По рюмочке выпили и стали обсуждать, когда справлять свадьбу. Самое правое слово в данный случай имел отец невесты. Он говорил – когда. Ну, обсудили. Второй тост за свадьбу будущую, за родных. По три рюмочки – не больше. Пели песни. Сначала пели о героических подвигах донцов – протяжные, потом плясовые. Когда плясовые начинали, уже значит это дело к завершению. Первый раз принесла невеста, и уже ушли они [жених с невестой. – Авт.], второй и третий раз – дружка. Здесь же объявляли: «У нас будет дружка тот-то, будет вести свадьбу”. И вот он второй и третий раз обносил. Пели всякие песни. Обрядовых чисто здесь не было. Обрядовые песни начинались со вторника» [2]. «Вот свяли молодых. Нравится, не нра-

вится – старики не говорили. Теперь по любви сходятся, а тогда хочешь-не хочешь – отдают. Старики не разговаривают больше с тобой. Жених к невесте приезжал, сватался, там отец, мать, брат, сестра. А потом договаривались, когда будет запой» [4]. Родители жениха, узнав о согласии на брак молодых, накрывали стол. Угощали невестину сторону. Невеста не употребляла спиртные напитки. Следовало обсуждение условий проведения свадьбы. *«Тогда начинают эта свекровь, свекр стол начинают накрывать. Невеста ничего ни ставит, ничего (это раньше так была). Все они убирают стол, закуска: огурцы там, может сала, лук, там че-нибудь такое свое взвар в какой-нибудь в горшке или в бутылке. И ставят убирать стол, и начинают невестину сторону угощать. Молодым первым подносят рюмку, смотрят: пить невеста или нет. Ну, тогда не пили. Ну, жених там хряпнуть эту стопочку, а невеста стоит ниче. Ну, потом начинают, разговор: как, что, где свадьбу, что свадьбу?»* [3].

На **запое**, который следовал через неделю, собирались сваты с обеих сторон и решали вопросы о дате свадебной церемонии, о материальных затратах и приготовлениях. Молодые дарили друг другу подарки. *«Раньше запой был. Обряд такой значит, гуляют, молодые себе вечеринки собирают, а старые себе гуляют. Вот это называется запой. И договариваются, когда свадьба будет. И вот в этот запой молодые дары дарят. Жених невесте что-нибудь подарить, а невесту – ему. А потом свадьба»* [4]. Отец и мать жениха приглашали родителей невесты **«смотреть поместье»** (через неделю). Будущие сваты оценивали хозяйство, даровитость противоположной стороны, ее родовые корни. *«Тогда значит все посватались, теперь на другой воскресения эти сваты жениховы, отец с матерью приглашают невестину мать с отцом смотреть, куда отдают дочку, какой дом, богатые ли, что у них есть. На другое воскресенье едут невеста, ну, там родственников пары две и мать с отцом едут к сватам “смотреть поместье”. “Посмотрели поместье”, опять они их покормили, чаем попили тогда, там чай пьют, попили чаем. Может там и пили, но большинство чай. Чай тогда большинство. Тогда и самовары в каждом доме были на ведро. Он и у нас есть самовар»* [3]. Обговаривали дату свадьбы (как правило, это было воскресенье). Праздновали только один день. *«Тогда были свадьбы только в воскресенье, в субботу никогда не было. Гуляли только один день»* [3].

Свадебный ритуал низовых казаков Волгоградской области постепенно приобретает городские черты, тем самым теряя свою индивидуальность и уникальность.

Список литературы

1. Пальгов С.Ю. «Утро венца» в свадебном обряде украинцев (Песенный фольклор Волгоградской области) // «Культурная жизнь Юга России». Региональный научный журнал. № 2 (40). Краснодар: КГУКИ, ООО «Издательство Ультрапресс», 2011. С. 64-66; Он же. Свадебные обряды русских сел Нижнего Поволжья (по материалам полевых экспедиций в селах Камышинского района Волгоградской области) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». Волгоград, 2011. № 9 (63). С. 80-83.

2. Полевая запись автора [Далее – ПЗА] 18 марта 2014 г. Г. Волгоград. Информатор [Далее – Инф.] Л.Н. Дунина 1951 г. р.

3. ПЗА 22 июня 1997 г. Хут. Большетерновой Чернышковского муниципального района ВО. Инф. Н.И. Горбункова 1938 г. р.

4. ПЗА и Н.Ю. Нечипоренко 25 июня 1997 г. Хут. Нижнегнутов Чернышковского муниципального района Волгоградской области [Далее – ВО]. Инф. У.Е. Кожанова 1918 г.

ОБРАЗ КАК ЧАСТЬ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Худяков К.С.

студент 1 курса магистратуры «Корпоративная антропология в образовании»,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

Братухина Я.С.

студентка 4 курса кафедры культурологии, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Россия, г. Пермь

В статье приводится анализ трудов психоаналитиков и философов и примеры значимости мифологического мышления у индивида, для более глубокого понимания значения образов в обыденной жизни каждого человека.

Ключевые слова: мышление, миф, коллективное бессознательное, картина мира, образ мира, сущность человека.

Образное мышление неотъемлемая часть мышления каждого человека. Так или иначе, мы формируем образ об окружающих нас людях, о мире, и кроме того о самих себе.

Мифологическое мышление ассоциируют с первобытным человеком. В концепции мифолога Е.М. Мелетинского подчеркивается: «...Миф является средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф – продукт первобытного мышления...» [1, с. 24-31]. Мифы практически всех культур перекликаются, этот факт неоднократно подтверждался многими исследователями антропологии и психологии. Особенно ярко это показал Карл Густав Юнг, в концепции коллективного бессознательного.

Для Густава Юнга понятие архетип неразрывно связано с мифологией, этому у него посвящено множество трудов. Так, например, в книге «Душа и миф. 6 архетипов», представлены наиболее яркие и полные представления об архетипах, образах и мифологии в целом.

Юнг сравнивает мифологию с музыкой, ведь мифология – это не просто способ выражения, вместо которого можно было бы подобрать другую, более простую и более понятную форму, но только не тогда, когда оказалось, что это единственный возможный и подходящий способ. Как и музыка, мифология в разные времена может быть более или менее приемлемой [5, с. 56-57]. И далее говорит нам о том, что мифологемы необходимо просто слу-

шать. Как собственно говоря, и для понимания музыкальных произведений нужен «слух», так и для понимания мифов нужен свой язык.

Мифология окружает современного человека и сейчас, но она взаимодействует с ним не напрямую. Как делал это более древний человек, который не просто пытался понять миф, но жил им. Как пишет далее Густав Юнг: «...Для архаического человека мифология его народа была не только убедительной, т.е. обладающей смыслом, но и объясняющей, т.е. придающей смысл всему остальному...» [5, с. 98-102].

К.Г. Юнг ссылается на Б.К. Малиновского в отношении мышления первобытного общества, миф в примитивном обществе, т.е. в его первичных живых формах, по его словам это не просто рассказываемая сказка, но проживаемая реальность. Мы находим в нем не дух изобретения нового, свойственный романам наших дней, но живую реальность, в которую безусловно верят, т.е. верят в то, что она имела место в изначальные времена и продолжала затем оказывать влияние на мир и судьбы людей [4, с. 143-165]. Следовательно, необходимо говорить не о причинах, а о том, что мифология вечна и как бы постоянно воспроизводит саму себя.

К.Г. Юнг постоянно подчеркивал, что: «...мифология постоянно относит нас к истокам...» [5, с. 45-48], которые, могут проявляться в форме первобытных образов, мифологем и церемоний. Все это уместается в рамках теории коллективного бессознательного, которая говорит о возможности общего информационного поля образов доступного абсолютно для всех людей, вне зависимости от национальности и места проживания.

Теория архетипа являются по сути краеугольными камнем учения К.Г. Юнга. Если перефразировать, то можно сказать, что архетип – это прообраз мифологемы. Однако архетип возник не сразу, К.Г. Юнг вначале пишет о образе, как о первоначальной структуре: «...Также мы не можем знать природу до-сознательной психической предрасположенности, которая позволяет ребенку реагировать по-человечески. Мы можем лишь предположить, что его поведение проистекает из паттернов действия, которые я описал, как образы...» [5, с. 74-75]. И далее образ выступает как что-то изначальное, присущее всему человеческому виду. Теория К.Г. Юнга выявляет то, что эти образы являются в некотором смысле «человеческим качеством» человеческого существа. И кроме всего прочего, ученый утверждает, что эта конструкция наследственна, и утверждать противное этому столь же абсурдно, как и первобытная вера в то, что солнце, которое встает утром, это другое солнце по сравнению с тем, которое заходит вечером [5, с.83-84].

Но архетип это всего лишь форма, но далеко не содержание. И определяться образ начинает только в тот момент, когда он начинает осознаваться, и наполняться обычным житейским опытом. И соответственно наследуется не само содержание, а всего лишь оболочка: «Архетип сам по себе пуст и чисто формален, он не что иное как возможность представления, данная *a priori*» [5, с.89-91].

Однако не стоит считать, что архетипы пусты и бессмысленны, это важная составляющая нашей психики. И объясняя или интерпретируя миф,

мы понимаем самих себя. Человек создает образ в который раз, как и предыдущие поколения до нас создавая мифы. И архетип в данном случае выполняет следующие функции: репрезентирует или олицетворяет определенные инстинктивные данные о темной, примитивной душе -реальные, но невидимые корни сознания.

Мифология в данном случае была лишь способом обработки архетипических образов. Вначале образы, которые впоследствии наполнялись все большим содержанием и обрамлялись в форму. Этот процесс развивался исторически. Человек все больше отдаляется от самого себя, не понимая, а зачастую и не воспринимая в повседневности мифологические образы, или архетипы.

Но не стоит забывать, что теория К.Г. Юнга смотрит на психику человека более масштабно чем просто сознание одного индивида. Он говорит, именно о том, что: «все в человеческом мире подвластно законам психологии, душа народа есть лишь несколько более сложная структура, нежели душа индивида» [5, с.107 – 109].

В тот момент, когда человечество отказывается воспринимать мир образно, происходит крах сознания как такового. Человек не может познавать мир только лишь при помощи точных данных и наук. Само видение окружающей нас среды говорит само за себя, то что мы видим, воспринимаем мы так или иначе с чем-то ассоциируем и сравниваем. Символ и образ незаменимые части процесса познания человеком мира, чем прекраснее, грандиознее передаваемый традицией образ, тем дальше он от индивидуального опыта. «символы открывают человеку священное и одновременно предохраняют его от непосредственного соприкосновения с колоссальной психической энергией архетипов» [4, с. 131-132].

Кроме того, в доказательство образности не только нашего мышления, но и даже образа жизни можно сказать, что о многих вещах или даже символических действиях которые мы выполняем на протяжении нашей жизни, мы даже ничего не знаем. Вот что говорит по этому поводу сам К.Г. Юнг: «...Можно долго и тщетно спрашивать цивилизованного человека о действительном смысле рождественской елки или пасхального яйца. Факт остается фактом – люди делают некоторые вещи, совершенно не зная зачем. Я придерживаюсь того мнения, что вначале делались вещи и совершались события, и только гораздо позже кто-то спрашивал, почему они делались и совершались...» [4, с.145-147].

Таким образом учение о коллективном бессознательном дало толчок к пониманию сущности человека как систему образов и различных символов.

Однако не следует думать, что в рамках психологии образ рассматривается лишь в рамках теории К.Г. Юнга. Существует множество различных теорий, так или иначе затрагивающих образ, образное мышление и видение мира. Так, например, идея образа мира освещается в работе современного исследователя Н.П. Соуксу: «Образ мира субъекта представляет собой целостное, интегральное, динамическое образование психики, рассматриваемое в единстве трех, неразрывно связанных общей семантической структурой,

компонентов – образа –Я, образа – Другого, и обобщенного образа предметного мира» [2, с.35].

Иначе говоря, все компоненты – реальны, отражают они действительность или нет, все это образ мира в целом. Этот образ субъект создает постоянно, с того момента как начинает осознавать себя как личность.

Собственно в науке существует множество терминов, обозначающие образную составляющую реальности. Можно привести в пример различных исследователей. Например: Вернадский В.И., Лотман Ю.М., Планк М., Зимняя И.А. – использовали термин «картина мира». Пиаже Ж., Хайдеггер М. – «схема». А.Ф. Лосев – «миф». Иванов Е.М. – «внутренняя модель внешнего мира». Леонтьев А.Н., Смирнов С.Д., Эриксон Э., Юнг К.Г., Зинченко О.П. – «картина мира».

Так, М. Хайдеггер формирование картины мира связывал с мировоззрением как жизненной позицией человека. Мировоззрение понимается в качестве отношения человека к «сущему», а картина мира – как изображение «сущего».[3, с. 57]

Что же касается других точек зрения то, Лосев А.Ф. использовал термин миф для анализа особенностей социального мировосприятия человека. И миф понимался им как образ бытия личностного, личностная форма, лик личности.

Таким образом в рамках психологической науки мы можем наблюдать высокий интерес к проблематике образов. Также этот интерес обозначен кругом идей философов и культурологов.

Список литературы

1. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М., 2000. – 168 с.
2. Соуксу Н.П. Влияние образа мира субъекта на структуру и содержательные характеристики самопознания: [Текст] дис. ... канд. псих. наук/ Н.П. Соуксу. – Сочи, 2006. С. 235.
3. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением?. М., 2007. – 320 с..
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. – 285 с.
5. Юнг К.Г. Душа и миф. 6 архетипов. М., 2001. – 315 с.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

УКРАИНА КАК ПЕШКА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

Блинов А.В.

студент кафедры ФТПН, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Россия, г. Пермь

В данной статье рассматривается украинская экономика: что было, что происходит и что будет. Описываются причины войны на Украине, кому они нужны и кто за что борется. Рассматривается вопрос о взаимодействии России, Украины и западных стран на международной арене.

Ключевые слова: украинская политика, война на Украине, Запад.

Кто «рулит» украинской экономикой?

После развала СССР Украина получила роскошное многоплановое наследие: во-первых, великолепную армию, которая стояла на четвертом месте в мире после США, России и Китая; во-вторых, Украина – мощная индустриальная сверхдержава; в-третьих, образование, медицина, культура были на высоком уровне; в-четвертых, огромное внимание уделялось воспитанию, морали и этике людей. За 23 года «свободы» от бывшего могущества не осталось и следа. Полный развал и деградация по всем статьям. Запредельный уровень коррупции, потеряна военная мощь, экономическая независимость, культурно-социальное наследие, образование (детям с садика внушают русофобские настроения), детский алкоголизм и наркомания. И это далеко не полный список.

Одной из функций современного развивающего государства является монополия на насилие [1]. Которая была уничтожена на Украине. И мы можем наблюдать, что вся власть перешла к тому, у кого больше силы, больше вооружения. Поэтому группировки под разными прикрытиями (правоохранительных органов, националистическими партиями) делят между собой то, что еще не поделили, не развалили, не разворовали, что может приносить хоть какой-то доход.

Экономика Украины рушится, кормовая база сужается, получать доходы и прибыль честным путем становится невозможно. Люди, которые записывались в правый сектор, кроме «ядра», которое «выращивали» спецслужбы изначально, шли туда за властью и за деньгами. И когда власть ослабла, они начали борьбу за источники получения дохода. Ярким примером этого являются события в Мукачево. Когда правый сектор пришёл для получения влияния и завоевания рынка контрабанды сигарет. Именно это и стало причиной перестрелки с местными депутатами [2].

Украина – яблоко раздора между Россией и Европой

Прекратить огонь – не значит прекратить войну. А раз она идет – значит это кому-то нужно. Кому? Кому война выгодна? Кто от войны получает

больше, чем от мира? В войне, как и в уголовном преступлении, нужно искать финансовый след. Кто подкармливал печеньем на Майдане? Откуда приезжали военные инструкторы? И эти вопросы можно продолжать до бесконечности.

Вряд ли найдется хоть один здравомыслящий человек, который заявит, что США действует по доброте душевной и совершенно бескорыстно хочет поделиться со всем миром свободой, демократией и «высшими человеческими ценностями».

Неся на штыках «ценности демократии и свободы», на Украине Вашингтон хотел убить сразу двух зайцев. Первое: ослабить экономику Европы, сделать ее промышленность нерентабельной, тем самым увеличив долю американской продукции на европейском рынке. А как это сделать? Нарушить экономические и торговые связи Европы и России – одним из крупнейших партнеров. А когда возникнут проблемы в европейской экономике, она будет еще более зависима от США как кредитора, защитника и авангарда против «русской агрессии». А если агрессии нет – ее надо создать. Отсюда вторая цель – Россия. Россия (СССР) всегда являлась геополитическим соперником США. Задачи стары как мир: развалить экономику, лишить государственного суверенитета, в общем, полностью подчинить себе, сделать своей колонией, как удалось это сделать в некоторых бывших республиках.

Вернемся к Украине. Украина – это газотранспортный мост между Россией и Европой. Цель США мост превратить в клин (глубоко вбитый острый клин). Единственный способ – затяжной военный конфликт. Как следствие – ухудшение экономических и торговых отношений. При этом все надо выставить так, будто Россия развязала войну, Россия – агрессор, затем ввести санкции. На провокации Россия не поддалась, войска не ввела, не смотря на все старания Вашингтона. Поэтому США подливает масло в огонь: выстрелы на Майдане, ужасные события 2 мая в Одессе. И многие другие спланированные провокационные операции. Зачем? Получить наибольший резонанс среди русского населения. Если русская армия не вошла в Украину, значит, ее нужно создать внутри Украины. Далее провоцировать обе конфликтующие стороны.

Западу никогда не нужна была, не выгодна сильная Россия. А как развалить сильнейшую державу мира? Только изнутри, столкнув своих со своими.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Что происходит в Мукачево: подробности и версии: Статья Дмитрия Ильинского. [Электронный ресурс] // Информационный ресурс. 2014. URL: http://news.liga.net/news/politics/6173321-chto_proiskhodit_v_mukachevo_podrobnosti_i_versii.htm
3. На руках украинцев 4 млн. стволов – нужен закон об оружии. [Электронный ресурс]. 2013. Дата обновления: 18 июня 2014. URL: <http://www.profi-forex.org/novostimira/novosti-sng/ukraine/entry1008215046.html>

4. Кунгуров А. Зачем Украина нападает на Россию? // Русская правда. 2015.
5. Антисоветизм как разновидность расчеловечивания. [Электронный ресурс].
2014. Дата обновления: 18 января 2015. URL:
<http://www.liveinternet.ru/users/concept2017/post350517177>.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Комарова А.А.

студентка кафедры государственное и муниципальное управление,
Государственный университет «Дубна», Россия, г. Дубна

Киричёр П.Н.

профессор кафедры государственное и муниципальное управление,
доктор социологических наук, профессор,
Государственный университет «Дубна», Россия, г. Дубна

Целью работы является изучение возможностей активизации общественного начала в системе государственного управления.

Ключевые слова: целеполагание, государство, управление, общество.

Доминантным свойством государственного управления в современных условиях является его делегированность на общество, его структуры и институты. Здесь подразумевается тот вариант взаимосвязей государства и общества, когда рационально-полезная жизнедеятельность людей приобретает больший, чем прежде, объём свободы, самостоятельности и самоуправления. Именно государство посредством законодательства устанавливает основные, общие, типовые правила поведения людей во всех сферах жизни общества и обеспечивает их соблюдение своими властными возможностями.

В качестве сложного (по элементному составу) и многогранного (по функциям) общественного явления, государственное управление обладает свойством системности. В отличие от других видов управления оно без этого свойства просто не может осуществляться, тем более в период коренной модернизации социума. В государственном управлении задействуются миллионы людей, множество организаций и других структур, а в их структурах – большое число должностных лиц (кадров государственной службы). При этом используются разнообразные материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы, а также обширные объёмы социальной информации.

В структурном отношении государственное управление состоит из детерминированного комплекса руководящих решений и организационных действий социально значимого характера. Учитывая, главным образом, человеческий фактор, можно принять наиболее удачное, на наш взгляд, определение государственного управления в трактовке Г.В. Атаманчука, который рассматривает его как «практическое, организующее и регулирующее воз-

действие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях её упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу» [1, с. 123].

Другой подход к определению социальной сущности государственного управления пролегает через анализ и выявление целей и многообразия функций. При этом проблема целеполагания в управлении представляется самым актуальным вопросом. К сожалению, цели государства обычно постулировали верховные правители в виде императоров, вождей и лидеров с их окружением. Народ на государственном уровне, по существу, никогда не выступал субъектом формирования целей управления. Ему, как правило, отводилась роль средства реализации этих целей, причём в условиях, когда о цене средства особо не беспокоились. В результате богатейшие природные и человеческие ресурсы нашей страны истощались, а фактически ни одна жизненно важная проблема (продовольствие, жилье, транспорт и т.д.) так до конца и не решалась.

Что ж, переход к подлинной демократии в России предполагает, помимо всего прочего, коренное изменение принципов и механизмов целеполагания в государственном управлении с акцентом на конструктивный массово-народный потенциал. Но пока этого изменения по-настоящему не происходит, хотя и делаются попытки совершенствования исходных формирующих начал управленческого целеполагания, причём ставка обычно делается на следующие аспекты.

Во-первых, насколько общественность привлекается к определению целей государственного управления. Такая постановка вопроса исходит из того, что цели должны рождаться «снизу», а не «сверху», откуда, якобы, всё происходящее виднее. Смысл и цели подобного подхода состоят в том, чтобы благоприятствовать притоку свежих инновационных идей и государственно мыслящих людей. Дуализм (материальное-духовное) состояния общества и волнующие его проблемы являются подлинным и актуальным источником формирования государственных целей. Целеполагание в государственном управлении рано или поздно будет характеризоваться активным участием широких народных масс.

Во-вторых, в какой степени осуществляются принципы открытости и пропорциональности сформулированных целей государственного управления. В реальности существуют действительные трудности в обосновании целей, которые никогда нельзя игнорировать. Любое будущее всегда неясно, вероятно, открыто. Но без попыток начертания будущего невозможно строить даже частную жизнь, поэтому в государственном управлении нельзя обойтись, по Н.Д. Кондратьеву, без четырёх важнейших компонентов: предвидения, прогнозирования, программирования и планирования [2]. Всем ясны ограничения, накладываемые на эти компоненты сегодня, все признают трудности в их функционировании, но все отчётливо осознают неизбежность их введения в процессы государственного управления. Отказ от них выдвигает

гает на передний план стихийные механизмы с абсолютной непредсказуемостью их последствий.

В-третьих, в какой мере соблюдается иерархия целей государственного управления. В нашей стране под влиянием прошлой концепции экономического детерминизма длительное время основополагающей установкой считалась нацеленность на решение вопросов производства. Конечно, экономика создает ресурсную базу государства и основу решения проблем общества. Превращение же экономики в самоценность может привести к разрушению системы «природа – общество – человек». Опять же главным для государственного управления является создание, поддержание и улучшение условий для свободной творческой жизнедеятельности людей, налаживание рациональных взаимоотношений между личностью, институтами общества и структурами государства.

Отсюда возникает более-менее устойчивая иерархия целей государственного управления, построенная на принципе приоритета человеческих потребностей и интересов, которые подразделяются на политические, социальные, духовные, экономические, производственные, организационные, информационные и др. Разумеется, данная иерархия целей государственного управления носит во многом условный и переменный характер. Но она создаёт чёткие ориентиры повседневной деятельности для федеральных и региональных органов власти и позволяет оценивать их экономическую, политическую, культурную практику с точки зрения того, что получает при этом большинство населения страны (региона).

В-четвёртых, как выстраивается «дерево целей» в государственном управлении. Центральным его «стволом» являются стратегические цели, связанные с качеством жизни. Цели различаются: по объёму (общие и частные), по результатам (конечные и промежуточные), по времени (отдалённые, близкие и непосредственные). Важная роль принадлежит согласованию целей с тем, чтобы они поддерживали и обуславливали друг друга. Не менее важным является и ранжирование (субординация) целей.

И всё же главная проблема состоит в обеспечении адекватности целей государственного управления потребностям общества (страны или региона), которые объективно порождаются управляемыми объектами (индивидами, группами, слоями, классами и основными сферами их жизнедеятельности). Достижение этой адекватности означает для управленца образное попадание в десятку, иными словами: абсолютное выполнение своего долга перед гражданами.

Список литературы

1. Атаманчук Г.В. Управление – социальная ценность и эффективность. М., 1995.
2. Кондратьев Н.Д. План и предвидение. М., 1989.

КОНЦЕПТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА США

Пшегорский А.С.

преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, канд. ист. наук, Воронежский институт ГПС МЧС России, Россия, г. Воронеж

Пеньков А.И.

ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Воронежский институт ГПС МЧС России, Россия, г. Воронеж

В статье представлена попытка проанализировать содержание современного геополитического термина «мягкая сила». Рассматривается один из аспектов влияния одной страны на общественное мнение в другой стране – выступления официальных лиц.

Ключевые слова: «мягкая сила», международные отношения, глобализация, геополитика.

В современной дискуссии о геополитическом взаимодействии бывших противников в холодной войне с легкой руки американского политолога Джозефа Ная [1] часто используется выражение *мягкая сила*. Этим выражением Дж. Най суммировал преимущество и одну из важнейших причин победы США в идеологическом противостоянии с СССР, борьбе пропаганд двух сверхдержав. Сегодня, когда вновь обострились взаимоотношения США и теперь уже Российской Федерации на фоне глубокого политического кризиса на Украине, продолжает быть актуальной тема использования «мягкой силы» в контексте попыток влияния какой-либо страны на международную общественность или население другой страны.

Впервые ставшее теперь уже термином выражение «мягкая сила» преподносилось в 1990 г. в статье Дж. Ная мл. как способность «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты» [2, Р. 167]. В 2004 году выходит книга Ная [3], посвященная анализу этого феномена, в которой он поясняет «мягкую силу» как способность привлекать или способность формулировать проблемы, устанавливать повестку дня. Наконец, в апреле 2013 г. Най пишет о мягкой силе привлекательности, с помощью которой можно «сэкономить на кнутах и на пряниках» [4].

Одним из наиболее спорных моментов, возникающих при анализе «мягкой силы» является ее эффективность. Примером суперэффективной и глобальной «мягкой силы» ряд исследователей называет внешнюю политику и внешнюю культурную политику США. Так, о вытеснении из общества национальных ценностей и идеологии в результате воздействия из-за рубежа пишет другой отечественный исследователь Г. Н. Нурышев [5]. Об этом же процессе как важной составляющей успешного «мягкого» воздействия одной страны на другую прямо признается один из идеологов и руководителей

«цветных» революций на постсоветском пространстве американский мыслитель и политтехнолог С. Манн [6]. Наконец, автор пока единственного в России обширного научного исследования именно американской «мягкой» силы утверждает, что «сформулированное гарвардским политологом Джозефом Наем положение об эффективности «мягкой мощи» во внешней политике государств становится особенно актуальным, о чём свидетельствует политика администрации Б. Обамы» [7].

В целом ситуация не ограничивается только Америкой, другие подвергающиеся американскому влиянию страны пытаются отвечать той же монетой. В том числе наша страна, в чьей обновленной (февраль 2013 г.) Концепции внешней политики прямо сказано: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» [8].

Таким образом, складывается впечатление, что несиловое воздействие одной страны на другую действительно имманентно присуще международным отношениям. Это непрерывный процесс обмена идеями, взаимопроникновения культурных паттернов, экономическое сотрудничество, политическое взаимодействие и т. д.

Что касается эффективности мягкой силы, то ее пределы можно обнаружить, на наш взгляд, только комплексно проанализировав сложившееся отношение людей страны-объекта воздействия к стране-субъекту воздействия.

Сегодня мы являемся свидетелями масштабного испытания «мягкой силы» Соединенных Штатов, т.е. именно той страны, которая, казалось бы, доказала всему миру эффективность ее использования. Испытание напрямую касается двух фундаментальных сторон или составляющих мягкой силы: образа США в мире и того мироустроительного проекта, который американцы как страна несут миру.

Для того, чтобы попытаться понять, какие времена «переживает» «мягкая сила» Америки, на наш взгляд, интересно и продуктивно будет проследить риторику самих Штатов во внешнеполитической сфере. Это всегда было одним из инструментов «мягкой силы», ведь она в первую очередь влияет на то, как оценивают эту страну народы по всему миру. Поэтому анализ внешнеполитической риторики может и должен дать первоначальную почву для анализа изменений «мягкой силы».

Анализ упомянутой риторики проводился нами на материалах выступлений президента США (анализировались выступления Барака Обамы за 2015 год; все они представлены на официальном сайте американского президента www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-and-remarks), а также выступления ряда других высших официальных лиц за 2015 год (сводки всех выступлений высших американских должностных лиц, касающихся России, доступны на сайте посольства США в России www.russian.moscow.usembassy.gov/transcripts.html).

Выступления американских чиновников высокого ранга, затрагивающих тему нашей страны, начинаются с речи посла США в России Джона Ф. Теффта в Американской торговой палате в России 20 января 2015 года и за-

вершаются выступлением постоянного представителя США при ОБСЕ Дэниела Бэера 3 сентября 2015 года. Из 16 выступлений только 4 содержат ту или иную положительную характеристику России. При этом два выступления [9] из этих четырех сделал посол США в России Джон Ф. Теффт на мероприятиях, посвященных 70-летней годовщине победе союзников во Второй мировой войне. Понятно, что в таком контексте господин Теффт вряд ли бы мог позволить себе какие-либо отрицательные оценки в отношении России. Еще одно в целом положительное выступление о России сделал адмирал Р. Папп, касаясь вопроса о взаимодействии США и России в Арктике, при этом все равно прозвучала оговорка о том, что «притязания этих стран в некоторых случаях пересекаются» [10]. Наконец, еще одно положительное выступление можно отнести на счет реверанса вежливости посла США Д. Ф. Теффта в отношении книги М. Гусмана «Формула власти», что вряд ли можно учитывать в контексте влияния на широкие массы россиян.

Что касается выступлений президента США, то здесь налицо яркая тенденция: либо замалчивания вопроса взаимоотношения с Россией, либо высказывания в негативном ключе. Из огромного количества выступлений Обамы (несколько выступлений в неделю) только три содержат реплики в отношении нашей страны. Так, в своем сентябрьском выступлении на Генеральной Ассамблее ООН [11] президент США указывает на возрождающуюся Россию («resurgent Russia») как на оппозицию Америке, Россию, которая «аннексировала Крым» и расширяет «агрессию в восточной Украине». Обама, объяснив, что речь не идет о возвращении Холодной войны, перечисляет успехи санкций против России: бегство капитала, падение рубля, эмиграцию образованных россиян; и формулирует довольно странный вывод о желании не изолировать Россию, а сделать ее сильнее.

Ту же риторику в отношении России можно обнаружить и в выступлении Обамы на саммите Большой семерки в июне, и в выступлении после встречи с Генеральным секретарем НАТО в мае этого года. Других или содержащих положительную риторику относительно нашей страны выступлений за большую часть года у президента США не получилось. Хотя количество выступлений в этом году у Обамы переваливает за 70 уже к октябрю.

Таким образом, выборочный (помимо выступлений президента США и посла США в РФ, естественно, существуют речи и политические действия многих других официальных лиц Америки от первой леди до министра обороны) анализ риторики лидеров США во внешнеполитической сфере показывает, что как инструмент «мягкой силы» она либо не используется руководством США, либо используется неправильно, неэффективно, т.к., пользуясь терминологией Ная, не «заставляет другого хотеть того же, чего хочешь ты» или теряет способность привлекать.

Список литературы

1. Американский политолог, политик, основатель вместе с Р. Кохейном теории международных отношений – неолиберализма, ведущий эксперт по международным вопросам. В центре научных интересов Ная – внешнеполитические проблемы, связанные с глобализацией и универсальной взаимозависимостью, вопросы управления и власти в

- условиях информационного общества. См. Политологический словарь-справочник / Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов-на-Дону: Наука-Спектр, 2008.
2. Nye J., Jr. Soft power / Nye J., Jr. // Foreign Policy. – Washington. – 1990. – №80.
3. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най; пер. [с англ.] В. И. Супруна. – Новосибирск, Москва: Фонд социо-прогност. исслед. "Тренды", 2006. – 221 с.
4. Nye J., Jr. What China and Russia don't get about Soft Power / Nye J., Jr. // Foreign Policy [Электронный ресурс]. – 2013. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power
5. Нурышев Г. Н. Современные концепции «управляемого хаоса» в глобальном геополитическом противоборстве / Г. Н. Нурышев // Экономика и экологический менеджмент: Электронный научный журнал СПбГУНТИПТ. – СПб, 2012. – №2. URL: <http://economics.open-mechanics.com/articles/633.pdf>
6. Манн С. Реакция на хаос: [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html
7. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич. – М., 2013. – 50 с.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 01.05.2013)
9. См., напр.: Выступление посла США в РФ Джона Теффта в Центре Карнеги на открытии конференции по Второй мировой войне. URL: www.russian.moscow.usembassy.gov/rem-carnegie-04232015.html (дата обращения: 18.10.2015).
10. Выдержки из телефонного брифинга специального представителя США по делам Арктики адмирала Р. Паппа. URL: www.russian.moscow.usembassy.gov/pb_papp_05182015_rus.html (дата обращения: 20.10.2015).
11. Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly. URL: www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly (дата обращения: 17.10.2015).

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Шановалова А.М.

доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований
Института социологии и регионоведения, канд. социол. наук,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Кочетов Р.Г., Вагина В.О.

студенты, Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Настоящее исследование посвящено изучению предпосылок возникновения политических конфликтов

Ключевые слова: социальная напряженность, политические кризисы, современное российское общество, политические элиты.

Стоит сказать, политическому конфликту традиционно предшествует рост социальной и политической напряженности в социально-политических отношениях. Социальная напряженность возникает, когда большинство людей не удовлетворены состоянием дел или ходом развития событий.

Неудовлетворенность будет ключевым понятием социальной и политической напряженности. Социальная напряженность при определенных условиях может трансформироваться в социально-политическую и политическую.

В основе политического конфликта лежат различного рода политические кризисы, в частности: кризис идентичности, наступающий с распадом идеалов и ценностей, доминирующих в политической культуре данного общества; кризис распределения материальных и культурных благ, заключающийся в неспособности властных структур обеспечить устойчивый рост материального благосостояния населения; кризис участия – уровень вовлеченности граждан в управление; кризис «проникновения» – стремление правящего класса реализовать свои решения во всех сферах общественной жизни; кризис легитимности – несоответствие осуществляемых целей режима и массовых представлений о нормах его функционирования [1, с. 160].

В качестве одной из основных причин возникновения социально-политического конфликта рассматривают относительную депривацию, которая «определяется как восприятие деятелем (актором) расхождения между его ценностными ожиданиями и ценностными возможностями. Ценностные ожидания – это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать. Ценностные возможности – это блага и условия, которые они, по их мнению, могли бы получить и удерживать» [2, с. 7].

Неудовлетворенность служит базовым, побуждающим условием для участников коллективного насилия. Стоит заметить, что она формируется преимущественно в ходе сравнения (сопоставления) положения фрустрированных групп с более благополучными (референтными) группами. При этом «казуальная последовательность в политическом насилии» проходит следующие стадии: развитие неудовлетворенности; политизация этой неудовлетворенности; реализация неудовлетворенности в насильственном действии, направленном против политических объектов и деятелей [3, с. 5].

Теория относительной депривации будет эффективной при анализе социально-политических конфликтов в условиях значительного расслоения общества, когда разрыв в доходах и уровне жизни между бедными (фрустрированными) слоями общества и богатыми (референтными) весьма велик, например, как в современном российском обществе. Аналогичное положение и повод для фрустрации-агрессии сложилось и на международной арене между «бедными» и «богатыми» странами.

Относительная депривация как причина возникновения социально-политического конфликта будет актуальной для современного российского

общества. В народе зреет массовый протест против крайне неравномерного (несправедливого) распределения общественных ресурсов. Экономика страны, обладая огромными возможностями, в основном работает на незначительную часть общества – политическую и экономическую элиту. Поэтому противоречие между тем, на что могут претендовать граждане, и тем, что им предлагает (выделяет) существующая система отношений, для России одно из самых актуальных. На проблемы экономического и социального неравенства накладываются проблемы ограничения политических прав и свобод простых граждан.

Все многообразие причин возникновения внутригосударственных политических конфликтов можно свести к четырем основным: 1) ущемление базовых социально-экономических и политических интересов значительной части населения страны; 2) различия в оценках, ценностных ориентациях, целях, представлениях по поводу политического и социально-экономического развития общества (различия политических культур); 3) борьба между различными группами интересов (кланами, элитами, блоками и др.) за власть и ресурсы в обществе (конфликт политических интересов); 4) процессы идентификации граждан, осознание ими своей принадлежности к определенным социальным, этническим, религиозным и другим общностям и конфронтация с «чужими» группами (конфликт идентичности) [4, с. 27].

Сегодня в России, по данным социологических исследований, 79% россиян не удовлетворены своими жизненными условиями, 70% респондентов оценивают российское общество как несправедливое. Но в силу различных причин неудовлетворенность сложившейся системой в основном носит латентный характер.

Список литературы

1. Волков Ю.Г. Политология в вопросах и ответах: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2001. – С. 158-161.
2. Андреев В.И. Конфликтология. Искусство ведения споров. – К., 1992
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 2005. № 5
4. Курбатов В. И. Конфликтология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА
И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

**ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАК СИНТЕЗ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ АВТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ «НОВОГО ВТОРНИКА»)**

Цараева Л.А.

доцент кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации,
канд. пед. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье на материале публикаций колумнистов «Нового вторника» рассматриваются специфические особенности творческой деятельности журналиста в процессе работы как над заголовком, так и над текстом журналистского материала.

Ключевые слова: газетный заголовок, семантическая пунктуация, авторский подтекст.

В творческой лаборатории журналиста один из самых сложных видов его профессиональной деятельности является работа над текстом будущей публикации. Процесс этот требует не только полной интеллектуальной отдачи, но и высокого эмоционально-экспрессивного накала, способствующего верной интонационной акцентологии, что в синтезе обеспечивает плоду творческой работы журналиста профессиональный успех. В практической деятельности журналиста нередко оказывается, что завершенная им работа – это достойный в целом журналистский текст с высоким уровнем художественной изобразительности: в стилистике повествования проявлено и языковое чутье автора, и знание им изобразительного потенциала языка, тонко продуманное отношение к семантической пунктуации, благодаря чему многие знаки препинания представляют собой не «детали», характеризующие структуру предложения, а смысловые, «говорящие» пунктуационные знаки – аналоги знаменательных слов, выражающих определенное понятие.

И вместе с тем нередко особые затруднения журналист испытывает в выборе заголовка, поскольку он должен представлять из себя художественно-изобразительный синтез всего повествования в целом. Профессионально неряшливое отношение к этой важной составляющей журналистской деятельности является основной причиной появления в богатейшем ряду заголовков значительного количества неудачных.

Есть журналисты, материалы которых не спутаешь ни с чьими другими: читатель узнает их по стилистике, неподражаемой образности изложения, саркастической остроте пера. К числу таких узнаваемых, высокопрофессиональных журналистов относятся такие колумнисты газеты «Деловой вторник», как П. Воцанов, П. Гутионтов, Л. Жуховицкий, Н. Ажгихина и др. Любой номер этой газеты невозможно читать поверхностно, бегло, так как в авторских контекстах и подтекстах позиция журналиста выстраивается, условно говоря, в морально-этический социальный кодекс. И примечательно, что автор его, конечно же, не программирует заранее, он конструируется в

размышлениях читателя проникновением в самую суть жизненной позиции автора, которая проявляется во всем: и в заголовке, и в подзаголовке, и в лиде, и в оценках журналиста, часто уместно мастерски замешивая это на иронии, сарказме, гротеске, словесном каламбуре и других составляющих комического.

Журналистов «Нового вторника» отличает принципиальное и непримиримое отношение к негативным социальным явлениям. Их материалы характеризуют искренность и открытая диалогичность с читателем, и с полной уверенностью можно сказать, что тексты, напечатанные под их именами, – это опосредованное отражение их личности, главными чертами которой являются чувство долга, ответственность, интеллект и максимальная компетенция в обсуждаемой проблеме. Эти журналисты не дифференцируют социально-политические, морально-нравственные и экономические проблемы на главные и второстепенные: все, что касается России в целом и каждого человека в частности, находится в центре их профессионального внимания.

П. Гутионтов и П. Вощанов обладают чрезвычайно редким сегодня для «акул пера» качеством: говорить просто о самых сложных вещах, аргументированно, логически стройно излагая свои мысли, высказывать на удивление прогрессивные идеи, оставаясь при этом верными классическому литературному языку.

В их публикациях мастерски используется и такой редкий сегодня творческий прием, как семантическая пунктуация, благодаря которой перед читателем раскрывается неоднозначность описываемых событий и излагаемых фактов. Семантическая пунктуация импульсирует читателя на раздумья, заставляя проникать в ход авторского повествования, помогает понять смысловую суть авторских подтекстов [1].

Наличие глубокого авторского подтекста – еще одна яркая отличительная черта публикаций П. Гутионтова и П. Вощанова, которые, будучи прекрасными аналитиками, синтезируют в своих текстах высокую информативность и многогранную языковую образность, благодаря чему и создаются индивидуальные авторские подтексты, проникновение в суть которых раскрывает перед читателем многослойность мысли автора. Идеи авторов, выраженные в тексте, уходят и в подтекст, усиливая социальную оценочность воздействия на читательское восприятие. Подтекст в их произведениях – результат четко продуманного взаимодействия в тексте всех лингвистических средств. Лингвистический подтекст на поверку оказывается естественной формой проявления или усиления авторской позиции, выраженной открыто – с сатирическим ли запалом, саркастическим ли негодованием, публицистической доказательностью или с эссеистической широтой. Четкая организация текста – свидетельство профессионального мастерства, показателем которого в публицистике является однозначное, соответствующее авторскому, восприятие текста читателем.

Список литературы

1. Комаева Р.З. Семантическая пунктуация в журналистском тексте // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-16144 (дата обращения: 29.11.2015).

ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ФИДИУÆГ» РСО-АЛАНИЯ

Цараева Л.А.

доцент кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации,
канд. пед. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья рассматривает структурные и функционально-прагматические особенности заголовочного комплекса одной из районных газет Республики Северная Осетия – Алания.

Ключевые слова: газетный заголовок, заголовочный комплекс, районная газета, функции газетного заголовка.

Хороший газетный заголовок – это важнейший компонент публицистического произведения, являющийся ориентиром и одновременно своего рода «навигатором» по материалам, составляющим газетный номер. Заголовок – это как яркая упаковка товара, как сверкающая огнями вывеска, как привлекающая своей оригинальностью витрина: он манит, привлекает покупателя (а читатель в реалиях нашего общества это и есть покупатель), обещая что-то новое, интересное, «бьющее наповал». В. А. Кухаренко отмечает, что заголовок может обладать «колоссальной энергией туго свёрнутой пружины» [1, с. 192], поэтому хороший, эффективный заголовок сегодня – это такой, который своей напористостью, экспрессивностью, плотной информационной насыщенностью не дает читателю времени на раздумья: прочесть или не прочесть, купить или не купить – он заставляет моментально сделать выбор.

Необходимость иметь собственное оригинальное «лицо» побуждает каждое печатное издание к выработке стратегически продуманной эффективной заголовочной политики, складывающейся в зависимости от типологии, направленности издания, предпочтений читательской аудитории и т.п. Однако отмеченная необходимость не в полной мере коснулась такого сектора российской печати, как районная газета.

Принимая во внимание условное деление российских газет с точки зрения присутствия и реализации в заголовках информативного и креативного начал, мы подвергли анализу более 30 выпусков районной газеты «Фидиуæг» и пришли к следующим выводам: заголовки анализируемого печатного издания направлены исключительно на реализацию информативной функции. Заголовки такого типа полностью актуализируют один из смысловых компонентов текста: либо его тему, либо отдельный его факт, либо определенную соотнесенность с героем публикации и т.п. Например: «Вопрос реструктуризации районного долга за газ обсужден в районе» (11.11.2014); «Махарбек Каргинов вышел в финал престижного турнира по смешанным единоборствам «Чемпионат СССР» (17.03.2015); «Первые в районе юбилейные медали к 70-летию Великой Победы вручил глава района Георгий Джигоев» (03.03.2015).

Из всего проанализированного русскоязычного контента газеты рекламная функция нашла слабое проявление лишь в нескольких заголовках, их количество чрезвычайно мало. Рекламная функция заголовков практически нивелирована.

Рассматривая заголовки газеты «Фидиуæг» с точки зрения их структурных особенностей, мы принимали за основу классификацию, предложенную А. А. Тертычным [2, с. 80], и обнаружили, что заголовочная политика данного печатного издания идет по пути использования простых, неосложненных заголовочных структур. Например: «Как восстановить или поменять СНИЛС» (21.03.2015); «23 марта в Северной Осетии стартует досрочный этап сдачи ЕГЭ» (19.03.2015); «Новые возможности людей с инвалидностью» (19.03.2015); «Прибыльный и безопасный агробизнес» (02.05.2015).

К рассматриваемому типу заголовков имеются все основания отнести заголовки, представляющие собой неполные предложения, в которых отсутствуют один или несколько необходимых для восстановления смысла предложения – заголовок членов. Вынесение автором публикации в заголовок определенных второстепенных членов предложения позволяет ему актуализировать основной семантический компонент содержания текста, сделать акцент на самых важных, на его взгляд, смысловых нюансах. Например: «С тройным размахом» (17.03.2015); «Для клиентов центра» (09.10.2014); «Преодолевая трудности» (14.03.2015).

К сожалению, так называемые усложненные заголовки не пользуются популярностью у журналистов районной газеты «Фидиуæг». В пример можем привести лишь один встреченный нами заголовок с усложненной структурой: «Борьба с наркотиками. Рубеж – 2015» (10.02.2015). Не обнаружили мы и усложненные заголовки, представляющие собой парцеллированные конструкции, когда содержание заголовка расчленяется на отдельные части, звенья, которые следуют друг за другом после разделительной паузы.

И наконец, третий тип заголовочной структуры – это заголовочный комплекс. Заголовочный комплекс газеты «Фидиуæг» крайне упрощен за счет отсутствия таких его традиционных составляющих, как хедлайны, подзаголовки, разного рода врезки. Заголовочный комплекс анализируемой газеты включает лишь непосредственно заголовок и лид.

В заключение можно сделать вывод: работники редакции районной газеты «Фидиуæг» не нацелены на придумывание оригинальных интересных названий своим публикациям. Заголовки скучны, монотонны, посредственны, что, возможно, объясняется отсутствием объективных условий для здоровой творческой конкуренции между изданиями подобного типа в районе.

Список литературы

1. Кухаренко В. А. Учебное пособие по интерпретации текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
2. Тертычный А. А. Заголовок – слово главное // Журналист. 2004. №1. С. 80-82.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Бурцев А.С.

канд. юрид. наук, доцент, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Оганесян К.О.

магистрант, НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Финансирование терроризма является на сегодняшний день одной из малоизученных, дискуссионных проблем. Однако его природа, весьма обширна и имеет зачастую экономические, религиозные, иные составляющие, что позволяет изучать данное явление в контексте иных разделов науки (криминотеологии, экономической криминологии). В статье раскрыто понятие финансирования терроризма с помощью признаков, характерных для данного преступления.

Ключевые слова: терроризм, финансирование, признаки, террористическая деятельность.

Впервые нормативное определение «финансирование терроризма» было дано в Международной конвенции «О борьбе с финансированием терроризма» (принята в г. Нью-Йорке 09.12.1999 Резолюцией 54/109 на 76-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [1].

Под финансированием терроризма в Уголовном кодексе РФ понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений [3].

Определяя финансирование терроризма, как некую отличную, от собственно терроризма, форму криминальной активности следует обозначить его суть через специфические признаки:

- транснациональность – проявляется в том, что, во-первых, внешне-экономические связи используются для процесса финансирования терроризма, во-вторых – преступники используют инфраструктуру мировых финансовых рынков для осуществления преступных посягательств, проявление последствий на территории третьих стран;
- организованность – присутствует распределение функций, иерархичность, длящийся характер преступной деятельности и пр.;
- системность;
- латентность;
- особенности в территориальном проявлении;

- корыстный характер – целью является получение выгоды в результате присвоения экономических ресурсов с нарушением принципа эквивалентности. Данный признак признается обязательным. При этом преступление может быть совершено в целях получения личной выгоды, в интересах третьих лиц или организации. Совершение с использованием правовых форм экономических отношений полноценными субъектами экономических отношений, которые возникают у субъектов между собой и с государством, необходимыми для производства, переработки, приобретения, распределения и обмена материальных благ и услуг;

- наличие двух субъектов – юридического (преступность корпораций) и физического лиц (преступность по роду занятости), действующих от имени и в интересах предприятия. Юридическое лицо является субъектом преступления лишь в тех странах, где законодательством предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц (США, Франция);

- существенный ущерб, причиняемый экономическим интересам государства, частного предпринимательства и граждан;

- совершение без использования насилия;
- большое расстояние между жертвой и преступником;
- сложность определения персональной ответственности.

Тесная взаимосвязь террористической деятельности и ее финансирования приводит к тому, что финансирование несет в себе ее некоторые отличительные черты. В частности, так как терроризм является одной из разновидностей девиантного поведения, представляющего угрозу безопасности отдельно взятой личности, общества и целого государства, то и финансирование террористических акций и организаций будет социальным явлением негативной окраски. Кроме того, усложнение процессов терроризма, их тесное взаимодействие и взаимообусловленность с другими отрицательными общественными явлениями, в том числе и с общеуголовной преступностью, рост числа террористических акций международного характера в конечном итоге приводят к тому, что финансирование террористической деятельности также выходит за рамки одного государства. Это проявляется, к примеру, в том, что в финансовой подпитке террора принимают участие не только конкретные физические лица, но и их группы, объединения, финансовые структуры отдельно взятой страны, международной организации, а иногда и целого государства. В свою очередь, усилия стран, направленные на противодействие международному терроризму, все более осложняются глобализацией экономических, политических, идеологических и культурных процессов в мире, сопровождающихся ликвидацией многих барьеров на пути торговли, валютного обмена, информационного взаимодействия [2].

Список литературы

1. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 г.// Правовая система «КонсультантПлюс» – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=42234/> (дата обращения: 06.10.2015).

2. Стешин А.Ю. Правовая характеристика финансирования терроризма – общественно опасного социального явления современности // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 9. С. 50-53.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (ред. от 13.07.2015) // «Собрание законодательства РФ». – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПЕДАГОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Васильева Е.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В представленной статье рассматриваются вопросы участия педагога в допросе несовершеннолетнего, анализируется его правовой статус в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: педагог, педагогический работник, несовершеннолетний, допрос.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепил положение, согласно которому в случаях, предусмотренных законом педагог, обязан участвовать в допросе несовершеннолетнего. Не секрет, что для успешного проведения допроса следователь должен обладать навыками обучения, глубокими знаниями человеческой психологии, умением чтения невербальных контактов [1, с.222]. Но иногда этих знаний в допросе несовершеннолетнего оказывается недостаточно и поэтому следователю для установления контакта с несовершеннолетним необходима помощь педагога.

В УПК РСФСР 1960 года впервые было закреплено участие педагога в таком следственном действии как допрос несовершеннолетнего обвиняемого, но лишь по усмотрению следователя или прокурора или же по ходатайству защитника. Хоть в УПК 1960 года обязательное участие педагога в допросе несовершеннолетнего о статусе подозреваемого не оговаривалось, однако в практике довольно часто обеспечивалось его участие. Так же вышеуказанный Кодекс, закрепил участие педагога в допросе свидетелей и потерпевших в возрасте до 14 лет, а в возрасте от 14 до 16 лет только по усмотрению следователя, причем педагог не рассмотрен в главе 3 УПК РСФСР 1960 года как участник процесса.

С того времени, как педагог стал участником уголовного процесса прошло несколько десятков лет, однако в доктрине ряд ученых до сих пор спорят о его правовом статусе. Так, например, одни считают, что педагог обладает статусом специалиста. Иные же полагают, что педагог должен быть признан самостоятельным участником уголовного судопроизводства, который имеет отличительный статус, нежели специалист. Необходимо отметить, что педагог, несомненно, причисляется к сведущим лицам наряду с экспертом, специалистом, переводчиком, потому что он обладает специальными знаниями. Тем не менее, это не означает, что статус педагога и специалиста

одинаков, ведь закрепление прав педагога в отдельных статьях было бы лишнем, если бы он являлся специалистом. Также задачи специалиста, которые перечислены в ч. 1 ст. 58 УПК РФ не имеет никакого отношения к педагогу, участвующему в допросе несовершеннолетнего, в виду того, что он не является техническим помощником следователя, который осуществляет «поиск и обнаружение невидимых и слабо видимых следов и иных доказательств», а показания, получаемые с участием педагога, не относятся к предметам и документам, упомянутым в ч. 1 ст. 58 УПК РФ [2, с.36].

С.В. Тетючев в своих исследованиях говорил о том, что задачей педагога в допросе несовершеннолетнего признается помощь следователю либо дознавателю и суду. Данная помощь должна заключаться в установлении особенностей подростка, определении последовательности и формы постановки вопросов, а также в приемлемой продолжительности допроса, выборе правильного стиля допроса с точки зрения педагогики, установлении психологического контакта с допрашиваемым. И поэтому бессмысленно полагать, что задачами педагога признается: защита прав и законных интересов несовершеннолетних, обеспечение законности допроса, определение тактики допроса и т.д. Потому что, указанные задачи возлагаются на защитника либо законного представителя, следователя, но не на педагога.

Мы полагаем, что для точного установления в допросе несовершеннолетнего задач педагога, в первую очередь следует определить задачи данного следственного действия. Так как задачей допроса является получение наиболее полных и достоверных показаний несовершеннолетнего. То, следовательно, задачей педагога в допросе необходимо считать содействие в получении полных, а также достоверных показаний несовершеннолетнего. Для реализации этой задачи педагогу следует установить психологический контакт с несовершеннолетним, создать более непринужденную обстановку допроса, составить план допроса, определить приемлемую его продолжительность и т.д.

Что касается конкретных требований к педагогу, то УПК РФ не закреплял их до сентября 2013 года, и поэтому судебная практика в разных регионах России формировалась разнообразно.

Уже в 2013 году Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 185-ФЗ в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» УПК РФ был дополнен новой дефиницией. Под педагогом стали понимать педагогического работника, выполняющего в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся [3].

В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под педагогическим работником понимается физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности [4].

А вот организациями, которые осуществляют образовательную деятельность, могут быть только те, которые осуществляют ее на основании ли-

цензии в качестве основного вида деятельности. То есть такими организациями являются дошкольные, общеобразовательные, профессиональные и организации высшего, дополнительного и дополнительного профессионального образования.

Организацией, которая осуществляет обучение, признается юридическое лицо, осуществляющее на основании лицензии наряду с основной деятельностью образовательную деятельность в качестве дополнительного вида деятельности. Такими являются научные организации, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организации, осуществляющие лечение, оздоровление и (или) отдых, и иные юридические лица.

Следовательно, можно сделать вывод, что функцию педагога в уголовном судопроизводстве допускается реализовать школьному учителю, воспитателю детского сада, преподавателю колледжа или образовательного учреждения высшего профессионального образования, имеющие среднее профессиональное или высшее образование и работающие по специальности в указанный момент. При этом образование необязательно должно быть педагогическим, поскольку это не препятствует выполнению обязанностей по обучению студентов и не означает, что, например, преподаватель образовательного учреждения высшего профессионального образования не обладает знаниями в области педагогики.

Также необходимо, чтобы у педагога был достаточный опыт работы с несовершеннолетними одной возрастной группы, что и допрашиваемый, именно поэтому нецелесообразно на допрос дошкольного ребенка звать школьного учителя или преподавателя высшего учебного заведения, а лучше обеспечить участие воспитателя из детского сада.

Из анализа дефиниции «педагогический работник» можно сделать вывод, что директор или же начальник образовательного учреждения, которые не выполняют обязанностей по обучению и воспитанию обучающихся, не должны привлекаться в качестве педагога по смыслу пункта 62 статьи 5 УПК РФ. Так как в законе между обязанностями по обучению и воспитанию поставлен союз «и», то следует предположить, что эти обязанности педагог обязан выполнять одновременно. Тем самым закон предъявляет повышенные требования к педагогу, как к участнику в допросе несовершеннолетнего.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сказать, что дискуссии ученых по поводу необходимости участия педагога в допросе несовершеннолетнего как участника, его процессуального статуса в уголовном процессе, а также вопросы, касающиеся регламентации оснований его отводов ставят цель для законодателя на активное развитие норм, регламентирующих участие педагога в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Зибер А.Э., Рубачева Е.Л. Психологические аспекты взаимодействия следователя с допрашиваемым лицом // Общество и право. 2014. №4. С.222-224.
2. Орлов Ю. Специалист – это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. N 4. С. 36.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС Консультант плюс.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЬМИ-СИРОТАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Косян М.А.

магистрант 1 курса магистерской программы «Юрист в сфере государственной власти и местного самоуправления», Северо-Кавказский филиал
ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»,
Россия, г. Краснодар

Проблема реализации права на образование детей-сирот является одной из наиболее актуальных на данном этапе развития российского общества. Воспитанники детских домов и интернатов не всегда находят свое место в социуме. Это связано со сложившимися стереотипами о девиантном поведении детей-сирот, отсутствием родителей, а также низким уровнем правовых знаний данной категории субъектов права.

Ключевые слова: дети-сироты, право на образование, девиантное поведение, уровень правовых знаний.

При реализации принципов рыночной свободы и социальной справедливости в рамках института социально-экономических прав меняются ценностные ориентации, в свою очередь оказывая влияние на субъектов сферы образования, но система образования всегда являлась ядром формирования качественного и количественного изменения социальных групп и слоев молодежи, социальной дифференциации, отражающейся во всех сферах функционирования образования.

По данным Министерства образования РФ, на начало 2003 года в стране насчитывалось уже около 700 тыс. детей-сирот [1] но, по информации неправительственных правозащитных организаций, эта цифра значительно выше [2].

В настоящее время по статистике число детей-сирот уменьшается, но их количество остается большим. На учете в федеральном банке данных находится 104 тыс. детей-сирот. В течение последних двух лет органами власти всех уровней были приняты и реализованы решения, которые позволили поддержать различные формы семейного устройства детей-сирот [3].

Реализация прав, установленных национальным законодательством и международными нормами для данной категории лиц, является затруднительной в связи с несовершенством организации работы органов государственной власти, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением прав и свобод детей-сирот, несоответствующим нормам условия содержания детей-сирот в детских домах и домах-интернатах. Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, – специальный субъект социальной политики государства.

Правовой статус обучающихся детей-сирот включает в себя общие характеристики субъектов – обучающихся и особенное – то, что характерно только для детей-сирот [4, с. 21-30]. Субъектный состав обучающихся – дети – сироты; дети, отобранные у родителей по решению суда; дети, родители которых лишены родительских прав, осуждены, признаны недееспособными, находятся на длительном лечении, а также местонахождение родителей которых не установлено. Но субъектный состав может быть расширен: в учреждение могут временно приниматься дети одиноких матерей (отцов), а также дети безработных, беженцев, вынужденных переселенцев, дети из семей, пострадавших от стихийных бедствий и не имеющих постоянного места жительства, с ограничением срока нахождения – не более одного года [5, с. 50-56].

Статья 43 Конституции РФ закрепляет право каждого на образование, гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, предоставляет право на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии, предусматривает обязательное основное общее образование, обязывает родителей и лиц, их заменяющих, обеспечивать получение детьми основного общего образования. Конституция РФ устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования [6].

С 1 сентября 2013 года вступил в силу Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273). Он является основополагающим нормативным правовым актом в сфере образования. Считаю важным подчеркнуть: ст. 36 исследуемого ФЗ содержит норму о назначении государственной социальной стипендии студентам, являющимся детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данный факт следует расценить как положительный. Положительно также расценивается невозможность (ст. 43) отчисления несовершеннолетних обучающихся детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [7].

В соответствии с п. 3 ст. 63 ФЗ № 273 лица, находящиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организациях, осуществляющих лечение, оздоровление и (или) отдых, или в организациях, осуществляющих социальное обслуживание, получают начальное общее, основное общее, среднее общее образование в указанных организациях, если получение ими данного образования не может быть организовано в общеобразовательных организациях. В соответствии с п.3 ст. 65 ФЗ № 273 за присмотр и уход за детьми-инвалидами, детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, а также за детьми с туберкулезной интоксикацией, обучающимися в государственных и муниципальных образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, родительская плата не взимается. Названные выше положения не увеличили права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по сравнению с ранее действовавшим законом.

Льготы детям-сиротам предоставляются в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В случае поступления в высшие или средние профессиональные учебные заведения по очной форме обучения, дети-сироты имеют право на:

- зачисление в период всего обучения на полное государственное обеспечение (предоставление учебным заведением бесплатного питания, бесплатного комплекта одежды, обуви и мягкого инвентаря, бесплатного общежития и бесплатного медицинского обеспечения).

- компенсацию учебным заведением расходов на обеспечение одеждой, обувью, мягким инвентарём и оборудованием;

- выплату стипендии, ежегодного пособия на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей в размере трехмесячной стипендии;

- в период прохождения производственного обучения и производственной практики выплата сто процентов заработной платы;

- бесплатный проезд на городском, пригородном, в сельской местности на внутрирайонном транспорте (кроме такси), а также бесплатный проезд один раз в год к месту жительства и обратно к месту учебы;

- обучающимся, приезжающим в период каникул, выходных и праздничных дней в учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, где они раньше находились, по решению администрации может быть предоставлено бесплатное питание и проживание на период временного пребывания в них [8].

Данные льготы не предусмотрены при получении дополнительного общего и профессионального образования. Мы считаем, необходимо внести изменения в Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: в главе 10 к ст.75 добавить положение о получении бесплатного дополнительного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей и т.д.; в соответствии с этими изменениями предоставить дополнительную социальную поддержку в виде предоставления необходимого технического оборудования и материального обеспечения, необходимого для получения дополнительного образования. Для эффективной реализации предложенных нововведений, обязать органы опеки и попечительства контролировать процесс предоставления дополнительного образования детям-сиротам.

Список литературы

1. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2003. №3 (196).

2. Московская Хельсинкская группа. Права человека в регионах Российской Федерации. 2002. М., 2003.
3. URL:<http://www.usynovite.ru/statistics/2014/3/> (дата обращения: 12.11.2015).
4. Матюшева Т.Н. Соотношение общего, специального и индивидуального в статусе детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей с ограниченными возможностями здоровья и девиантным поведением // Право и образование. 2011. №2. С. 21-30.
5. Матюшева Т.Н. Эволюция статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Современное право. 2013. № 11. С. 50-56.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31.
7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2012. № 303.
8. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // РГ 27.12.1996. № 248.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Митин Ф.В.

помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ,
Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются способы формирования правовой культуры студентов. Автор приводит примеры успешного сотрудничества ВУЗов и других субъектов (органов государственной власти, общественных объединений и т.д.) в деле повышения правовой культуры студентов.

Ключевые слова: правовая культура, образование, право, обучение, развитие.

Правовая культура – система ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов поведения, правовых традиций, принятых членами определенной общности и используемых для регулирования их деятельности [1]. Сейчас много внимания уделяется формированию правовой культуры разных групп населения. Особое внимание надо уделять формированию правовой культуры студенчества как авангарду молодого поколения страны [2, с.17]. Есть точка зрения, что в ВУЗе нужно только учиться по избранному направлению, а активность в иных вопросах отвлекает студентов от обучения. Однако ВУЗ это не только место учёбы, но и местом общения, здесь студенты проводят не только учебное, но и внеаудиторное время. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года в отношении государственной молодежной политики популяризацию таких общественных ценностей как толерантность, права человека, патриотизм, служение Отечеству, ответственность относит к способам решения задачи гражданского образования и патриотического воспитания.

В данном сообщении назовём основные наиболее востребованные, на наш взгляд, способы формирования правовой культуры студентов ВУЗов

(вне зависимости от того, являются они студентами юридического направления или иных направлений).

1. Работа студентов в юридических клиниках ВУЗов.

Юридическая клиника – участник негосударственной системы бесплатной юридической помощи. Юридические клиники создаются на базе высших учебных заведений с целью правовой помощи и правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи (ст. 23 ФЗ от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»). Для работы в юридической клинике привлекаются в основном студенты юридических факультетов, которые проходят предварительный отбор и осуществляют правовую деятельность под руководством педагогов.

2. Участие студентов в социально значимых проектах, имеющих правовое содержание. Различные конкурсы, форумы, семинары, викторины, круглые столы, тренинги, правовые школы проводят не только органы государственной власти, но и институты гражданского общества.

3. Участие студентов в работе молодёжных парламентов, правительств и иных консультативных органов при органах публичной власти. Молодёжные консультативно-совещательные органы создаются не только для изучения проблем молодежи, но и для содействия органам государственной власти в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи и пр. Данные консультативные органы действуют и формируются в соответствии с законодательными актами, имеют регламенты деятельности. Эти органы способствуют открытости органов государственной власти, обеспечивают диалог студенчества и публичной власти [4, с. 186].

4. На федеральном уровне и на уровне субъектов федерации создаются и действуют организации, которые занимаются правовым воспитанием, например, центры правового и патриотического воспитания детей и молодежи.

5. Получить юридические знания можно, обучаясь по программам дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки).

6. Участие студентов в работе научных студенческих обществ, научных студенческих кружков. Научное общество позволяет проводить научную работу, найти единомышленников, обсудить результаты научных исследований.

7. Студентам можно представлять опыт старшего поколения. Встречи с представителями правового сообщества своего субъекта Федерации, добившимися успеха в профессии [5, с. 63], могут оказать положительное влияние на формирование правовой культуры молодых людей.

8. В формировании правовой культуры большое значение имеет желание самих студентов развиваться, узнавать новое. В этой связи все формы популяризации правовых знаний [3, с.88-93] могут быть востребованы в зависимости от интересов самого студента, будь то правовое регулирование управленческой деятельности или правовые основы бизнеса.

Таким образом, различные способы формирования правовой культуры студентов способствуют знакомству студентов с правовыми знаниями, по-

вышению престижа профессии юриста. В каждом ВУЗе, в каждом субъекте федерации и муниципальном образовании существуют свои способы формирования правовой культуры студентов.

Список литературы

1. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. 2003. / URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17379>
2. Попов Е.А., Максимова С.Г. Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7. С.17-22.
3. Сазонникова Е.В. Популяризация правовой науки в России // Право и образование. 2010. № 11. С.88-93.
4. Сазонникова Е.В. О теме диалога в науке конституционного права // Человек в глобальном мире Материалы Международной научной конференции. Под редакцией Н. В. Бутусовой, Й. Ананиева. 2015. С. 186-190.
5. Сазонникова Е.В. Краеведческий компонент в правовой науке и образовании // Право и образование. 2011. № 7. С. 58-63.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА МЕЖДУ СТРАНАМИ

Николаенко Т.Г.

магистрант 1 курса, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Россия, г. Ставрополь

В статье раскрывается необходимость культурного обмена между странами, приводится перечень нормативно-правовых актов направленных на регулирование культурного обмена.

Ключевые слова: культурный обмен, культурные ценности, международное сотрудничество, международные договоры, культурное сотрудничество, культурный процесс.

Получивший большое развитие в современном обществе культурный обмен между странами дает возможность представить уникальную характеристику страны в рамках развития мировой культуры, поскольку раскрывает, с одной стороны, многогранность национальной культуры, ее интеграцию в общемировой культурный процесс, с другой дает возможность ознакомления с достижениями культурного богатства других стран. В ст. 27 Всеобщей декларации прав человека говорится, что каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами [1].

Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах в ст. 15 признает право каждого человека на участие в культурной жизни [2]. В преамбуле Устава ЮНЕСКО подчеркивается, что для поддержания человеческого достоинства необходимо широкое распространение культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира [3].

Согласно абз.2 ст.44 Конституции РФ: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры на доступ к

культурным ценностям» [4]. Этот принцип Конституции РФ необходимо понимать, как право гражданина на пользование достижениями мировой культуры, поскольку культурная политика и сама культура рассматривается в более широком контексте общей политики государств, представляя собой общественное явление, результат совместного действия людей в международном плане и воздействие, которое они оказывают друг на друга.

Для обеспечения этого права и необходим культурный диалог, сотрудничество государств в области культуры, культурный обмен, который, ведет к росту взаимопонимания между народами, что, в свою очередь, не может не способствовать стабильности международных отношений. Существуют различные пути международного культурного сотрудничества – это и защита культурных ценностей в мирное и военное время, совместное создание, реконструкция и реставрация культурных ценностей, различные виды научно-исследовательской деятельности, совместное производство археологических раскопок, создание международных атрибуционных советов, проведение выставок, конкурсов и, наконец, культурный обмен, как наиболее значимое направление культурного сотрудничества, обусловленное интенсивностью развития культурных контактов, возрастанием интереса к мировому культурному достоянию.

Специальные принципы культурного сотрудничества определены в Декларации принципов международного культурного сотрудничества, одобренной Генеральной Конференцией ЮНЕСКО 4 ноября 1966 г.

Особое место занимают договоры по конкретному направлению культурного сотрудничества, которые оговаривают взаимные обязательства государств именно по данному направлению.

Российская Федерация содействует расширению круга субъектов международных культурных связей, поощряет самостоятельное прямое участие в культурных обменах частных лиц, организаций, учреждений и предприятий культуры.

Политика и приоритеты международных культурных обменов Российской Федерации определяются федеральными государственными программами, соглашениями Российской Федерации с другими государствами.

К числу приоритетных направлений международных культурных обменов Российской Федерации относятся совместное производство культурных ценностей, благ; реставрация уникальных памятников истории и культуры; подготовка кадров в области культуры и искусств; создание и внедрение новых технологий, технических средств, оборудования для культурной деятельности; обмен образовательными программами, методическими материалами и учебно-научной литературой [5].

Культурный обмен является приоритетным направлением культурного сотрудничества. Открытость культурной политики приводит к возрастанию интереса по всем видам культурного обмена.

Список литературы

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», N 67, 05.04.2005.

2. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 12, 2004.
3. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры Принят в Лондоне 16 ноября 1945 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/>
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) // «Российская газета», N 166, 25.07.2014.

ПРИОБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Нинциева Т.М.

доцент кафедры гражданского права и процесса, канд. юрид. наук,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье исследуются характерные особенности института приобретательной давности. О возрождении интереса к правовой защите фактических владельцев свидетельствуют появляющиеся в последние годы публикации, посвященные исследованию данного вопроса. Роль приобретательной давности в системе правового регулирования заключается в обеспечении эффективности гражданского оборота, защиты прав и интересов его участников. Изучаемый способ правоприобретения небольшой, но если считать по числу статей кодифицированного закона, включает в себе множество нерешенных проблем, находящихся отражение в реальных человеческих судьбах.

Ключевые слова: правовая природа давностного владения, приобретательная давность, право собственности, владение.

Становление и развитие института приобретательной давности в российском гражданском праве происходило в разные исторические эпохи, но проблемы правоприменения по-прежнему носят актуальный характер. Римские цивилисты рассматривали приобретательную давность, как некую «лазейку» или возможность безболезненного приобретения права владения земель, бесхозными объектами и в настоящее время цивилистическая наука относит приобретательную давность к одному из способов приобретения права собственности. При этом среди ученых так и не сформировалось единое мнение о сущности и роли приобретательной давности. Давностное владение, по мнению К.И. Скловского является «важнейшим механизмом, направленным на восстановление системных связей между нормами о приобретении права собственности и нормами о защите права собственности, которые в гражданском обороте неизбежно влекут частные противоречия и несовпадения» [1, с.58]. В действующем Гражданском кодексе России (далее – ГК РФ) [2] институт приобретательной давности получил свое подлинное юридическое значение, однако, норма, ему посвященная, не обеспечивает должного правового регулирования.

Приобретательная давность, согласно ст. 234 ГК РФ есть добросовестное, открытое и непрерывное владение лицом, не являющимся собственни-

ком, в течение определенного периода времени какой-либо вещью, дающее право на приобретение этой вещи в собственность. Основное предназначение приобретательной давности заключается в стремлении законодателя обеспечить гражданский правопорядок, избежать нарушения законных прав и интересов граждан. По смыслу ст. 234 ГК РФ приобретательная давность служит основанием для возникновения хозяйственных отношений, порождает обязанности надлежащего содержания приобретенного имущества под угрозой его потери в физическом и юридическом смысле. Законодатель не случайно использовал три основных категории добросовестности, открытости и непрерывности в качестве основополагающих условий приобретения права собственности (к примеру, на объекты недвижимого имущества (земельные участки)). В научной литературе эти термины широко трактуются, и чаще всего теоретики считают бессмысленным установление подобных критериев, регламентирующих возникновение общественных отношений, носящих юридический характер. Так, А.В.Ульянов считает, что «придание добросовестности юридического значения лишает эту категорию этического содержания или, по крайней мере, исключает этику из существа добросовестности» [3, с.136]. Ю.П. Свит использует такое понятие как «разумность» в контексте давностного владения, в частности, он пишет, что «добросовестность и разумность, являются оценочными понятиями, позволяющими участникам гражданского оборота регулировать свои взаимоотношения, а суду – решать спор с учетом конкретной ситуации» [4, с.5]. Следует отметить, что требование добросовестности владельца зачастую делает невозможным возвращение в гражданский оборот соответствующего имущества, в свою очередь требования открытости и непрерывности владения в совокупности являются основанием для возникновения права собственности, поэтому можно предположить, что признак добросовестности не играет важной с точки зрения правовых последствий роли.

Право собственности в силу приобретательной давности может быть приобретено как на бесхозяйное имущество, так и на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу. При этом приобретательная давность не может распространяться на случаи, когда в качестве объекта владения и пользования выступает самовольно возведенное строение, расположенное на неправомерно занимаемом земельном участке. В «Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014 года[5] сказано, что «лишь совокупность всех перечисленных в ст. 234 ГК РФ условий (добросовестность, открытость и непрерывность владения как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет) является основанием для приобретения права собственности на это имущество в силу приобретательной давности».

Таким образом, правомерные фактические отношения, реально существующие на протяжении определенного законом времени, становятся юридическими, предоставляют добросовестному давностному законопослушному владельцу определенный набор субъективных гражданских прав при соблюдении им предусмотренных законом условий. Приобретательная дав-

ность порождает фактически правовые отношения, тем самым исключает полную неопределенность, связанную с принадлежностью вещей. Кроме того, фактический владелец вещи вправе защищать свое владение путем предъявления вещно-правовых исков к любым посягающим на его владение третьим лицам. К сожалению, указанная норма права носит декларативный характер, и на практике доказать свое право фактического владения достаточно проблематично. Как справедливо отмечает С.Ю. Стародумова «несмотря на то, что законодатель признает право лица, не являющегося собственником имущества, добросовестно, открыто и непрерывно владеющего им как своим собственным, защищать права владельца, фактически данные нормы не действуют. С одной стороны, проявляется неэффективность норм об установлении права собственности на самовольную постройку и норм о приобретательной давности на недвижимое имущество, с другой – постановления Пленума Суда устанавливают правовое регулирование отношений собственности, придавая силу закона своим актам» [6, с.29].

Таким образом, концептуальные преобразования в системе гражданского законодательства России направлены в первую очередь на устранение дефектов в сфере правоприменения такого уникального феномена, как приобретательная давность. Институт приобретательной давности не является новым и относится к числу первоначальных оснований возникновения права собственности. Приобретательная давность необходима для достижения нормального функционирования гражданского оборота. Приобретательная давность разрешает неопределенность отношений в случае образования разрыва между владением фактическим и правовым. Есть надежда, что в ближайшем будущем нормы о приобретательной давности претерпят значительные изменения, к примеру, появится ясность в практике приобретения права на земельные участки; суды перестанут выносить прямо противоположные исковым требованиям решения, к сожалению, судьи в основном следуют аналогичной практике рассмотрения дел о владельческой защите.

Список литературы

1. Словский К.И. Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы: Комментарий Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 года, Постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 года № 54, информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 года № 153. М.: Статут, 2014. 205 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2015. № 27. Ст. 3945.
3. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133 – 140.
4. Свит Ю.П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 3 – 10.
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 6.
6. Стародумова С.Ю. Неэффективность применения норм о приобретательной давности как основания возникновения вещных прав // Нотариус. 2013. № 5. С. 25 – 30.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам VIII Международной научно-практической
конференции

г. Белгород, 30 ноября 2015 г.

В десяти частях
Часть V

Подписано в печать 10.12.2015. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 227

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а